

Хеннеке Кардель

Адольф Гитлер — основатель Израиля

«Адольф Гитлер — основатель Израиля»: Русский Вестник;

Москва; 2002

Введение

Der Bannerträger, Hubert Lanzinger, 1938

В 1973 г. автор этой книги встретился на одном острове в Атлантическом океане со штабным офицером, вместе с которым он за тридцать лет до того участвовал в осаде Ленинграда. Его родители, венские евреи, когда разразилась первая мировая война, были во время морского путешествия сначала интернированы на этом острове, а позже осели на нем.

«Амиго, — спросил автор, когда первые бокалы виски, выпитые в казино пехотной казармы, развязали языки, — как ты, еврей, мог носить на груди эти три ордена со свастикой?» — «Видишь ли, — ответил он на прекраснейшем венском диалекте, — ты поскреби как-нибудь Гитлера. И обнаружишь такого же венского еврея, как и я».

Небольшой итальянский лайнер отчалил от острова, и две недели спустя автор сошел на сушу в Буэнос-Айресе. Он говорил со многими из миллиона живущих в этом городе евреев, за обеденным столом и в кафе, и, когда речь заходила о т.н. военных преступниках, слышал один и тот же вздох:

«Гитлер — австрийский полуеврей? Помилуй Бог! Но, в конце концов, Эйхман, уроженец Линца, которого поймали здесь, был стопроцентным евреем».

Когда потом, в Андах, одна еврейка-антисионистка, очень юная женщина, вспльчиво сказала: «Этот Бен Гурион — второй Гитлер!», я решил действительно «поскрести Гитлера». Есть ли какая-то связь между неясным происхождением Гитлера и основанием государства Израиль, которого не было 2000 лет и которое ровно через три года после смерти Гитлера вдруг снова появилось?

Нужно быть столь же твердым в вере, как г-н Мазер, этот немецкий папа гитлероведов, чтобы залихватским жестом отбросить этот вопрос. Согласно его версии, все предки этого персонажа мировой

истории, этой уникальной концентрации хитрости, энергии и ума, были простолюдными из австрийских лесов, и никем другим. В случае сомнения темный пункт незаконного еврейского деда Франкенбергера проясняется благодаря свидетельствам трех неграмотных, Ромедера, Брейтенедера и Паука, поставивших вместо подписей кресты, тогда как подпись местного деревенского священника отсутствует. И разве помощник фюрера по юридическим вопросам Ганс Франк (кстати, сын еврея-адвоката из Бамберга) не говорил, что точно знал от бабушки Гитлера, 2-жи Шикльгрубер, что ее сын Алоиз, отец Гитлера, не был сыном еврея Франкенбергера? Правда, этот Франкенбергер исправно платил за внебрачного Алоиза, пока тот не достиг 14-летнего возраста. Добавим от себя, что упомянутая бабушка Гитлера скончалась за несколько лет до его рождения.

Мазер, который, правда, допускает, что «последнее слово о фюрере Великой Германии еще не сказано», приходит к такому выводу:

«Гитлер знал, что с конца 1941 г. (когда блицкриг закончился в московских снегах и США вступили в войну) ему остается только сражаться, чтобы отсрочить это решение (покончить с собой)».¹

Он жестоко ошибается. Именно тогда, когда война стала войной на два фронта и тем самым была проиграна, Гитлер поручил своему ближайшему сподвижнику, начальнику полиции Рейнхарду Тристану Ойгену Гейдриху, отец которого первоначально носил фамилию Зюсс и о котором Гиммлер говорил, будто он «преодолел в себе еврея»,² заняться т.н. окончательным решением еврейского вопроса. Только уничтожение евреев позволило несколько лет спустя сделать действительностью старую мечту о «создании очага для еврейского народа».

Выводы г-на Мазера относительно предков Гитлера уже год спустя подверг резкой критике г-н Фест, новая звезда среди гитлероведов:

«Мазер, разумеется, не может доказать свой тезис; тем не менее он приводит свой аргумент в форме доказательства. Столь же сомнительны и все прочие аргументы».³

Но после этого совершенно правильного утверждения данный вопрос и у Феста вдруг решается очень просто:

«Вопрос о деде Гитлера действительно имеет второстепенное значение».⁴

¹ «Шпигель», 1973, № 24, стр. 124.

² Bernt Engelmann, «Deutschland ohne Juden», Schneekluth 1970, S. 240.

³ Joachim C. Fest, «Hitler», Ulstein 1973, S. 1047.

⁴ Joachim C. Fest, «Hitler», Ulstein 1973, S. 1047.

Для Феста вопрос о еврейском происхождении вообще «лишь предмет побочного интереса».⁵ Но таким образом обесценивается любое исследование «*sine ira et studio*». Тот, кто не хочет всерьез заниматься гипотезой об отце Гитлера как о полувевре, кто считает Гитлера «пьяницей», который уносил домой «из зловонных, прокуренных пивных безобразные, позорные сцены»,⁶ тот, кто не хочет всерьез заниматься безмерным у Гитлера психозом ненависти к родной крови, тот мало поймет в истории XX века, основания государства Израиль и всего того, от чего у нас до сих пор захватывает дыхание.

Нелюбимый, и, по всей видимости, ненавистный отец и незаконный дед — вот две главные фигуры, необходимые для понимания более позднего Гитлера. Опыт общения с евреями в Вене во время первой мировой войны и во время Баварской Советской республики был для самого Гитлера лишь желанным подтверждением, внешним орнаментом.

Полтора года спустя нельзя, конечно, доказать с полной уверенностью высокую степень вероятности того, что дедом Гитлера по отцовской линии был еврей Франкенбергер. Но абсолютно точно, что Гитлер знал, что Франкенбергер платил за его отца Алоиза, и страх того, что этот Франкенбергер действительно его дед, не покидал Гитлера никогда и определял всю его жизнь, был стимулом всех его действий.

Автор не придает, в отличие от некоторых историков, слишком большого значения сохранившимся документам разведки или министерств — многие из них после 1933 года одной, а после 1945 года другой стороной были уничтожены, спрятаны или использовались лишь для того, чтобы вводить в заблуждение. Пользуясь своим здравым рассудком, я оцениваю личные впечатления и воспоминания заслуживающих доверия свидетелей, независимо от их возраста и от того, евреи они или т.н. военные преступники. Читатель сможет сам судить об их достоверности. В этом ему поможет список литературы, в котором много книг запрещенных, распроданных или отправленных заинтересованной стороной в макулатуру...

До 1933 года в Германии и за рубежом свободно писали и говорили о предполагаемом еврейском происхождении Гитлера, зубоскалили насчет его интимных связей с полувеврейками. После прихода Гитлера к власти в Германии об этом стали говорить все осторожней, а за рубежом — все деликатней. А после 1945 года ни один из перевоспитателей немецкого народа не проявил большой склонности к тому, чтобы сказать хотя бы одно слово о еврейском участии в еврейском несчастье.

Когда рассказывают о мечте Гитлера венского периода его молодости сделать из арабской Палестины еврейское государство и тем самым очистить Европу от евреев, степень еврейского или частично еврейского участия в этом давно умышленно затушевывается двумя сторонами: старыми нацистами и молодыми сионистами, которых мы назовем «националистами». Нет никакого сомнения в том, что Гитлер ни в коей мере не был национал-социалистом, что он предал эту высокую идею, рожденную в окопах первой мировой войны, и с помощью присущей ему от рождения казуистики подчинил ее своей ненависти к родной крови и своему еврейскому комплексу.

То, что идеология национал-социализма сама по себе не является антисемитской и не должна быть таковой, доказала Аргентина в 1973 году. Снова призванный народом к власти Перон вслух сказал, о чем он думает, и поддерживавшая его беднота писала на всех стенах лозунг «Национальный социализм». И самым важным министром в правительстве Перона, который пытался вытащить из антинародной грязи заведенную в нее военными карету, был экономический премьер-министр Бер Гельбард, еврей, родившийся в Польше.

Злосчастная встреча гитлеровского психоза ненависти к родной крови с руководимой евреями советской диктатурой в Мюнхене сразу же после первой мировой войны превратила зарождавшийся тогда в Германии национал-социализм в разновидность расовой идеологии.

⁵ Joachim C. Fest, «Hitler», Ulstein 1973, S. 1047.

⁶ Hans Frank, «Im Angesicht des Galgens», Munchen-Grafelfing 1953, S. 331.

Что же касается уничтожения евреев — а это уничтожение имело место, — трудно найти исполнителей, которые не были бы еврейского происхождения. Во всяком случае, у трех наместников на Востоке была примесь еврейской крови. Возможно, эта кровь у них даже преобладала. Это Гейдрих, Франк и Розенберг. К данному исследованию приложены фотографии трех главных деятелей, которые, вольно или невольно, больше всего способствовали возникновению Израйля: Гитлера, Гейдриха и Эйхмана. У них явно семитские глаза, носы и рты. Снимки эти были сделаны, когда им было около сорока лет, т.е. в зрелом возрасте.

Adolf Hitler (1889 — 19??)

«Adolf Hitler, der Schöpfer des Dritten Reiches und Erneuerer der deutschen Kunst», Heinrich Knirr, 1937

SS-Gruppenführer Reinhard Tristan Eugen Heydrich (1904 — 1942), Josef Vietze, 1941

Adolf Otto Eichmann (1886 ~ 1962)

И Гитлер сказал над гробом Гейдриха:

«Как вождь партии и как вождь Германского рейха я дарую тебе, мой дорогой товарищ Гейдрих, как второму из немцев, высшую награду, которую я могу дать: высшую степень Германского ордена».⁷

Читателю придется очень долго искать, прежде чем он найдет исчезнувшее с книжного рынка чрезвычайно поучительное исследование немецкого еврея, преподавателя высшей школы Дитриха Брондера, который в своей книге «Перед тем, как пришел Гитлер» рассказывает о результатах своих исследований в 1964 году:

«Сами были еврейского происхождения или находились в родстве с еврейскими семьями: фюрер и рейхсканцлер Адольф Гитлер; его заместители рейхсминистр Рудольф Гесс и рейхсмаршал Герман Геринг; рейхсляйтеры НСДАП Грегор Штрассер, д-р Йозеф Геббельс, Альфред Розенберг, Ганс Франк и Генрих Гиммлер; рейхсминистры фон Риббентроп (который однажды пил на брудершафт со знаменитым сионистом Хаимом Вейцманом, умершим в 1952 году первым президентом Израиля) и фон Кейделль; гауляйтеры Глобочник (истребитель евреев), Иордан и Вильгельм Кубе; высшие руководители СС, принимавшие участие в уничтожении евреев, Рейнхард Гейдрих, Эрих фон дем Бах-Зелевский и фон Кейделль 2-й; банкиры и спонсоры Гитлера до 1933 года Риттер фон Штраус (вице-председатель нацистского рейхстага) и фон Штейн; генерал-фельдмаршал и государственный секретарь Мильх, помощник государственного секретаря Гауе, физики и старые члены партии Филипп фон Ленард и Абрахам Зау; старые члены партии Ханфштенгель (начальник отдела зарубежной прессы) и проф. Хаусхофер».⁸

Этот список неполон. Тот, кто захочет заняться взаимосвязями между болезненной ненавистью к родной крови у Гитлера и у его паладинов, с одной стороны, и основанием государства Израиль, с другой, найдет в нем подтверждение этих взаимосвязей.

⁷ Max Domarus, «Hitler — Reden und Proklamationen», Suddeutscher Verlag Munchen 1965, S. 1891.

⁸ Dierrich Bronder, «Bevor Hitler kam», Hans Pfeiffer Verlag 1964, S. 204.

Глава 1

Насчет отца и матери — все зыбко и неясно

Дожливым, холодным вечером 20 апреля 1889 года в гостинице «Цум Поммер» в Браунау на Инне раздался крик. На первом этаже молодая жена таможенного чиновника Австро-Венгрии, которому перевалило уже за пятьдесят, родила сына. Этот крик на протяжении первой половины XX века заметно усилился и оборвался лишь тогда, когда человек, родившийся в этот день, пустил себе пулю в рот, свой главный орган, в 1945 году в Берлине на развалинах рейхсканцелярии.

«Braunau am Inn» by F. X. Weidinger, 1943

Главной причиной того, что он всю жизнь был чем-то недоволен и постоянно бесновался, следует считать то обстоятельство, что в нем несчастливим образом смешалась кровь двух народов, из которых сначала один, а потом другой вообразил себя избранным Богом или Провидением: евреев и немцев. «И поставлю тебя над всеми прочими народами».

Довольный отец новорожденного сам был внебрачным сыном и сорок лет носил девичью фамилию своей матери: Шикльгрубер. Но однажды вечером он проворчал сквозь усы, расставаясь со своими коллегами по таможене: «С завтрашнего дня называйте меня Гитлером». Три неграмотных старика с его родины пришли к местному деревенскому священнику и один за другим удостоверили, что умерший двадцать лет назад Иоганн Георг Гидлер — «да, тот самый, что женился на этой Шикльгрубер» — все время хотел усыновить Алоиза, но так и умер, не усыновив. Под этим применительным свидетельством каждый из трех лесных жителей поставил жирный крест.⁹ Новую фамилию Гидлер — иногда ее писали и как «Гюттлер» — таможенник изменил на «Гитлер» (эта форма часто встречается среди евреев). Эту же фамилию получил и младенец,

⁹ Изменение записи от 07.06.1837 в книге актов гражданского состояния Деллерсхайма, сделанное священником Цанширмом в январе 1877.

родившийся 20 апреля. Назван он был Адольфом. Позже главным образом девочки звали его «Вольф». Еще позже его называли просто: «Мой фюрер».

Повешенный в Нюрнберге генерал-губернатор Польши полуеврей Ганс Франк, во времена борьбы за власть юрисконсульт Гитлера, в своей опубликованной позже книге «Перед лицом виселицы» ясно дал понять, что знал о еврейском происхождении Гитлера. Гитлеровед Мазер, ученик коммуниста Никиша, противопоставил предсмертным признаниям Франка такой антикатолический аргумент: остается открытым вопрос, «каким образом Ганс Франк накануне казни мог сделать столь важные заявления. Возможно, находясь в Нюрнберге под духовной опекой американского католического военного священника Сикста О'Коннора, он хотел изобразить раскаяние, избавить католиков на все времена от убийцы миллионов „католика“ Гитлера и посеять среди евреев беспокойство, неуверенность и сознание вины». И находятся люди, которые всерьез принимают эти дикие фантазии Мазера.

Отец Адольфа таможенный чиновник Алоиз Гитлер происходил из лесной области Австрии, находящейся вблизи чешской границы, т.е. из глухомани. Он учился на сапожника, но бросил это дело. Когда ему было 18 лет, он уехал в Вену и поступил на перспективную службу в органы финансового контроля. Бюрократическая карьера ему удалась. Интеллигентный парень выдвинулся и сменил много мест. Он пригласил к себе 13-летнюю племянницу из своей родной деревни по имени Клара Пельцль. Позже она от него забеременела, когда его вторая жена лежала при смерти, а потом Клара стала его третьей женой. Из ее шести детей выжили двое, Адольф и его младшая сестра Паула, которая позже вела домашнее хозяйство своего брата. Результатом служебных командировок Алоиза Гитлера в Вену было появление внебрачных детей в этом городе, отличавшемся тогда весьма свободными нравами.

После того, как биограф Гитлера Конрад Гейден разболтал в 1936 году в Швейцарии, что одним из предков будущего фюрера по материнской линии был Иоганн Саломон, что «многие евреи носят фамилию Гитлер» и что «могила с именем Розалии Мюллер, урожденной Гюттлер, находится на еврейском кладбище в Польне», одной из первых мер после аншлюса Австрии стало уничтожение целых деревень и кладбищ на родине предков Гитлера — на их месте устроили полигон.

Мать Гитлера, которая часто называла своего мужа по-прежнему «дядя Алоиз», была тихой и скромной. Вскоре после рождения сына семья переехала на Линцерштрассе в Браунау. Мать знала: не успеют просохнуть обои в этой квартире, а Алоиз уже будет искать другую. Часто новая квартира оказывалась более темной и сырой, но для него главной была перемена мест. Позже он перебрался в пограничный город Пассау, где австрийская таможня имела наружный пункт на германской территории. Но и там он долго не задержался. В итоге маленький Адольф, который говорил на баварском наречии и еще не ходил в школу, оказался в Линце, городе, который он любил до конца своих дней. Его отец ушел на пенсию, купил дом у ручья в Хафельде на реке Траун, вместе с хозяйством, разводил в этом тихом уголке между Линцем и Зальцбургом пчел и был хорошим соседом. Как только вся мебель в доме была расставлена, Алоиз его продал и переехал в соседний Ламбах, сначала в дом № 58, а потом он снял квартиру на мельнице у мельника Цебля.

«Das Schulhaus des Führers in Fischlham, Radierung» by Paul Geißler, 1943

Адольф пошел в начальную школу соседней деревни Фишльхам. Он хорошо рисовал, громко и правильно пел, и вскоре его взяли в хор монастыря Ламбах, длинное барочное здание которого возвышалось над всей деревней. Он стал хористом ламбахской церкви Троицы, тоже роскошного барочного здания, и был горд своим новым пестрым одеянием. Столетиями на гербе аббатов бенедиктинского монастыря в Ламбахе красовалась свастика. Здесь мальчик впервые услышал о евреях, которые мучили нашего Господа и Спасителя и распяли Его на кресте. Глубокое впечатление на Адольфа произвел церковный блеск, которого не было в родительском доме, и он до конца жизни сохранил восхищение католической церковью. Он с успехом уклонялся от уплаты любых налогов, кроме церковного налога, который он даже в 1945 году добросовестно платил. Образование Адольф продолжил в монастырской школе Ламбаха. Отец был с ним очень строг; к страху перед отцом добавлялся страх перед учителями. Мальчика часто и сильно секли, и он искал защиты у своей матери, к которой был очень привязан. Отец готовил его к карьере чиновника, из-за чего страх перешел в строптивость. Адольф учился посредственно, а теперь умышленно стал получать плохие отметки. Он решил жить в соответствии со своими наклонностями. Всякую упорядоченную деятельность он презирал.

«Elternhaus des Führers in Leonding» by F. X. Weidinger, 1943

Семья опять переехала в пригород Линца Леондинг, и отец заставил своего не желающего учиться сына поступить в государственную реальную школу в Линце, где он уже в первом классе остался на второй год. Под партой ленивый ученик читал романы Карла Мая. Новых неудач отставной таможенный чиновник не пережил. В январе 1903 г. в гостинице «Визингер» в Леондинге с ним случился удар, и он умер на руках плотника Иозефа Ранцмейера.

«Мальчиком 10-12 лет я вынужден был ходить поздним вечером в эту вонючую, прокуренную харчевню, — рассказывал Гитлер позже своему адвокату д-ру Гансу Франку о своем отношении к ненавистному отцу-„полтиннику“. — Это был самый ужасный стыд, какой я когда-либо испытывал».

Вдова Гитлера поместила своего сына в интернат в Линце. Одна из католических воспитательниц была родом из той же лесной области, и скоро к трудновоспитуемому ученику приклеилась презрительная кличка «еврейский олух». Проведя два года в деревне, мать переехала в маленькую квартирку в Линце. Адольфа после переэкзаменовки перевели в четвертый класс реальной школы, но настоятельно посоветовали ему сменить учебное заведение. Только о своем учителе истории в Линце он сохранил хорошие воспоминания. Д-р Печ был родом с южной границы и националистом. Он считал государство Габсбургов не немецким и представлял в совете общины немецкую национальную фракцию. В 1938 г., после аншлюса Австрии, Гитлер снова встретился со старым Печем, провел с ним наедине целый час и объяснил ожидающим у дверей: «Вы не подозреваете, чем я обязан этому старику».

Итак, Адольф Гитлер вынужден был покинуть Линц и его приютили государственная реальная школа в расположенном южнее Штейре и дом Игнаца Каммерхофера у овощного рынка. Отметки в первом аттестате этой школы были настолько плохими, что Гитлер вместе с товарищами по несчастью тайком уехал на отдаленный хутор, где они выпивали, орали и проклинали учителей, этих «чиновных нахалов». Поскольку его и так плохой аттестат совершенно утратил ценность, он им, просим прощения, подтерся. Кто-то нашел его и в феврале 1905 г. доставил директору школы. Запись, что за школьное полугодие данный ученик пропустил 30 дней «без уважительной причины» еще можно было прочесть. Короче, это было ужасно, и после разговора с директором школы по фамилии Лебеда Гитлер торжественно поклялся никогда в жизни больше не пить.

Гитлер начал болеть, и все были довольны, что этот 16-летний юноша перестал учиться в школе, а он сам — больше всех. Вместе с матерью он уехал к тетке на родину, пил там много молока, хорошо питался и быстро поправился. Следующей весной он посещал музеи и оперу в Вене, а потом рисовал, сочинял стихи и читал их в Линце, где в квартире матери для него всегда была наготове одна из двух комнат. Он учился также играть на пианино и два года чувствовал себя довольно хорошо «в пустоте этой уютной жизни». Ему нравилась светловолосая, хорошо сложенная девушка Стефания, и он ежедневно поджидал ее в пять часов пополудни, разодетый в пух и прах, в том месте, где эта красотка обычно прогуливалась под руку со своей матерью, и каждая ее улыбка делала его счастливым. Он никогда не говорил со Стефанией. В письмах он скрывал ее имя и называл ее по фамилии своего товарища по школе еврея Бенкизера. Подмастерье обойщика Кубичек, так же влюбленный в оперу, как и он, был его единственным другом, который во время долгих прогулок терпеливо слушал речи Гитлера. Родители Стефании купили огромный новый дом в стиле ренессанс с музыкальным салоном и особенно хорошей акустикой. «А где должен стоять рояль?» — спросил недоучка реальной школы своего друга Кубичека, а тот завел разговор о деньгах.

«Das Geburtshaus des Führers in Braunau am Inn — Hofseite» by Paul Geißler, 1943

«Что деньги!» — опять услышал он от человека, абсолютно уверенного в том, что эти бумажки можно получать и не имея профессии. Когда Стефания перестала ему улыбаться, как раньше, и за ней начали ухаживать молодые лейтенанты, «пустоголовые дураки», мечтатель Адольф Гитлер решил броситься с моста в Дунай, разумеется вместе со Стефанией.¹⁰ Никто из них не прыгнул, и мировая история пошла своим путем.

Осенью 1907 г. молодой Гитлер решил поехать в Вену, чтобы там, в соответствии со своими наклонностями, стать «академическим художником». Чемодан, наполненный в основном книгами о подвигах немецких героев, был уже упакован, когда мать присела к постели своего сына и взяла его за руку.

«Послушай, — сказала она тихо, с трудом шевеля губами, которые стали тоньше после того, как за несколько месяцев до этого ей оперировали рак груди, — твой отец...»

Она запнулась, потом выпрямилась и сложила руки вместе.

«Я скажу тебе сегодня все, — продолжила она спокойно. — Может быть, тебе понадобятся адреса в Вене. Мать твоего отца забеременела, когда ей было уже за сорок. Она работала в Граце у еврея Франкенбергера, который приехал из Венгрии, а позже переехал в Вену. К Алоизу, твоему отцу, в его доме относились как к сыну. До 14 лет Франкенбергеры платили за него деньги, а потом он стал учиться на сапожника. Они ему писали и часто делали подарки, эти Франкенбергеры, они благородные люди. Возьми венский адрес Франкенбергера, это твой дядя. Может быть...»

Она замолчала. Смертельно больная женщина сунула записку под подушку, поцеловала своего сына в лоб и тихо закрыла дверь. Адольф долго не спал этой ночью, а на следующее утро его друг Кубичек потащил тяжелый чемодан на вокзал.

Через три месяца Гитлер вернулся в Линц, бледный, изможденный, со впалыми глазами. «Она неизлечима», — сказал ему домашний врач, еврей, д-р Блох, и услышал от юноши сердитый ответ: «Что это значит? Не то, что болезнь неизлечима, а лишь то, что врачи не умеют ее лечить». Подавленный сын засучил рукава и сварил для матери ее любимые блюда. За три дня до Рождества 1907 года его мать умерла в возрасте 47 лет, и в

¹⁰ 10August Kubizek, «Adolf Hitler, mein Jugendfreund», Leopold Stocker Graz 1953, S. 79.

день накануне сочельника маленький траурный кортеж двинулся по узким улочкам, покрытым туманом с Дуная. Восемнадцатилетний сын шел за гробом в длинном черном зимнем пальто, держа в одной руке цилиндр, а другой вел за руку 11-летнюю сестру Паулу. За свою сорокалетнюю врачебную практику д-р Блох никогда не видел молодого человека, настолько сломленного страданием и горем. В долгой тишине Святой ночи одинокий человек ходил по улицам Линца до тех пор, пока не забрезжил рассвет.

Глава 2

Венский бомж

Незадолго до того как Гитлеру пришлось ухаживать за своей умирающей матерью, он провалился в Вене на экзамене при попытке поступить во Всеобщую художественную школу. Его не приняли, и это подействовало на него как гром с ясного неба. Он покинул роскошное здание на Шиллерплац в полном отчаянии. В провинции он был лучшим художником в своем классе, а здесь Вена, двухмиллионный город. Большие надежды не сбылись. Целый день он боролся сам с собой: воспользоваться ли письмом, которое мать сунула ему при расставании под подушку? Наконец он решился: пусть он тоже будет евреем и с этой стороны ему должны помочь в великой нужде.

«Wien Opernhaus» by A. Hitler

Он пошел на еврейское кладбище Вены в поисках могилы, но нашел несколько надгробных камней с фамилией «Франкенбергер», а рядом другие, с фамилией «Гитлер». Потом он купил почтовую открытку с видом венской синагоги и нарисовал с нее акварель, которая хорошо получилась. На следующий день он приобрел лапсердак и направился через ухоженный сад к вилле Франкенбергера в венском пригороде Хитцинг. Ему открыла дверь девушка, которая провела его в салон. Ступая по большому ковру, он подошел к креслу в углу и положил на него пачку своих рисунков, акварель с изображением синагоги — сверху. На стене висели портреты предков. Он смотрел на них: такой же, несколько великоватый и слегка изогнутый нос, что и у него, а также у его сводного брата Алоиза и сводной сестры Анжелы, которые родились от другой матери. И тут вошел Франкенбергер, мужчина лет шестидесяти, ухоженный и упитанный. «У него такой же большой нос, — отметил про себя молодой Гитлер, — фамильный признак». Это придавало ему храбрости. Он представился и быстро изложил, что ему нужно:

«Ваша семья, Ваш уважаемый отец, Ваш дед так много сделали для моего старика, да смиловывается над ним Бог. Помогите мне, его сыну, которые теперь один во всем мире. Я не прошу денег. Помогите мне поступить в академию. Ведь Вы так могущественны».

Старый Франкенбергер отложил сигару и прошелся по комнате.

«Послушайте, юный друг, — начал он. — То, что мы платили за Вашего отца, это верно. Но никто не может сказать, что он происходит от нас. Говорят о моем отце. Но кто скажет, что это в самом деле был он? Разве что Ваша бабушка, но не будем говорить о ней».

Он помахал рукой в воздухе, а молодой Гитлер стоял с открытым ртом.

«Послушайте, — снова заговорил Франкенбергер. — Я не меценат, я в этом не разбираюсь. Но, знаете, у нас в Вене есть столовая для наших стариков. Не хотите ли там работать?»

Гитлер взял свою папку, кивнул головой и вышел, не сказав ни слова. Он выбежал на улицу, потом остановился, достал акварель с синагогой, разорвал ее и выбросил клочки за изгородь. Он побежал дальше, снова остановился, сорвал с себя черный лапсердак, вернулся и выбросил его вслед за клочками картины. Он повис на кусте, на котором цвели красные розы.

«Я вышлю их обратно в пустыню! — угрожающе прокричал он на нижнебаварском наречии и потряс кулаком. — Пусть уходят туда, откуда пришли. Я вышлю их в пустыню, всех!»

«Der Führer» by Heinrich Knirr, 1937

Двое прохожих остановились и удивленно взглянули на него. Юноша побежал дальше. Фалды его сюртука развеялись по ветру. Он обойдется без чужой помощи. Он будет заниматься и следующей осенью сдаст экзамен. Но помощь все-таки требовалась, и она пришла от домовладелицы из Линца: ее мать знала в венской Школе художественных ремесел профессора Альфреда Роллера, а тот знал скульптора Панхольцера. Последний был готов помочь молодому дарованию подготовиться к экзаменам в 1908 году.

Гитлер хотел перетащить за собой в Вену своего друга Кубичека. Почему этот талант должен хиреть в Линце? Почему Густль не занимается музыкой? Впервые Гитлер испробовал свое ораторское искусство, свою силу убеждения на отце Кубичека, который надеялся, что его единственный сын унаследует его созданную с таким трудом обойную фабрику. Призвание музыканта, блестящая карьера дирижера или ранняя смерть от туберкулеза, профессиональной болезни обойщиков, — Гитлер использовал все аргументы, и в 1908 году он был в Вене уже не один: он привел своего приехавшего друга с вокзала на Штумпергассе и на заднем дворе дома № 29 разделил узкую комнатку, которую он снимал у чешки, вдовы Закрейс, с другом, который должен был изучать в Вене музыку. Комната и весь дом пахли керосином.

На следующее утро Кубичек пошел в консерваторию, когда Гитлер еще спал. В полдень он разбудил своего все еще спящего друга и сказал, что выдержал экзамен. Кубичек учился прилежно, с успехом и вскоре к тому же стал зарабатывать, давая уроки музыки девицам из богатых семейств.

Молодой Гитлер в то же время все более неохотно брал уроки у скульптора Панхольцера. Его грызли сомнения. Кем был его отец? А бабушка? Действительно ли она, когда ей было за сорок, отдалась девятнадцатилетнему сыну хозяина, этого Франкенбергера? Какой позор это «соблазнение сотен тысяч девушек кривоногими, отвратными еврейскими ублюдками».

Его продолжала привлекать опера, хотя денег хватало только на стоячие места. Он не пропускал ни одной оперы Вагнера после того, как прочел, что Вагнер однажды признался во время прогулки философу Ницше: его отчим, актер, еврей Людвиг Гейер — его настоящий отец.¹¹ Значит, и он, создатель нордического мифа! Как и Вагнер, Гитлер тоже будет бороться с еврейским началом в себе и преодолет его. Могила Вагнера в Байрейт и позже оставались для Гитлера местом паломничества. А его будущий главный идеолог Розенберг, сын еврея, иммигрировавшего в Швецию,¹² превратится в Прибалтике в арийца и будет торжественно вещать:

«Байрейт — это завершение арийской мистерии. Суть всего искусства Запада раскрылась у Рихарда Вагнера: нордическая красота, глубочайшее чувство природы, героическая честь и откровенность».

В этом направлении шли поиски повсюду потерпевшего крах и часто голодавшего юноши Адольфа Гитлера. И он теперь хотел «после героической жизни войти в Валгаллу» и над своей кроватью повесил красиво написанное им изречение: «Свободно, открыто и радостно мы смотрим на нашу немецкую Родину, не сводя с нее глаз. Хайль!»

Он стал заниматься больше еврейским вопросом, чем искусством. Студент-музыкант Кубичек часто засыпал под огнемые рассуждения своего друга. Гитлер будил его:

«Ты мне друг или нет?» Кубичек покорно кивал. «Тогда слушай».

Часто Гитлер целыми днями питался только хлебом и молоком. Тогда Кубичек приглашал его в дешевую столовую и угощал его любимыми мучными блюдами. «Вкусно?» — спрашивал заботливый Кубичек, а Гитлер угрюмо отвечал:

«Не понимаю, как ты можешь есть рядом с этими людьми?»

«Эти люди» были евреи, тоже студенты-музыканты. Гитлер забивался в угол и поворачивался к ним спиной.

«Но ведь ты любишь слушать музыку Густава Малера и Мендельсона-Бартольди, а они тоже евреи», — допытывался Кубичек. «Пошли», — отвечал Гитлер, и Кубичек послушно следовал за ним. На общественный транспорт денег не было. Они шли в синагогу. Гитлер уже бывал там и знал, как надо себя вести. «Надень шляпу», — шептал он, и оба наблюдали за еврейским обрядом венчания.

Музыкант Кубичек питал надежду отвлечь своего друга от того, на чем тот помешался. Но Гитлер вдруг заявил ему: «Я сегодня вступил в Союз антисемитов и записал тебя тоже».

За несколько дней до этого Гитлер помог полиции как свидетель. На Мариахильферштрассе, перед магазином Герн-гросса попрошайничал «ханделе», т.е. одетый в лапсердак и обутый в сапоги восточный еврей, который предлагал шнурки и пуговицы. Попрошайничество было запрещено. Гитлер заявил, что еврей этим занимался,

¹¹ Еврейское происхождение Вагнера доказывают Леон Штейн в книге «Расовое мышление Рихарда Вагнера», Нью-Йорк, 1950, Арнольд Цвейг в «Балансе немецкого еврейства», Кельн, 1961 и Дитрих Брондер «До того, как пришел Гитлер», изд. Ганс Пфайфер, Ганновер, 1964, с. 362: «его еврейское происхождение вряд ли можно далее оспаривать».

¹² «Оссерваторе романо», Рим, 15 сентября 1937.

другие свидетели подтвердили то же самое, и все вместе поволокли напуганного еврея в ближайший участок, где полицейский извлек из кармана его лапсердака 3000 крон — для Гитлера это было тогда целое состояние.¹³

Готовясь к приемным экзаменам, Гитлер одновременно занимался сочинительством. Кубичек знал по консерватории одного журналиста из «Тагблатт», и тот обещал ему напечатать одну новеллу Гитлера. С рассказом «Следующее утро» Кубичек и Гитлер пришли к этому журналисту. Гитлер быстро посмотрел на него, повернулся на каблуках и крикнул своему другу, который хотел ему помочь:

«Идиот, разве ты не видишь, что это жид?»

На повторном экзамене осенью 1908 года Гитлер опять провалился. В это же время Кубичек отбывал два месяца воинской службы, хотя Гитлер советовал ему от нее уклониться, поскольку это «совершенно пустой период» в жизни музыканта.

Вернувшись в Вену, Кубичек обнаружил, что его старый друг Адольф исчез. «И он ничего не оставил? — удивился Кубичек. — Даже привета не передал?» Старуха Закрейс с сожалением покачала головой.

В Шенбрунском парке стояла скамейка, на которой Гитлер располагался, когда ему требовались воздух и солнце, и читал. Однажды мимо проходил некто Гриль. Он посмотрел на лежащие рядом с незнакомцем антисемитские издания, большей частью номера журнала «Остара», и, немного помедлив, сел рядом с ним, вынул из кармана копию брошюры и сказал: «Посмотрите, это мое». Гитлер недовольно посмотрел на человека, который ему помешал, но тут его взгляд упал на название брошюры: «Против церковного чиновничьего аппарата». Выяснилось, что Гриль с помощью своих брошюр пытался основать религию настоящей и чистой любви к ближнему. Они стали обсуждать эту тему, и Гитлер заговорил о евреях, которые мешают этому благому намерению. Два молодых мечтателя нашли друг друга. С Гриллем можно было вести разговоры о политике, он не просто согласно кивал, как Кубичек. Гриль стал приходить почти каждый день. Он развивал свои религиозные идеи, и Гитлер соглашался с ним, но с одним ограничением: на евреев любовь к ближнему распространяться не должна.

В канцелярии венского общежития для одиноких на Вурлицергассе часто можно было встретить пробавлявшегося случайными заработками художника Адольфа Гитлера (в центре), обычно бездельничавшего.

Гриль был католический священник-расстрига, он провел юность в католическом монастыре и всегда возражал по этому пункту. Однажды, распалившись, Гриль вдруг признался:

«Я родился иудеем, мой отец был раввином».

Интерес Гитлера к этому человеку усилился, их связь растянулась на годы и в конце концов Гитлер перебрался к нему на Мельдемаштрассе, где Гриль с грехом пополам перебивался в комнатке тамошней ночлежки, надписывая для неграмотных адреса на письмах.

Гитлеру было чему поучиться у этого человека, отпавшего от иудейства и от католической церкви. Во время долгих прогулок по паркам они обменивались мнениями, и Гриль обучал своего нового друга языку идиш. Вместе они отправлялись в районы к северу от Дунайского канала, где евреи были особенно многочисленны, и

¹³ 13August Kubizek, «Adolf Hitler, mein Jugendfreund», Leopold Stocker Graz 1953, S. 289.

вели наблюдения. Из почти двух миллионов жителей тогдашней Вены евреев было 200000, т.е. 10%. Вечера и ночи друзья проводили с раввинами, с которыми Грилль дружил, и они спорили до хрипоты. Гитлер учился у раввинов их диалектике:

«Сначала рассчитывайте на глупость противника. Если не получится, прикиньтесь сами дураком. Если и это не поможет, переключитесь на другую тему и говорите банальности».

Он хорошо усвоил эти правила.

Для Грилля все люди были равны и одинаково добры. «Есть зайцы с синими и зайцы с красными глазами. Все они хороши». — «Нет, — возражал Гитлер, — зайцы с красными глазами — плохой породы. И евреи — люди плохой расы».

Они пришли в Венский лес, в цистерцианский монастырь Святого Креста, чтобы узнать адрес Ланца, издателя журнала «Остара», глашатая новой расовой теории. Адольф Иозеф Ланц, брат Иорг, покинул этот монастырь в 1899 году. Он женился на еврейке Либенфельс и с тех пор стал величать себя д-р Георг Ланц фон Либенфельс. Своего отца Ланца, простого венского учителя, он возвел в бароны, а о своей матери, урожденной Хопфенрейх, отец которой был еврей, странным образом умолчал. С 1905 года он издавал журнал «Остара», тираж которого порой достигал 100000 экземпляров. Под Остарой понималась Дева Мария, и она была «прародительницей благородной, светловолосой, героической арийской расы». Иисус был объявлен арийцем, и Гитлер только сомневался, кто был земным отцом Спасителя: проезжий греческий художник или германский наемник? Ланц различал светловолосых сыновей героев (женщин он не принимал в расчет) и обезьянолюдей, и Гитлер писал позже с такой же религиозной маниакальностью в своем бестселлере: «Национальное государство в первую очередь должно низвести брак с уровня постоянного осквернения расы и освятить его как институт, призванный воссоздавать подобия героев, а не плодить ублюдков, нечто среднее между человеком и обезьяной».

На обложке журнала «Остара» стоял вопрос: «У Вас светлые волосы? Вы мужчина? Тогда читайте „Остару“, журнал для блондинов и мужчин!» Обычные антисемиты не любили евреев из зависти, из заносчивости или просто потому, что были так воспитаны. Против арабов они ничего не имели. Правильные антисемиты знали, что кроме евреев есть еще арабы и эфиопские семиты. Благодаря Ланцу Гитлер стал правильным антисемитом.

В монастыре Святого Креста два молодых человека действительно узнали венский адрес этого выдающегося сектанта, и в начале 1909 года оборванный Гитлер появился в его городской конторе. Ланц дал посетителю не только номера журнала, которых у того не было, но и две кроны на обратный путь, и Гитлер принял их с благодарностью. Позже, во время одной из бесед в кафе «Цур гольденен Кугель» Грилль заявил: «Этот парень — мистификатор!» и с тех пор стал отдаляться от Гитлера.

В номерах «Остары» за 1908-1909 годы содержались указания, как измерять части тела и установить у себя долю нордической крови. «У героического человека большой палец ноги отличается по длине и толщине от других». На рисунках изображались «формы седалища: А — у низшей, В — у высшей расы». Это был счастливый день в убогой жизни молодого Гитлера. После тщательных измерений он установил, что доля нордической крови у него преобладает. Ланц был его человеком.

Случай Ланца — чисто клинический, но его поклонниками были такие знаменитости, как шведский писатель Август Стриндберг и английский фельдмаршал лорд Герберт Китченер, который писал ему: «Ты я оставляю расово чистым, а всех цветных безжалостно отправляю в огонь».

В Швейцарии Ланц встречался с Лениным. Тот думал иначе, но облакал свои мысли в тонкую иронию:

«Его идеи правильны. Но наши противоположные идеи станут действительностью раньше них».

Таким образом, Ланц знал обоих людей, которые больше всего повлияли на ход истории в первой половине XX века. А ядром его учения был тезис:

«Мы, контрреволюционеры, предоставим евреям право основать собственное государство в Палестине».

Ланц создал свой орден и покупал, поскольку деньги текли со всех сторон, орденовые замки. Над замком Верфенштейн он поднял в 1907 г. знамя со свастикой. Гитлер создавал такие же замки для воспитания своей партийной элиты. Ланц даровал блондинам право оплодотворять нескольких женщин. Гитлер позже радовался в Берхтесгадене:

«В свое время я нашел в этой местности очень смешанное население. И заслуга моей личной охраны в том, что теперь здесь снова бегают много сильных и здоровых детей».

Ланц рекомендовал кастрацию и стерилизацию людей низшей расы. Нельзя утверждать, что Гитлер с этим не спешил.

Происхождение их обоих было таково, что им приходилось его скрывать. Так нашли друг друга два человека, из которых один дал идеи другому. Ланц писал 22 февраля 1932 г., т.е. за год до прихода Гитлера к власти, своему брату Эмилию:

«Знаешь ли ты, что Гитлер — один из первых наших учеников? Ты еще увидишь, как он победит, а вместе с ним и мы, и разовьется движение, которое потрясет мир».

Особое влияние на двадцатилетнего Гитлера оказали два выдающихся антисемита, Риттер фон Шенерер и его приверженец, адвокат д-р Люэгер, который стал обер-бургомистром Вены. Гитлер проглатывал то, что они писали и говорили, с такой же жадностью, как и содержание журналов «Остара».

Разница между Шенерером с его Пангерманским объединением и д-ром Люэгером, который, несмотря на оппозицию со стороны императора, был выбран обер-бургомистром Вены, с его Христианско-социальной партией, заключалась в том, что Шенерер утверждал: «Еврей всегда остается евреем», а Люэгер возражал: «Крещеный еврей — христианин». Гитлер распространял листовки Люэгера.

Но между обоими главными австрийскими антисемитами не было разницы в том, что их ближайшими сотрудниками были евреи или полукровки. У Шенерера это были в первую очередь галицийский писатель Карл Эмиль Францос, будущий социал-демократ Виктор Адлер и соавтор великогерманской программы «Один народ, один рейх» Генрих Фри-дюнз из Моравии, тоже еврей. А вторым бургомистром при Люэгере был «полтинник» Порцер. Именно Люэгеру принадлежат слова, которые потом так часто повторяли: «Я сам решаю, кто еврей, а кто нет». В результате совместной работы этих двух деятелей за годы до основания в Мюнхене НСДАП в Судетской области появилась Немецкая национал-социалистическая рабочая партия, основателем которой был бывший депутат парламента от партии Шенерера Карл Вольф.

Шенерер мыслил категориями расы, а не социалистическими категориями. Люэгер был социалистом и поэтому антисемитом, но не расистом. Их пути разошлись. Гитлер же взял у одного понятие расы, а у другого — социализм.

Гитлер считал д-ра Люэгера «лучшим немецким бургомистром всех времен», и возродившиеся в 1945 г. венские социал-демократы тоже присвоили себе этого антисемита:

«Все, что было создано за это время, несет на себе личный отпечаток Люэгера, является следствием его инициативы или просто его распоряжений. Д-р Люэгер проложил путь коммунальному социализму,

который достиг расцвета через десять лет после его смерти, в чем проявились творческие силы социалистического рабочего класса Вены».

С этим рабочим классом отношения у молодого Гитлера не сложились. Незадолго до возвращения Кубичека с военной службы он переселился на Фельберштрассе в XV округе. Поскольку он не явился на медосмотр призывников, он стал менять одно место жительства за другим. На это ушли деньги из жалкой сиротской пенсии и небольшого наследства. Проведя несколько ночей в кафе, Гитлер осел в рабочем квартале Мейдлинг в ночлежке для бездомных, построенной на еврейские средства. Чтобы не умереть с голоду, ему пришлось работать на стройке.

В обеденных перерывах подсобный рабочий Гитлер делился со старшими товарищами своими знаниями о том, как их эксплуатируют евреи-домовладельцы, которые живут в Хитцинге, и евреи-работодатели, которые пьянствуют в Гринцинге. Но рабочие верили евреям-редакторам своей прессы, которые сулили работу и хлеб, и не раз грозили сбросить молодого болтуна с лесов. Гитлер заглох, но усвоил урок. Он понял, какой приманкой могут быть работа и хлеб.

Начиналась зима. Снег падал на удрученного неудачника, который брел к монастырю на Гумпендорферштрассе, где по утрам бедняков кормили бесплатным супом. Днем можно было найти защиту от холода и съесть что-нибудь горячее в приюте еврея барона Кенигсвартера, а вечером в ночлежке съесть кусок конской колбасы и ломоть хлеба. А потом — долгая ночь на жестких пружинных нарах, под тонким одеялом и пиджаком, уложив ботинки и немного ценное под голову.

На других нарах лежал Рейнгольд Ханиш, график из Судетской области, у которого были причины сменить в Вене имя на Фриц Вальтер. Ханиш заметил, что у Гитлера талант рисовальщика, и подал идею: «Ты будешь рисовать, а я буду продавать открытки. Рождество на носу, надо этим воспользоваться». Гитлер рисовал много и охотно. Ханиш обходил с нарисованными открытками кафе и пивные, и бизнес процветал. К Рождеству они оба кое-что наскребли и перебрались в дом, в котором жил Гриллер, где за полкроны можно было снять комнатку на сутки. Разные неудачники, уволенные со службы офицеры, обнищавшие графы, обанкротившиеся купцы и начинающие художники жили здесь один или несколько дней, недели или месяцы. Гитлер четыре раза отмечал день рождения в этой «школе жизни».

«Landschaft» by A.Hitler

После почтовых открыток Гитлер стал рисовать картины, большей частью акварели, и Ханиш нашел благодарных покупателей среди торговцев мебелью и рамочников. Велик был спрос на картинки, которые вставляли в спинки диванов, и Ханиш подгонял своего друга, от прилежания которого зависел заработок. Продукция продавалась хорошо, но Гитлер рисовал лишь тогда, когда ему нужны были деньги на аренду комнаты, молоко и рис. Большую часть времени он сидел в библиотеке, читал газеты и делал политические доклады. Тема была одна и та же, а слушатели менялись. Вечером вернувшийся домой Ханиш кричал: «Работай же наконец!», а другие подхватывали: «Работайте, Гитлер, — начальник пришел!» Возражения, что художнику нужно вдохновение, Ханиш не принимал: «Художник? Да ты в лучшем случае художник с голодухи!»

Гитлер пробовал заняться и подделкой картин. Нарисованные им виды старой Вены он спрятал у своей старшей сестры, которая была замужем и жила в Вене. У нее они слишком долго хранились в сыром подвале, испортились и ни одну из них продать не удалось.¹⁴

Гитлер ходил в попожем на лапсердак черном сюртуке, который ему подарил сосед по комнате, венгерский еврей Нейман, с обросшим подбородком и длинными волосами, так что новые жильцы часто принимали его за восточного еврея. Ханиш издевался:

«Похоже, твоего отца однажды не было дома. Да ты посмотри на свои ботинки марки „Скиталец пустыни“!»

Внешности в те времена молодой художник не придавал значения.

После года сотрудничества Ханиш не рассчитался за одну картину. Гитлер, поколебавшись, поскольку сам был в бегах, все же донес на него в полицию. Ханиш был осужден и исчез с горизонта.

¹⁴ Jozef Greiner, «Das Ende des Hitler-Mythos», Amalthea Verlag Wien 1947, S. 39.

«Der Führer und Oberste Befehlshaber der Wehrmacht» by Conrad Hommel, 1940

Новым продавцом картин стал вышеупомянутый Нейман. Покупателями были большей частью евреи — венгерский еврей инженер Речай, венский адвокат д-р Иозеф Фейнгольд и торговец рамами для картин Моргенштерн.

Другим соседом по комнате, долго жившим в том же доме, был Грейнер, молодой человек, который незадолго до того отказался от карьеры священника и жил рисованием. Он тоже был дружен с Гриллем, который продолжал жить там же, и часто все трое друзей вместе варили для себя молочную рисовую кашу, по очереди помешивая ее.

У Грейнера была моделью одна девица по имени Гретль, и Гитлер утверждал, что тоже был с ней весьма близко знаком. Когда мать расцветающей красотицы обнаружила на ее теле царапины и укусы, оставленные Гитлером, с ее позированием в качестве модели было покончено. Ища утешения, Гретль внезапно обручилась с крещеным восточным евреем. Этот последний получил такое письмо от Гитлера:

«Немецкая девушка, которая отказывается от дружбы ради презренной мамоны, чтобы предложить себя вонючей, щетинистой, черной еврейской свинье, — это мерзость! Еврею положено жениться только на своей еврейской Ребекке или на толстой еврейской дуре. Вы еще узнаете чудеса немецкого героизма».¹⁵

¹⁵ 15Jozef Greiner, «Das Ende des Hitler-Mythos», Amalthea Verlag Wien 1947, S. 63.

Для удовлетворения своих человеческих или мужских потребностей Гитлер иногда отправлялся вечерами в Леопольдштадт, район публичных домов. А кто стоял за всем этим? «Холодный как лед и бесстыдный в своем делячестве дирижер этой возмутительной индустрии порока» — еврей.

В венских кафе молодой Гитлер славился тем, что умел незаметно подсунуть рыбий пузырь, наполненный красной краской, под зад какой-нибудь толстой еврейке. Пузыри лопались и доставляли дамам большие неприятности.

Гитлер хорошо научился различать обычно культурных и образованных западных евреев и приезжающих с Востока лапсердачных еврейских торгашей. Он знал о старинной вражде между ними на протяжении столетий.¹⁶ Когда после проигранной первой мировой войны польские евреи начали массами заселять Берлин, еврей Ратенау, министр иностранных дел Веймарской республики, заговорил об «азиатских ордах на песках Бранденбургской марки». Ратенау писал почти то же, что и Гитлер:

«Мы должны вступить на путь, на который вступила сама природа, — на путь „нордификации“. Грядет новая романтика — романтика расы. Она обеспечит господство чистой северной крови и создаст новые понятия добродетели и порока. Главное явление нашего времени — смешение рас, а вместе с ним — расплывчатость характера».¹⁷

И десять лет спустя после опыта общения с этими жалкими торговцами подтяжками в Вене, этом «городе феаков, воплощении позорного кровосмешения», Гитлер констатировал:

«В Линце они выглядели не так. На протяжении столетий их внешний вид европеизировался и стал человеческим».

В Линце он относился к евреям благожелательно, в Вене Гитлер стал врагом евреев и антисемитом.

Пробуждающийся сионизм вызывал у Гитлера интерес, так как он делал больше всего для «утверждения национального характера еврейства». Он только сомневался, что получится из Палестины -

«еврейское государство или прибежище для уличенных мерзавцев и высшая школа для начинающих мошенников».

Цель борьбы против евреев была для него ясной, но решение проблемы — смутным. Поэтому неверно то, что он говорил десять лет спустя:

«К тому, что я когда-то создал для себя, мне пришлось добавить лишь немного, но изменять не пришлось ничего».

¹⁶ 16Те, кто читал переписку Маркса с Энгельсом, знают, с каким презрением западный еврей Маркс относился к своему восточному собрату Лассалю. (Прим. переводчика.)

¹⁷ 17Walther Greiner, «Reflexionen», S. Hirzel Verlag Leipzig 1908.

Судьба Грилля, еврея, воспитанного в католическом монастыре, неизвестна. Во всяком случае, никто ничего не слышал о новой религии, возникшей в Вене. Кубичек после первой мировой войны сменил профессию, стал чиновником городской управы и отцом семейства, а в 1942 г. — членом партии, хотя и не совсем твердым в вере. Ханиш, выйдя из тюрьмы, наговорил гору лжи, многие публицисты ему поверили, и в 1938 г. его схватило гестапо, а вскоре после этого охранники нашли его повешенным в камере. Грейнер в 1922 г. сидел с уже известным вождем партии Гитлером в пивной «Бреннессель» в Швабинге, и тот настоятельно просил его «никому, даже самым близким товарищам по партии не рассказывать ничего о моей молодости». Инженер Грейнер стал крупным фабрикантом, он не раз встречался с Муссолини, но полиция Гейдриха в 1938 г. еще раз предупредила его, что, если он нарушит обет молчания, ему выпишут путевку в концлагерь. В 1947 г. американцы собрали воспоминания Грейнера и уничтожили все экземпляры, какие смогли найти. И Ланцу фон Либенфельсу Розенберг запретил писать, когда тот начал молотить всякий вздор о племенных заводах для улучшения породы с помощью блондинок, так как «сама природа предназначила нам женщин в рабыни». Но, главное, он начал открыто проповедовать, что цель Гитлера — создание еврейского государства в Палестине, когда об этом нельзя было звонить во все колокола. Поэтому он и себя считал лицом, преследовавшимся при нацистском режиме. В 1954 г. он покинул этот неблагодарный мир и был похоронен с соблюдением всех обрядов католической церкви.

В этой «суровой школе», в общении с восточными евреями, утратившими связь с еврейством полукровками, религиозными сектантами, мелкими торговцами и ворами, на задних дворах, в столовых для бедных, кафе и ночлежках Вены обрел Адольф Гитлер основы дела своей жизни: выгнать евреев тем или иным способом сначала из Германии, а потом из всей Европы.

Глава 3

Уклонение от военной службы и уход добровольцем на войну

В конце мая 1913 года 24-летний художник Адольф Гитлер, австриец, уклонявшийся от военной службы по убеждению, а не в силу своих склонностей, приехал в город искусств Мюнхен, эти Афины на Изаре. В Вене у него уже горела земля под ногами, а деньги на поездку ему дала подруга матери, еврейка д-р Леви, жившая в Вене.¹⁸ Сразу же по прибытии он объявил себя человеком без гражданства, а семья портного Поппа, у

¹⁸ Jozef Greiner, «Das Ende des Hitler-Mythos», Amalthea Verlag Wien 1947, S. 115.

которого он снял комнату на Шлейсгеймерштрассе, в первый же вечер узнала, что он думает об Австро-Венгрии:

«Возьмите хотя бы полковника Редля из австрийского генштаба: гомосексуалист, сволочь и к тому же русский шпион. Когда я уезжал из Вены, этот господин пустил себе пулю в свои пустые мозги, так как его раскололи. И командуют этой замечательной императорской армией одни евреи, вроде этого Редля».

Портной Иозеф Попп, из семьи крещеных евреев, работал в знаменитых парижских ателье.¹⁹

«Он сжег себе мозги, — кивнул Попп. — Вы правильно сделали, г-н Гитлер, что не стали служить этому сброду». — «И что Вы думаете, как долго сможет продержаться это прогнившее государство? — продолжал Гитлер. — Австрия, эта мумия, давно уже перестала быть немецким государством. Немецкое начало искореняется, уничтожается, и виноваты в этом тамошние социалисты и евреи, они заправляют всем, эта зараза ползет из Вены, древней немецкой столицы, а император Франц-Иосиф дряхл и бессилён».

По вечерам в пивной «Хофбройхаус» вокруг Гитлера собиралась компания, в том числе австрийский писатель Линдман, и Гитлер говорил здесь более обстоятельно:

«Этот злосчастный договор Германской империи с обреченной на гибель Австро-Венгрией, как вы думаете, господа, что принесет он Германской империи? Нужно выйти, выйти из этого союза, я вам говорю. То, что уже падает, надо еще подтолкнуть».

Гитлер в это время читал Ницше.

Гитлер жил тогда довольно хорошо и выглядел холемым. Живописью он только зарабатывал на хлеб и продавал многие картины известному художественному салону Штуффле на Максимилианплац, и эта фирма хорошо ему платила. Среди трех тысяч мюнхенских художников Гитлер был отнюдь не из худших. А когда кто-нибудь из друзей по «Хофбройхаус» спрашивал его о профессиональной цели, он отвечал коротко:

«Какая профессиональная цель? Будет война, дружок!»

18 января 1914 г., в день основания империи, Гитлер писал к празднику акварель «Бранденбургские ворота», когда к нему поднялся через три пролета и, запыхавшись, постучал в дверь (у Гитлера был отдельный вход) полицейский чиновник Херле и ошеломил его неприятным известием, что дезертир должен в течение двух дней явиться в Линц, иначе — далее последовали обычные в подобных случаях угрозы. Ради предосторожности двое полицейских заблокировали лестницу и доставили художника в австрийское консульство в Мюнхене. Теперь ему предстояло доказать, каким хитростям он научился за три с половиной года в венских ночлежках. Нет-нет, он никакой не беглец, но просто немного безалаберный, он молодой художник, он еще только учится, никаких политических интересов у него нет, он очень бедный и очень больной. Так Гитлер вышиб слезу у работников консульства, и те доложили в Австрию:

¹⁹ 19Gerhard, «Die Familiennamen der Juden in Deutschland, Leipzig 1935, S. 51.

«По сложившемуся у нас впечатлению, содержащиеся в прилагаемом оправдательном письме данные полностью соответствуют истине. Поскольку Гитлер кажется очень лояльным, мы временно воздержимся от требования экстрадиции».²⁰

Гитлеру дали две недели и, поскольку он был так беден, послали на военно-медицинскую комиссию в расположенный поближе Зальцбург. Он применил весь набор трюков опытного уклониста, и результат был такой, какого он хотел:

«К воинской и вспомогательной службе не годен, слишком слаб. Носить оружие не способен».

«Bildnis des Führers» by Franz Triebisch, 1941

В пивной «Хофбройхаус» в этот вечер радостно кутила кучка здоровых людей, среди которых ораторствовал молодой художник.

Через полгода разразилась первая мировая война, и в день объявления войны вполне здоровый Гитлер махал шляпой в многотысячной толпе, собравшейся перед Фельдхеррnhалле, в знак готовности идти добровольцем. Он сразу же обратился к баварскому королю с просьбой разрешить ему служить в баварском полку, и его

²⁰ Из письма № 248 австро-венгерского консульства в Зальцбурге от 23 января 1914.

«ликование и радость не знали границ», когда уже на следующий день он был зачислен. Службы в австрийской армии, солдат которой немцы называли «шнурованными ботинками», он избежал.

Австро-Венгрия после войны распадется, — думал Гитлер и правильно оценивал ситуацию. Немецкая Австрия, избавившись от инородных частей, соединится с победоносной Германской империей — в этом он был убежден. Евреи и социал-демократы — для него это были близнецы — исчезнут с поверхности. Гитлер приветствовал войну как путь к цели: избавиться от влияния евреев на народы Германии и Австрии и на обоих императоров.

Судьба казалась ему милостивой, и его радость росла с каждым часом:

«Кучка еврейских вожжаков оказалась вдруг одинокой и покинутой. Теперь настал момент выступить против всего мошеннического сообщества еврейских отравителей народов. Над ними надо устроить процесс, не обращая внимания на крики и стенания. Слякоть международной солидарности одним ударом выбили из голов немецкого рабочего класса, — говорил он со все большим воодушевлением семейству Попп, собирая свои вещи. — Возжи всего этого движения сразу же окажутся за решеткой. Над ними нужно устроить скорый суд. Власть должна употребить все средства для искоренения этой чумы».

С такими представлениями маршировал он после нескольких недель обучения в рядах 2-го баварского пехотного полка, который коротко называли полком Листа, распевая патриотические песни, мимо мокрых от дождя засеянных репой полей и изгородей Фландрии. Через несколько дней от полка осталась половина, а еще через несколько дней — четверть.

«Добровольцы полка Листа, может быть, не научились сражаться, они только умели умирать как старые солдаты».

При первой же передышке солдата Гитлера произвели в ефрейторы и наградили Железным крестом 2-го класса. Война длилась всего несколько месяцев.

Ординарец при штабе полка быстро стал опытным солдатом. Офицеры полка Листа знали Гитлера по имени, а унтер-офицеры и солдаты удивлялись его начитанности. В правильно построенных речах он излагал причины, которые привели к мировой войне: главными виновниками для него были евреи в правительстве Австро-Венгрии:

«Этот союз нужно разорвать чем раньше, тем лучше для немецкой нации и для немцев в Австрии. Оставить на произвол судьбы монархию Габсбургов — это вообще не жертва, так как у Германии в результате станет меньше врагов. Мы надели стальные каски не ради сохранения прогнившей династии, а ради спасения немецкой нации от международных еврейских апостолов равенства».

Друзья часто возражали ему из упрямства или просто чтобы его завести.

«Чего вы хотите? — кричал он в ответ. — Война нужна. Иначе весь мир превратится в один большой универмаг, который будет принадлежать евреям, а немцы в нем будут в лучшем случае бухгалтерами».

Бывший командир полка Листа, полковник Штатный, давал такую оценку:

«Фронт в Северной Франции и Бельгии, на котором постоянно находился полк Листа, был очень беспокойным, все время шли жестокие бои, и к каждому солдату полка предъявлялись самые высокие требования в плане готовности к самопожертвованию и личной храбрости. В этом отношении Гитлер был образцом для своего окружения. Его выправка, его образцовое поведение в любых боевых ситуациях производили сильное впечатление на его товарищей. Благодаря этому, а также его скромности и удивительной личной непритязательности он пользовался большим уважением как среди равных, так и среди старших по рангу».²¹

Когда уже никто не хотел пробираться с донесениями под ураганным огнем к засевавшей в окопах на передовых позициях пехоте, Гитлер вызывался на это добровольно. При важных донесениях должны были идти двое, чтобы дошел хотя бы один. Обычный «напарник» Гитлера в этом деле, ефрейтор Брандмайер, вспоминал, когда Гитлер еще не пришел к власти:

«Я находился рядом с Гитлером, когда снаряд попал прямо в окоп. Накат разлетелся на тысячу кусков, повсюду летели осколки. Ослабев от страха, я еще не осознавал, что произошло нечто ужасное. А когда я снова пришел в себя, я увидел, как Гитлер идет по телам четырех убитых и семерых раненых».

А вот как бывало, когда приходилось пробираться вперед с донесениями:

«Мы падали то в одну воронку от гранаты, то в другую. На нас дождем сыпались осколки снарядов и грязь. Мои нервы отказали. Мне хотелось остаться лежать на одном месте. Гитлер ободрил меня, он сказал, что когда-нибудь родина тысячекратно вознаградит нас за наше героичество».²²

С каждым годом все больше сказывалась нехватка унтер-офицеров. Но унтер-офицером Гитлер за шесть лет службы так и не стал. Согласно более позднему отзыву одного офицера, «у Гитлера не было никаких качеств руководителя», но это неверно. Война не принесла того, на что Гитлер надеялся, не избавила Германию от евреев. Уже в начале 1915 г. он писал своему другу, ассессору Хеппу в Мюнхен:

«Я часто вспоминаю о Мюнхене. У каждого из нас лишь одно желание: поскорее окончательно разделаться с этой бандой, любой ценой, и чтобы те из нас, кому повезет, вернувшись на родину, увидели ее очищенной от чужаков, чтобы благодаря тем жертвам, которые ежедневно приносят сотни тысяч из нас, благодаря потоку крови, которая ежедневно проливается в борьбе против враждебного мира, Германия разбила бы не только внешних врагов, но и наш внутренний интернационализм. Это было бы важнее любых территориальных приобретений. А с Австрией

²¹ 21Федеральный архив в Кобленце, NS 26/17а.

²² 22Balthazar Brandmayer, «Zwei Meldeganger», Franz Ueberlineen am Bodensee 1932.

будет так, как я всегда говорил». ²³

В 1916 году Гитлер получил ранение в бедро, когда он, в очередной раз добровольно вызвавшись, пробирался под сильным огнем с донесением на передовую позицию. В лазарете Беелиц под Берлином он увидел, что на уставшей от войны родине произошли изменения. Геройство на фронте не вознаграждалось тысячекратно, как он обещал своему напарнику. У раненого Гитлера зашевелились мысли о «коварстве судьбы, которая подставляет меня на фронте под случайную пулю какого-нибудь негра, тогда как я мог бы оказывать Родине другие услуги в другом месте».

Произносить речи, потрясать и воодушевлять массы — он считал себя способным на это и таковы были его представления об иных услугах.

«Führerbildnis» by Hans Schachinger, 1942

Но он был лишь неизвестный солдат, один из восьми миллионов, так что ему было «лучше помалкивать и насколько можно хорошо выполнять свой долг на своем месте».

Во время лечения он столкнулся с еврейским врачом д-ром Штеттинером, когда он в одной книге по военной науке искал подтверждение того, до чего он додумался в результате многолетних наблюдений, находясь при штабе полка. Упомянутый врач подошел к его кровати и удивился: «Я считал Вас более умным». Это укрепило Гитлера в его мнении о «разлагающей силе мирового еврейства». В действительности пацифист д-р Штеттинер делил человечество лишь на два класса: тех, кто наносит раны, и тех, кто их потом лечит. Гитлер вспоминал, что и «канцелярии там были набиты евреями. Почти каждый писарь был евреем и каждый

²³ 23Федеральный архив в Кобленце, NS 26/4.

еврей — писарем». Тошнота подступала ему к горлу, и он раньше времени, не долечившись, попросил, чтобы ему разрешили вернуться в свой полк, на фронт.

Как нарочно, еврей, лейтенант Гуго Гутман вручил ему там Железный крест 1-го класса. У напарника Гитлера, Брандмайера, о Гутмане осталось плохое впечатление:

«Адьютантом полка был лейтенант Эйхельсдерфер, а его обычным заместителем — Гуго Гутман, лейтенант ландвера, офицер с еврейской походкой и манерами. В группе ординарцев он не пользовался уважением. Этот дрожащий от страха псевдоофицер был мне антипатичен».²⁴

Гитлер сунул полученный крест в карман. Позже он пригодится. Он всерьез подумывал о том, чтобы после войны стать оратором.

На родине дело дошло до забастовки рабочих военных заводов. Для Гитлера вопрос был ясен:

«Международный капитал сделался господином Германии, и внутренняя цель марксистского обмана народов достигнута. Организаторы этой позорной акции надеются занять после революции высшие государственные посты».

Когда Гитлер после отравления на фронте газом лежал в лазарете Пазевальк в Померании и опасались, что он навсегда ослепнет, в ноябре 1918 г., как писал он в «Моей борьбе»,

«внезапно случилось несчастье. Приехали матросы на грузовиках и призвали к революции. Двое молодых евреев были „вождями“ в этой борьбе за „свободу, красоту и достойное существование“ нашего народа. Ни один из них не был на фронте. Окольным путем, через т.н. трипперный лазарет трое восточных евреев вернулись из тыла. Теперь они нацепили на себя красные тряпки».

²⁴ 24Balthazar Brandmayer, «Zwei Meldeganger», Franz Walter, Ueberlingen am Bodensee 1932.

Глава 4**Я решил стать политиком**

Эти слова из «Моей борьбы» часто цитируют, но полностью цитата звучит так:

«С евреями не может быть никаких пактов, а только жестокое или-или. И я решил стать политиком».

Политика и борьба с евреями — это были для Гитлера две стороны одной медали. Тот, кто изучает обломки, оставшиеся после Гитлера, обнаружит, что Франция в период борьбы за власть оставалась «наследственным врагом», а после прихода к власти Гитлер во всех речах «навсегда отказывался» от Эльзаса и Лотарингии. Иногда Гитлер изъявлял желание приобрести колонии, а потом снова останавливал «вечную тягу германцев на юг»:

«Мы покончим с колониальной и торговой политикой довоенного периода».

Советский Союз более десяти лет считался «смертельным врагом», а после заключения пакта в 1939 г. Риббентроп вдруг почувствовал себя в Москве «как среди старых партийных товарищей». Смешанные советско-эсэсовские комиссии с полным единодушием выбрасывали из жилищ крестьян, столетиями живших на Востоке, — через два-три года эти места должны были «германизировать» норвежцы, шведы и немцы из Южного Тироля. Польскую добычу поделили по-братски, и Сталин даже во время войны продолжал называть Гитлера «гениальным парнем, который не подпускает евреев к искусству». После бесконечного ряда красивых речей о «сочетании национализма с чувством социальной справедливости» первым серьезным экономическим партнером стала неразборчивая в средствах американская фирма ИТТ, ныне — крупнейший в мире конгломерат фирм. Как она относилась к социализму, пояснять не нужно. Восхваляемое годами «право народов на свободное самоопределение» после справедливого воссоединения с Германией Судетской области зазвучало в устах Гитлера так:

«Этот парень, Чемберлен, помешал мне войти в Прагу».

Через полгода говорившей на других языках Чехословакии больше не существовало.

И лишь в одном-единственном пункте Гитлер не менялся. Упрямо, как Катон, который при каждом удобном случае повторял, что Карфаген должен быть разрушен, Гитлер настаивал на том, что евреям нет места в Европе.

Все начинается с малого. Остававшийся на службе ефрейтор Гитлер начал свою карьеру профессионального политика в Мюнхене с подсчета лишнего белья во 2-м баварском пехотном полку, в который он вернулся в конце 1918 года из госпиталя Пазевальк. Его фронтовой товарищ Шмидт помогал ему, и, когда Гитлер ночью стонал в подушку: «Назад в пустыню, назад в пустыню», Шмидт тряс его: «О чем ты говоришь, Адольф?» Гитлер поворачивался на другой бок, снова засыпал и продолжал бормотать во сне.

Бавария была первым из германских государств, которое стало республикой. Совет министров возглавил восточный еврей Эйснер (настоящая фамилия Космановский), имевший в кармане всего 18 марок. Возджами Баварской Советской республики были евреи из России Левин, Леви-нэ-Ниссен и Тобиас Аксельрод. Их сопровитель, товарищ Ландауэр, вещал:

«Каждый работает, где хочет. Субординация отменяется, а вместе с ней и юридическое мышление».

Министр иностранных дел этой республики телеграфировал в Москву:

«Пролетарии Верхней Баварии удачно соединились. Мы хотим мира навсегда. Иммануил Кант „О вечном мире“, 1795, тезисы 2-5».

В той же телеграмме новый министр сообщал как важную вещь, что его предшественник, уходя, забрал с собой ключ от уборной.²⁵ Была создана Красная армия, в которую устремились освобожденные русские военнопленные. Будущий демократический министр Мюллер-Мейнинген записывал:

«Тыловики, всякий сброд, женщины и дети идут вместе с ними с ревом и криками. В мученики зачисляют всех без разбора, грабителей и убийц, в том числе убийцу женщин Кристофа».

Гитлер оставался в казарме. Согласно приказу он надел, скрежеща зубами, красную нарукавную повязку, но все это было ему «отвратительно».

Председателя Совета министров восточного еврея Эйснера убил среди бела дня несколькими выстрелами из револьвера граф Арко, студент, из западных евреев. За Эйснера расстреляли нескольких членов националистического Ордена Туле, основателями которого были масоны из западных евреев, в том числе и чистые западные евреи, в частности профессор д-р Бергер. Центром национальных сил Мюнхена были помещения Общества Туле в роскошном отеле «Четыре времени года». Его председатель, саксонец по имени Адам Глауэр, который величал себя бароном фон Зеботтендорфом, утверждал:

«Люди из Туле первыми умерли за свастику».

В Берлине одновременно Карл Бернгардович Собельсон из Галиции, он же Радек, попытался с помощью союза «Спартак» организовать восстание, но оно захлебнулось в крови Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Баварская Советская республика в начале мая 1919 г. была уничтожена военной силой извне — Белой гвардией, войсками под командой генерала фон Офена, вольными корпусами — корпусом Эппа и корпусом «Оберланд» — и

²⁵ 25Georg Franz-Willing, «Die Hitlerbewegung — Ursprung 1919-1922», Decker's Verlag G. Schenck Hamburg 1962, S. 25/26.

морской бригадой Эрхардта. Мюнхенский батальон, в котором служил Гитлер, был в нерешительности, и тут на стул поднялся неизвестный дотоле ефрейтор и сказал:

«Товарищи, мы не революционная охрана пришлых евреев. Фельдфебель Шюсслер совершенно прав, когда он предлагает, чтобы мы оставались нейтральными».

Большого и не требовалось, и батальон остался в стороне. После вступления Белой гвардии в Мюнхен Гитлер вошел в состав следственной комиссии, которая разыскивала тех, кто в советские времена был не на той стороне. Его хвалили:

«Его обвинительные акты вносили неумолимую ясность в невыразимый позор военной измены еврейской диктатуры советских времен».

Гитлера взял к себе капитан Карл Майр, руководитель разведывательной службы. По нынешним понятиям, он стал тем самым агентом военной контрразведки, сокращенно МАД. Его послали учиться в Мюнхенский университет. Профессору Карлу Александру фон Мюллеру бросилась в глаза такая сцена: «Осталась небольшая группа, теснившаяся вокруг человека в ее центре, который непрерывно и со все большим воодушевлением говорил что-то странным гортанным голосом. Я увидел бледное лицо под не по-солдатски свисающими прядями волос, с коротко подстриженными усиками и очень большими голубыми глазами, блестящими холодным, фанатичным блеском». Мюллер спросил у капитана Майра, знает ли тот об этом «природном ораторском таланте». Майр знал и послал своего лучшего человека в гостиницу «Штернеккер», где вечером 12 сентября 1919 собрались Немецкая рабочая партия, 46 человек из разных мелких политических групп. Гитлер прослушал скучный для него экономический доклад, и только когда профессор Бауман в ходе дискуссии потребовал отделения Баварии от Германии и присоединения ее к Австрии, он оживился.

«Я не могу не потребовать слова, чтобы изложить этому господину свое мнение по данному вопросу».

Выступление Гитлера длилось 15 минут, сепаратист сбежал, не дослушав его, а руководитель партии слесарь Антон Дрекслер шепнул сидевшему рядом с ним машинисту, который вел протокол: «Такая глотка нам нужна».

Гитлеру тоже была нужна эта жалкая партия, имевшая в кассе 7 марок 50 пфеннигов. Она выглядела смехотворной, но ей можно было придать правильную форму.

«Здесь можно было еще определить содержание, цель и путь, чего с самого начала не было у больших существующих партий».

Итак, ефрейтор Гитлер вступил в кружок Антона Дрекслера, объединявший прежде всего людей, работавших вместе с ним в мюнхенском железнодорожном депо, и назвался художником по профессии. Благодаря своей «большой глотке» он через несколько дней стал главным оратором партии, а фельдфебель Шюслер, впоследствии первый управляющий делами НСДАП, — письмоводителем.

Вскоре в Мюнхене появилось антисемитское боевое сообщество, которое могло только расти, потому что раньше здесь орудовало советское правительство евреев из России и вся буржуазия была запугана. Ни в одном другом городе тогдашней Германии он не смог бы привлечь к себе такие большие массы, не имея средств.

В свои выступления Гитлер вставлял словечки на идиш и веселил публику речами такого рода:

«Это интернационал диктатуры еврейских биржевиков. У этого народа общее происхождение, общая религия и общий язык — ви-таки знаете, это язык жестов».²⁶

Но Гитлер мог быть и серьезным. Однажды на заседании очень буржуазного мюнхенского Демократического союза после доклада бургомистра Гамбурга Петерсена слово предоставили этому человеку, который слыл крикуном. Гитлер поднялся на сцену, сунул руки в карманы и приготовился говорить. «Выньте руки из карманов», — бросили ему заранее условленную реплику из зала, и оратор обрадовался: «Господа, я не из тех, кто говорит с помощью рук!» Присутствовавшие еврейские коммерсанты смущенно умолкли и озабоченно выслушали спокойную речь, направленную против них.

²⁶ 26Konrad Heiden, «Adolf Hitler», Europaverlag Zurich 1936, S. 118.

«Я могу говорить», — удовлетворенно констатировал Гитлер. Он умел возбуждать публику, и это возбуждение, в свою очередь, придавало ему силы. Он умел приспособливаться и перед студентами — любителями альпинизма выступал примерно так:

«Я прошу вас, посмотрите на наши курорты. Вы встретите там сегодня две категории людей: немцев, которые приезжают, чтобы после долгого перерыва, может быть, впервые снова глотнуть немного свежего воздуха и отдохнуть, и евреев, которые приезжают, чтобы растряссти жир. А если вы пойдете дальше в наши горы, кого вы встретите там в новеньких, желтых, роскошных сапогах, с красивыми рюкзаками, в которых наверняка лежит не то, что нужно. Они поднимаются в отель, обычно дотуда, докуда доходит горная железная дорога, а там, где кончается дорога, кончаются и они. Они сидят там в радиусе километра как мухи вокруг трупa. И среди них нет представителей трудящихся классов, ни работников умственного, ни физического труда, которые, обычно в рваных костюмах, с трудом взбираются на гору сбоку, потому что стесняются появляться в своей одежде, купленной в 1913 или 1914 году, в этой благоухающей духами атмосфере».

Капитана Майра, который со временем стал социал-демократом и в конце второй мировой войны погиб в концлагере Бухенвальд, сменил капитан Рем. «Меня зовут Эрнст», — сказал он за кружкой пива и предложил ефрейтору быть на «ты».

Ernst Julius Ruchm (1887 — 1934)

Гитлер попал в офицерский круг, и возвращающиеся на родину командиры вольных корпусов начали ценить его, хотя ему было наплевать на их военные подвиги в Прибалтике и Верхней Силезии, как и на немецкое сопротивление французской оккупации Рурской области в 1923 году. Бывший солдат-фронтовик привлекал их своими зажигательными речами и 15-50 марками в день. Об их собраниях комиссар криминальной полиции Файль докладывал начальству:

«По моему личному мнению и впечатлению, Гитлер и присутствующие на этих собраниях авантюристы из Верхней Силезии в случае еврейского погрома стали бы главарями второй Красной армии, каких мы видели в 1919 году, лишь бы грабить и убивать евреев».²⁷

Газета «Мюнхнер пост» рассказывала в статье «Травля евреев» об одном из этих сборищ:

«Появились антисемиты из мелкой буржуазии и молоденькие студенты в сопровождении своих более старших товарищей или других взрослых. Выступал г-н Адольф Гитлер, который вел себя больше как комик. Его речь напоминала куплеты, и каждое третье предложение содержало припев: во всем виноваты евреи. Следует отметить одно: г-н Гитлер сам признался, что его речь продиктована расовой ненавистью».

24 февраля 1920 г. Немецкая рабочая партия была переименована в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП), о которой вскоре заговорили во всем мире. Гитлер и основатель партии Дрекслер советовались. «Предстоит большой скачок на общественную арену», — сказал Дрекслер. «И где, Тони, ты бы хотел, чтобы это произошло?» — спросил Гитлер. «В пивной „Хофбройхаус“, в банкетном зале», — ответил Дрекслер. Появился напечатанный красными буквами призыв «К страждущему народу». Вход стоил 40 пфеннигов. Зал был полон, собралось 200 человек, и, когда слово было предоставлено выступавшему вторым Гитлеру, начались драки. Оратор с трудом заставил себя слушать, и аплодисменты, сначала сдержанные, потом стали бурными. Гитлер огласил программу НСДАП из 25 пунктов, из которых 19 были направлены против евреев.

- «Ни один еврей не может считаться соплеменником»;
- «Если невозможно прокормить все население государства, то представители других наций должны быть высланы из рейха»;
- «Мы требуем, чтобы все не немцы, приехавшие в Германию после 2 августа 1914 г., были принуждены немедленно покинуть рейх»;
- «Мы требуем полной конфискации всех состояний, нажитых на войне».

Гитлер давал такие пояснения к этим пунктам:

«Рабочим все время говорят: им надо уезжать в Россию. Но было бы более целесообразным, если бы восточные евреи оставались там, если там так много работы»; «Когда надо отнять у мелкого спекулянта пару яиц, правительство действует с удивительной энергией, но оно не делает ничего, когда этот спекулянт носит

²⁷ 27Philipp W. Fabry, «Mutmassungen uber Hitler», Droste Verlag Dusseldorf 1969, S. 24.

еврейскую фамилию»; «Сначала нужно выгнать виновных, евреев, а потом мы очистим себя сами. В случае преступлений спекулянтов и ростовщиков денежные штрафы не имеют значения».

В заключение был единогласно принят протест против решения передать еврейской общине в Мюнхене 40000 центнеров пшеничной муки для выпечки мацы, «в то время как 10000 тяжелобольных не имеют хлеба». Свой рассказ об этом первом массовом собрании новорожденной НСДАП Гитлер закончил словами:

«Был зажжен огонь, на котором предстояло закалить меч, который должен был вернуть свободу германскому Зигфриду и жизнь немецкой нации. Я чувствовал нарастающий подъем и ощущал шаги богини неумолимой мести за клятвopреступление 9 ноября 1918 года. Движение началось!»

Гитлер, как художник, нарисовал эскиз флага и круглого партийного значка с той свастикой в центре, которую он впервые увидел маленьким мальчиком в монастыре Ламбах. Жена зубного врача Крона вышила первый флаг, и он впервые украсил ораторскую трибуну при создании местной группы в Штарнберге в мае 1920 года. Составленный Гитлером циркуляр гласил:

«Партийные флаги вывешивать на всех публичных собраниях на ораторской трибуне, у входа в зал и т.д. на демонстрациях носить с собой. От членов партии неукоснительно требовать, чтобы они всегда и везде появлялись только с партийным значком. Евреев, которые будут находить это неприличным, безжалостно бить».

При партии Гитлер создал штурмовой отряд, сокращенно СА, для защиты собраний. В него вступали бывшие военные, участники вольных корпусов и отрядов гражданской самообороны, возникших в советское время. Полиция докладывала об их первых действиях:

«Зал был набит. Одного человека, который обозвал г-на Гитлера обезьяной, охранники, сохраняя полное самообладание, выпроводили».

Рем, который, как и Гитлер, ушел из армии, стал позже руководителем СА, игравшим важную роль в политике. Гитлер так оправдывал действия СА перед судом:

«Начиная с 1920 года совершались непрерывные нападения на собрания и на ораторов. Чтобы противостоять этому террору, проводить собрания и защищать ораторов и руководителей, из молодых членов партии был создан отряд самозащиты, который назвали штурмовым отрядом».

В т.н. Баварском союзе его председатель Баллерштедт произносил сепаратистские речи и при этом восхвалял Францию. Присутствовавший при этом однажды Гитлер, который «предпочитал быть казненным в большевистской Германии, чем благополучно жить во французской Германии», выскочил вперед и ударил этого человека хлыстом по лицу. За это он просидел несколько недель в мюнхенской тюрьме, но его авторитет в

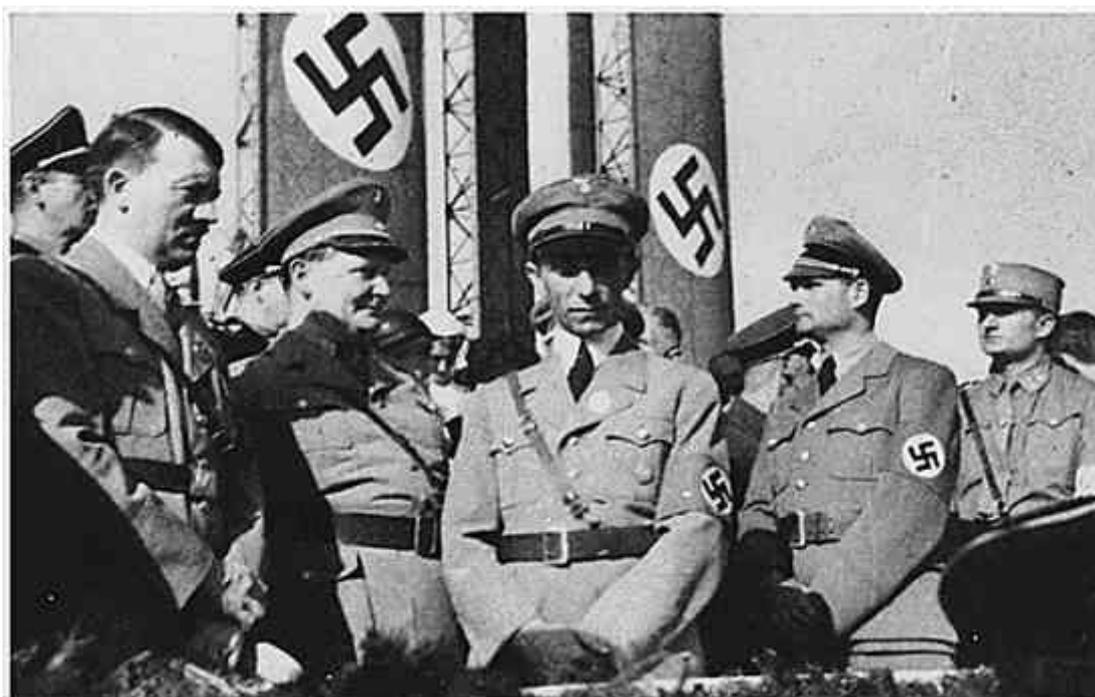
глазах СА возрос. В тюрьме он жил ничуть не хуже, чем в приюте Милосердных братьев на Лотштрассе, где он снимал комнатку. На следующем мероприятии штурмовики вывешивали плакаты с надписью «Евреям вход воспрещен» и срывали плакаты противников, рисовали на стенах свастики и замазывали символы противников. Кроме того, производилась физическая «проверка» людей, похожих на евреев. Один южноамериканский дипломат испытал неприятные прикосновения, когда на лестничной клетке проверяли, не обрезанный ли он. После удачной работы жаждущие подвигов молодые люди возвращались домой, распевая веселую песню:

Долой евреев, детей сатаны!
Долой евреев из нашей страны!
Пусть они уедут в свой Иерусалим
И пусть их там встречает их прародитель Сим!

Гитлер давал инструкции по проведению собраний, которые казались его бойцам излишними:

«Мы не должны разговаривать с евреями, поскольку они, как чужаки, вообще не имеют права вмешиваться в наши дела, точно так же как немцы не должны заниматься политикой в еврейском государстве Палестине».

Последнее было голубой мечтой, которая сбылась вскоре после смерти Гитлера.

Враждебная пресса стала менее энергично подчеркивать полуеврейское происхождение Гитлера и даже социал-демократическая «Мюнхнер пост» перестала возводить на Гитлера поклеп, будто он был помолвлен с дочерью восточного еврея из Галиции.

Зато возник спор в штабе НСДАП в пивной «Штернек-керброй», куда попадали через длинный темный ход. Преследуя те же цели, но занимая более умеренную позицию в борьбе против евреев, в Северной Германии расширяла свое влияние Немецкая социалистическая партия. Некоторые из мюнхенских партийцев стремились соединиться с этими людьми, а другие требовали, чтобы северяне распустили свою партию и группами или по одному вступили в НСДАП. Мюнхенцам, выступавшим за демократическое руководство партией, которое действительно еще сохранялось до лета 1921 года, противостояли другие, которые хотели сделать Гитлера вождем с диктаторскими полномочиями. Лучший конь в стойле НСДАП, удачливый вдохновитель масс отправился в поездку, прожил несколько недель в Берлине, в основном посещая салоны, а когда он вернулся в Мюнхен, то увидел, что на корабле бунт. 11 июля 1921 г. Гитлер заявил о своем выходе из НСДАП, которая «размякла» и не в состоянии больше «вести борьбу за свержение господства международного еврейства над нашей страной». Положение было серьезным, и партия боялась, что без своего лидера, своего лучшего оратора она обратится в ничто. Гитлер письменно потребовал для продолжения деятельности «поста первого председателя с диктаторскими полномочиями», и партийное руководство изъявило готовность,

«в знак признания Ваших заслуг, Вашей работы на благо движения, которую Вы ведете с редким самопожертвованием, занимая лишь почетный пост, Вашего редкого ораторского таланта предоставить Вам диктаторские полномочия, и будет самым радостным образом приветствовать, если Вы, вернувшись в партию, займете место первого председателя».²⁸

Расчеты Гитлера оправдались, и национал-социалистическое движение с его благими намерениями превратилось с этого дня в антиеврейское гитлеровское движение. Цель национального социализма — «покончить с процентным рабством» была отныне заменена другой целью — изгнать евреев, а Гитлер стал «фюрером». Некоторые бросили партбилеты, в том числе и фельдфебель Рудольф Шюсслер, который из партийного штаба в «Штернеккерброй» перекочевал прямо в еврейский банк Ауфхойзера, где он еще работал и шесть лет спустя после прихода Гитлера к власти.

²⁸ 28Georg Franz-Willing, «Die Hitlerbewegung — Ursprung 1919-1922», Decker's Verlag G. Schenck Hamburg 1962, S. 113.

«Bildnis des Führers» by Otto von Kursell, 1941

Новоявленный фюрер много ездил, установил связи с национал-социалистами в Австрии и Судетской области и собирал деньги в Швейцарии у людей, в том числе и евреев, которые испытывали страх перед большевизмом и национализацией.

Рекламные письма дошли до швейцарских промышленников, и указание на коммунистическую опасность произвело впечатление и на них. Особенно активным был полковник Пирхлер, основатель Швейцарских отечественных союзов. Он пригласил Гитлера в цюрихский отель «Сен-Готард», и на расположенной поблизости вилле Везендонк Гитлер изложил свою программу перед сорока персонами, после чего большие взносы сделали крупный промышленник Элер и сахарный фабрикант Франкенталь.

Гитлер побывал на месте своего рождения в Браунау, посетил и свой любимый город Линц. При этом он давал австрийцам в Инсбруке, Зальцбурге, Халлынтейне, Вене и Санкт-Пельтене пояснения по еврейскому вопросу. И здесь он нашел правильный тон:

«С безграничной любовью читаю я, как христианин и как человек, те места, где рассказывается, как Господь наконец собрался с силами, взял бич и изгнал ростовщиков, эти порождения ехидны, из храма! Его неслыханную борьбу за этот мир, против еврейского яда, осознаю я сегодня, 2000 лет спустя, с глубочайшим волнением и сильнее всего в том факте, что Ему пришлось за это истечь кровью на кресте».

Gregor Strasser (1898 — 1934)

Движение осваивало Юг, но все еще было слабым на Севере. И тут на помощь Гитлеру пришел человек, о котором подробнее будет рассказано в следующей главе. В октябре 1922 г. Юлиус Штрейхер привел к нему нюрнбергскую группу Немецкой социалистической партии, а за ней последовала и остальная партия. На конференции в Зальцбурге (Австрия) эта северогерманская партия распустилась, и зимой 1922-23 гг. большинство ее членов примкнуло к НСДАП. В Северную Германию поехал аптекарь из Ландсхута и руководитель СА Грегор Штрассер и взял с собой своего брата Отто. Такое усиление естественно наталкивало на мысль устроить путч против Берлина и захватить власть в стране. После кровавого подавления Баварской Советской республики в Баварии правила Баварская народная партия. Эти консерваторы были немного монархистами, прислушивались к мнению Рима и враждебно относились к коммунистам и евреям. Им противостояли те, кто выступал за единство империи: с одной стороны, коммунисты, с другой — национал-социалисты. Когда социалистическое правительство в Берлине потребовало разоружить баварские отряды самообороны, Мюнхен ответил:

«Тем, кто хочет иметь оружие, надо его оставить».

Государственный советник Мейер сказал:

«Имперское правительство — это замаскированное советское правительство».

Евреям эти господа советовали:

«Это значительно облегчило бы дело, если бы определенные круги этой религиозной общины вели себя несколько сдержанней, особенно при публичной демонстрации того, что они могут позволить себе любые наслаждения, в то время как другие прозябают в нужде».

Эта консервативная партия требовала «положить конец подстрекательству широких кругов иностранными политизированными евреями, на деятельность которых даже их приличные баварские братья по вере смотрят с отвращением». С другой стороны, власти Баварии периодически сажали в тюрьму и Гитлера, чтобы на следующее утро выпустить его «за недостатком улик». Самой сильной личностью в правительстве Баварии был начальник мюнхенской полиции Пенер, который лучше всех различал пришлых восточных евреев и местных западных евреев. Его любили или боялись, в зависимости от точки зрения, далеко за пределами Баварии благодаря его крутым мерам против восточных евреев.

После своего прихода к власти Гитлер однажды приехал в Мюнхен. Вместе с гауляйтером Вагнером они проезжали мимо дворца принца Карла, который в народе все еще называли «дворцом Хельда», имея в виду бывшего председателя Совета министров и главу Баварской народной партии, и Гитлер спросил своего гауляйтера, какую пенсию получает Хельд. Услышав ответ, он вспыхнул:

«Бывший председатель Совета министров Баварии не может жить на 600 марок (это равнялось зарплате работающего директора школы). Позаботьтесь, Вагнер, чтобы ему удвоили пенсию».²⁹

А в ноябре 1923 года дела обстояли так: был заключен пакт, баварское правительство и национал-социалисты Гитлера договорились устроить вместе поход на Берлин по примеру похода на Рим Муссолини и «выкинуть из кресел ноябрьских предателей, которые в ноябре 1918 года всадили нож в спину немецкой армии».

Однако вскоре Гитлер узнал, что его союзники в баварском правительстве во главе с Каром думали в действительности только об отделении Баварии, а не о походе на Берлин. До него дошли такие разговоры:

«Если большевизм двинется на Запад, тогда надо будет спасать христианскую культуру, а это означает общность интересов Баварии и Франции. Радикализация Севера неизбежно приведет к отделению Баварии, не потому что у нас растет сепаратизм, а потому что нет другого выхода».

Баварская «революция федералистов» была намечена на 12 ноября 1923 г., но Гитлер ее опередил и прикарманил. Вечером 8 ноября он надел свой длинный черный сюртук и приколот серебряным Железным крест 1-го класса. В пивной «Бюргербройкеллер» генеральный государственный комиссар Кар выступил перед несколькими тысячами людей. Здесь не было кого попало, приглашены были «члены правительства, парламентарии, главы ведомств, военные старой баварской армии и рейхсвера,

²⁹ 29Dr. Hans Severus Ziegler, «Wer war Hitler», Verlag der Deutschen Hochshullehrer-Zeitung Tubingen 1970, S. 231.

представители университета, прессы, мира искусства, высших финансовых кругов и экономики». ³⁰ Некоторое время празднично одетый Гитлер незамеченным шатался по залу. Потом он приказал дежурному офицеру полиции, который его знал, очистить вестибюль и улицу в целях безопасности. И полиция освободила путь для штурмовиков Гитлера, которые быстро прибыли на место действия и сразу же установили в вестибюле пулеметы. При виде этого у командира полицейских возникли сомнения и он позвонил своему начальнику д-ру Фрику, прося указаний. Фрик ответил:

«Поддерживайте порядок на улице».

В Третьем рейхе за свою любовь к порядку на улице он стал имперским министром внутренних дел.

Внутри помещения господин в черном сюртуке вспрыгнул на стул, выстрелил в потолок, ворвался через примолкшую толпу на помост и, все еще держа пистолет в руке, прокричал:

«Национальная революция началась! Зал занят шестьюстами хорошо вооруженными людьми. Если вы немедленно не успокоетесь, я прикажу установить на галерке пулемет. Рейхсвер и баварская полиция уже идут сюда под знаменем со свастикой».

Потом Гитлер затащил трех озадаченных правителей Баварии, Кара, фон Лоссова и Зейсера в соседнее помещение, и знаменитый военный летчик Геринг с орденом «За заслуги» на шее поднялся на трибуну и заявил, что рядом формируется имперское правительство.

«В остальном, — закончил он свое выступление, — вы можете быть довольны, вы получите здесь свое пиво».

³⁰ 30Dr. Ernst Hanfstaengl, «Zwischen Weissem und Braunem Haus», R. Piper u. Co. Verlag Munchen 1970, S. 129.

Reichsjdgermeister Hermann Gцring (1893 — 1946)

Привезли генерала Людендорфа, полководца первой мировой войны, который давно уже был на стороне Гитлера и Геринга. Он хотел революции, одновременно национальной и социальной. Во время войны он отказался от предложения кайзера возвести его в дворянство.

Гитлер распределил посты и зачитал толпе имена, в том числе и только что уведенных:

«Глава имперского правительства Гитлер. Командующий национальной армией Людендорф. Министр полиции Зейсер. Задача временного немецкого правительства — всеми силами Баварии и привлеченными силами всех других германских земель выступить в поход на греховный Вавилон — Берлин. Завтра либо в Германии будет немецкое национальное правительство, либо мы будем мертвы».

Все радовались хорошим перспективам, трое господ в соседней комнате услышали новость и пожали руку, протянутую им Гитлером.

На следующее утро они приказали стрелять у Фельдхернхалле в тех, кто ночью по приказу Гитлера тысячами прибыл в Мюнхен пешим маршем и на грузовиках. На стенах домов были расклеены объявления:

«Заявления, которые были сделаны мной, генералом фон Лоссовом и полковником Зейсером под угрозой револьвера, считать недействительными.

Фон Кар, генеральный государственный комиссар».

«Feier des 9. November an der Feldherrnhalle in München» by Paul Hermann, 1941

Во главе колонны шли Гитлер и Людендорф, Гитлер с пистолетом в руке. Один человек выскочил вперед: «Не стреляйте! Идет его превосходительство Людендорф!» И тут у Фельдхернхалле прозвучали выстрелы. Четырнадцать национал-социалистов остались лежать мертвыми на Одеонплац. Еще двое погибли в отряде Рема, который был окружен неподалеку баварской полицией. Множество раненых, среди них Геринг с пулевым ранением в нижнюю часть живота и Гитлер с вывихнутой рукой, искали укрытия. Путчистов расстреляли те, кто накануне тоже участвовал в заговоре. Геринг бежал за границу, а Гитлер скрылся на вилле близ Уффинга на озере Штаффельзее. Полиция нашла его, когда за ним ухаживала фрау Ханфштенгель, урожденная Гейне, западная еврейка родом из США.

Партия провозгласила, когда десять лет спустя пришла к власти:

«Вы пали не напрасно».

И в этом есть доля истины: благодаря этой попытке путча было сохранено единство империи и предотвращен запланированный на ближайшие дни государственный переворот баварских сепаратистов. Живущий сегодня на покое рейхсфюрер молодежи Бальдур фон Шпрах, полуамериканец, который лишь в одиннадцать лет научился немецкому языку, нашел такие немецкие слова:

«Пусть в вашу честь воздвигнут храмы, — для нас алтарем останутся ступени Фельдхернхалле».

В начале 1924 г. Гитлер и его путчисты были приговорены к заключению в крепости, но уже накануне Рождества того же года он снова оказался на свободе. Так ужасно строго карали тогда тех, кто с помощью пулеметов хотел отправить нелюбимое правительство к черту или на Восток, — те еще были времена!

Глава 5

«Евреи — это наше несчастье»

Эти слова принадлежат великому историку Трейчке, и Гитлер вдавливал их в головы, пока последний конюх в беднейшем глухом углу не усваивал, кто виноват в его несчастьях. Но он умалчивал о решении, которое предлагал Трейчке:

«Они должны стать немцами без ущерба для их веры и их древних, священных воспоминаний, которые мы все чтим».

В мюнхенском баре «Летучая мышь» — дело было в 1920 году — рядом с только что уволившимся из армии Гитлером сидел за столом приземистый человек, который говорил с сильным венским акцентом и, прихлебывая пиво, рассеяно поглядывал маленькими, черными глазками на ягодицы официантки. Это был венгерский еврей, сын богатого торговца шелками, близкий друг поэта Дитриха Эккарта, издателя антисемитского листка «Ауф гут дойч». Эккерт понимал его жаргон, которому он научился в Берлине. Он познакомил Гитлера с этим странным человеком, который поил их пивом и под псевдонимом Требич-Линкольн занимался самой разнообразной деятельностью: сначала он был студентом и изучал иудейскую теологию, потом вдруг стал сектантом-евангелистом и проповедовал в Нью-Йорке, потом священником в Англии, директором нефтяной компании, депутатом палаты общин английского парламента от Либеральной партии и немецким шпионом — все это почти одновременно. Англичане до сих пор считают, что Требич-Линкольн — «единственный иностранный шпион, который был депутатом палаты общин»,³¹ насколько им известно. Беседа в баре вертелась вокруг евреев и их целей. «Здесь Вы правы, г-н Гитлер, — соглашался Требич. — Во всех эксцессах всегда виноваты сами евреи. Но они всегда встречали оппозицию в собственной среде. вспомните Мардохея, сиречь Карла Маркса, независимо от того, любите Вы его или нет. „Каков мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской бог? Деньги“. вспомните Вейнингера, тоже еврея, нашего великого венского философа:

«Еврей не знает любви, он знает только тело. Он хочет насилловать».

³¹ 31R. H. Bruce Lockhart, «Als Diplomat, Bankmann und Journalist im Nachkriegseuropa», Deutsche Verlags-Anstalt Stuttgart 1935, S. 109.

«А скажите, г-н Требич, — спросил Гитлер, — что Вы думаете о Палестине как решении вопроса для всего еврейского племени?»

«Два пива!» — крикнул Требич и задумался. Через некоторое время, после нового глотка, он опять заискрился своей обычной венской любезностью. «Я надеюсь, — обрадовался он. — Национал-социалисты и национал-сионисты, соединяйтесь!» — «Да услышит Вас Бог! — торжественно изрек Гитлер. — Пути разные, цель одна. И да поможет нам Господь!» Он тоже отхлебнул большой глоток пива. Требич-Линкольн начал восторгаться декларацией английского министра иностранных дел, еврея Бальфура. «Эта декларация — всего лишь письмо Бальфура его другу Ротшильду, написанное в 1917 году. Это письмо очень упростило дело: англичане дают землю, а мы посылаем туда людей, на которых, возможно, придется оказать давление. Мы хотим построить дом, который вместит всех евреев, и евреи и весь мир обретут покой». Он усердно подчеркивал разницу между западными и восточными евреями. «Кто организовал экономику? Баллин, тайный советник Симеон и тому подобные люди. А кто помог князьям выбраться из лужи, когда их казна опять опустела? Блейхредер был банкиром уже у императора Вильгельма I. А Штраус с его венскими вальсами — просто подарок судьбы для этих людей».

— «А восточные евреи? — вдруг сердито продолжил Требич. — Варшавское гетто — это норы, прорытые в преисподнюю».

— «Ну и что?» — спросил заинтересованный Гитлер.

— «Я скажу тебе что, — Требич-Линкольн неуклюже-доверительно положил свою толстую руку на руку Гитлера. — Я знаю кто ты: Франкенбергер. А теперь скажи, что общего у нас, западных евреев из Германии и Австро-Венгрии, с этими вшивыми евреями в лапсердаках?»

Гитлер резко отдернул руку: «Никогда больше не называй имя Франкенбергер! — его глаза блестели. — Или я буду кричать: Мозес Пинкелес из Венгрии!» Собеседник Гитлера сохранил спокойствие, заказал еще пива и спросил прямо: «Сколько Вам нужно?»

— «Сто тысяч».

Требич вынул три пачки из кармана пиджака и бросил их на стол: «Пересчитайте». Гитлер пересчитал: «Тридцать тысяч. Через месяц „Фёлькишер беобахтер“ будет моим». ³² Требич поднялся и взял пальто. «И знаете, — он показал пальцем на оставшегося сидеть Гитлера, — из антисемитизма может что-то получиться лишь в том случае, если это дело возьмут в руки сами евреи».

— «Вы?»

— «Нет, художник Либерман, тоже еврей, как и я».

Гитлер уставился в пустую пивную кружку. «Как прав тот, кто содержит художника», — пробормотал он и тоже встал.

³² Дитрих Брондер «До того, как пришел Гитлер», стр. 238:

«В 1921 году Гитлер за деньги, которые ему ссудили, в частности, еврей, выкупил у магистра своего ордена Зеботтендорфа „Фёлькишер беобахтер“ за 100.000 марок наличными, причем его друг Мозес Пинкелес, он же Требич-Линкольн, внес 30000 марок».

«Bildnis des Führers» by Rudolf Zill, 1942

Версткой партийной газеты занялся старый друг Розенберга, венгерский еврей Холоси, он же голландец Холыпи, сын раввина.³³

17 декабря 1920 г. новым владельцем газеты «Фёлькишер беобахтер» стал Адольф Гитлер, а руководство этим партийным органом, сокращенно «ФБ», взял на себя Дитрих Эккарт. Вскоре газета была запрещена сначала на месяц, потом на неделю за антисемитизм. Эти запреты лишь повышали тираж, и в следующие годы он перевалил за 100000. И когда Гитлеру запрещали выступать, он мог, по крайней мере, писать в своей партийной газете.

Для пропаганды в рядах рейхсвера печатались специальные выпуски для солдат. 16 ноября 1921 г. Гитлер получил согласно протоколу мюнхенского регистрационного суда все права на «Фёлькишер беобахтер», которые до того принадлежали Обществу Туле. Он не был больше бедняком. Требич-Линкольн был одним из лучших антисемитских авторов «ФБ». Он похвалил на свой манер ненавистника восточных евреев, бывшего начальника мюнхенской полиции Пенера:

«Эрнст Пенер и его верный советник Фрик были единственными государственными чиновниками высокого ранга, которые имели тогда мужество быть сначала немцами, а потом чиновниками».

³³ 33Dr. Ernst, Hanfstaengl, «Zwischen Wiessem und Braunem Haus», R. Piper u. Co. Verlag Munchen 1970, S. 106.

Когда этот еврей Пинкелес, он же Требич-Линкольн, скоропостижно умер после неудачной попытки устроить антианглийские беспорядки на Тибете, весьма хвалебный некролог написал в «ФБ» главный редактор Альфред Розенберг.

Этот некролог начинался с рассказа о капповском путче в Берлине в марте 1920 г. и восхвалял тогдашнего референта по делам прессы генерального директора Восточной Пруссии Каппа, все того же Требич-Линкольна. Вместе с Дитрихом Эккартом ефрейтор Гитлер в штатском (он тогда еще служил в военной контрразведке) вылетел в Берлин. За штурвалом самолета сидел Риттер фон Грейм, будущий генерал-фельдмаршал люфтваффе. У входа в рейхстаг их встретил суетливый маленький Требич и предупредил: «Возвращайтесь в Мюнхен. Все пропало, Капп бежал».

Но Эккерт и Гитлер не спешили убежать, так как они нашли убежище у дамы из высшего круга, жены фабриканта роялей еврея Бехштейна. Эккерт хорошо знал ее с тех времен, когда жил в Берлине, и Гитлер тоже стал ее близким другом. Она всегда была рада его видеть и помогла ему завязать обширные связи. Позже, когда Гитлер сидел в крепости Ландсберг, полиция записала показания госпожи Елены Бехштейн:

«Два или три раза мой муж оказывал помощь Гитлеру для поддержки газетного издательства „Фёлькишер беобахтер“ в Мюнхене. Я сама тоже ему помогала, но не деньгами. Я передала ему на реализацию несколько предметов искусства большой ценности, сказав, что он может делать с ними, что хочет».

Берлинский фабрикант кофе Франк, еврейского происхождения, знакомый через 2-жу Бехштейн и Эккарта с Гитлером, заключил с ним договор о ссуде «60000 швейцарских франков. В качестве залога за ссуду 2-н Адольф Гитлер передает 2-ну Рихарду Франку: смарагдовую подвеску из платины с бриллиантами, рубиновое кольцо из платины с бриллиантами, сапфировое кольцо из платины с бриллиантами, бриллиантовое кольцо 14 карат, венецианское рельефное кружево и испанское покрывало из красного шелка с золотым шитьем. Эта ссуда должна быть возвращена не позже 20 августа 1926 года».

В Мюнхене перед удачливым барабанщиком, как любил называть себя Гитлер, всегда была открыта вилла Ханфштенглей. Владелица художественного издательства, урожденная Гейне из Нью-Йорка, пережив шок во время советской диктатуры, изменила свои миролюбивые политические взгляды на противоположные, а ее сын, «полтинник» Эрнст, стал восторженным почитателем Гитлера. Путци, как звали его друзья, закончил Гарвард, был наследником богатого предпринимателя и был рад, что в период инфляции может помогать иностранной валютой. Он давал при случае по тысяче долларов — целое состояние в те дикие времена. В Берхтесгадене, куда Гитлер уже тогда охотно уезжал с друзьями и подругами, Ханфштенгль был желанным гостем. Он любил там шутливо передразнивать своего бывшего учителя, отца Генриха Гиммлера.

Позже Геринг и его люди однажды решили напугать трусоватого Путци, который раздражал их рассказами о своих «страданиях» в Нью-Йорке во время первой мировой войны (его как-то поранило оконным стеклом), якобы еще более тяжкими, чем переживания солдат на фронте. В феврале 1937 г. Путци, который тогда был шефом зарубежной прессы НСДАП, привезли на аэродром Штаакен и надели парашют на его дрожащие плечи, якобы для того чтобы сбросить его с тайной миссией в зоне военных действий в Испании «по приказу фюрера». Внутри самолет был набит гранатами, а сиденья были металлическими. Во время полета спутники показывали Путци фотографии изувеченных трупов испанских женщин, и весь этот театр снимался на пленку. Потом летчик начал раскачивать самолет. Шуточный триллер закончился недалеко от Лейпцига. Снятое кино показали Гитлеру, и тот аплодировал. Д-р Эрнст Ханфштенгль счел, что его жизнь в опасности, бежал в Швейцарию, и его не помогло извлечь оттуда обратно даже письмо Геринга от 19 марта 1937 г.:

«Уверяю тебя, все это была лишь безобидная шутка. Надеюсь, ты поверишь моему слову».

Публика потом еще многое услышала от Эрнста Ханфштенгля о Гитлере — только плохое. Он помнил, как Гитлер падал на колени перед его женой, да и его сестра Эрна тоже привлекала к себе внимание фюрера. Во время войны Ханфштенгль стал советником президента Рузвельта, которого знал по Гарварду, и, поскольку он сам, Гитлер и Рузвельт имели еврейскую примесь, этому страннику между двумя мирами особенно врезалось в память за все эти годы и десятилетия то, что сказал ему в 1922 году еврей журналист Рудольф Коммер в день убийства Ратенау:

«И Ратенау тоже выступал против „азиатских орд на песках Бранденбургской марки“ в безнадежной попытке сблизиться со светловолосыми потомками Бальдура. Упаси Бог нас, евреев, и вас, немцев, от того, чтобы однажды безмозглые животные инстинкты подстриженного под „белокурую бестию“ бандита соединились с духовным ядом еврейской ненависти к самим себе или разорванным мировоззрением духовно и морально дефективных полукровок».³⁴

О таких людях, как Гитлер и Гейдрих, верней не скажешь.

И Готфрид Федер, ведущий теоретик партии по вопросам экономики, не брезговал брать деньги у евреев. Этот образованный и много повидавший человек предоставил свои обширные связи в деловом, банковском и промышленном мире в распоряжение НСДАП и передавал партии деньги еврейских банков.

Эти суммы, исчислявшиеся десятками тысяч марок или франков, которые поступали с еврейской стороны, увеличились потом до миллионов долларов. Об этих деньгах банков «Мендельсон энд К°», «Кун, Леб энд К°», «Варбург, Сэмюэль энд Сэмюэль» мы расскажем в другом месте этой книги, равно как и о похвалах английского газетного магната лорда Ротермира, который, если посмотреть его на просвет, оказывается евреем Штерном родом из Германии.

Человека, который, приведя к Гитлеру своих нюрнбергских «немецких социалистов», открыл ему путь на север Германии, звали Штрейхер. Об этом самом яром антисемите следует сказать подробнее. После первой мировой войны этот учитель народной школы сначала примкнул к УСП, партии независимых социал-демократов, к которой принадлежали также Эйснер и другие деятели Баварской Советской республики. Но восточные евреи ему не доверяли, он ушел из партии и создал в Нюрнберге ячейку Немецкой социалистической партии (ДСП). На конференции в Зальцбурге в 1920 г. между двумя в равной степени антисемитскими партиями было достигнуто соглашение: к северу от Майна должны были действовать немецкие социалисты, а к югу от Майна — национал-социалисты Гитлера. Единственным исключением стал Юлиус Штрейхер: он не договорился с Гитлером и остался вождем ДСП в расположенном к югу от Майна Нюрнберге. Впоследствии Штрейхер всячески поносил Гитлера словесно и печатно, главным образом в своей популярной еженедельной газете «Дойчсоциалист». Штрейхер пошел даже дальше и попытался вместе с отодвинутым в сторону основателем партии Дрекслером свергнуть Гитлера. Это тянулось два года, а потом в руки Гитлера попал документ, согласно которому Штрейхер не был арийцем в собственном смысле слова. Гитлер пригласил его в Мюнхен, в остерию «Бавария» в Швабинге, и, сидя за чашкой кофе, сунул ему этот ценный документ под нос. Через несколько дней Штрейхер со своими нюрнбергскими соратниками

³⁴ 34Dr. Ernst, Hanfstaengl, «Zwischen Wiessem und Braunem Haus», R. Piper u. Co. Verlag Munchen 1970, S. 30.

подчинился Мюнхену, ворота на север были открыты, и через несколько недель гитлеровское движение из сугубо баварского стало общегерманским.

«Тот, кто хочет приблизиться к нему, должен совершить подвиг», — говорил позже Штрейхер, украсивший себя гитлеровскими усиками. Именно он 9 ноября 1923 года у Фельдхернхалле выскочил вперед и крикнул:

«Не стреляйте, идет его превосходительство Людендорф».

Не очень красивая личная жизнь Штрейхера часто подвергалась нападкам. Но на все жалобы на этого полусемитского антисемита Гитлер отвечал одинаково:

«Может быть, вам не нравится нос партайгеноссе Штрейхера. Но когда он у Фельдхернхалле лежал рядом со мной на мостовой, я поклялся, что не покину его, пока он меня не покинет».

Ханфштенгель, которого друзья и Гитлер называли «Путци», в момент, когда на него надевают парашют на аэродроме Штаакен в феврале 1937 г. Это была грубая шутка, когда трусоватому интеллектуалу объяснили, что его сбросят по приказу фюрера со специальным заданием над территорией Испании, занятой красными.

Когда Штрейхер, будучи гауляйтером Франконии, в начале войны переполнил меру терпения и высший партийный суд исключил его из НСДАП, Гитлер отменил это решение. Штрейхер перестал быть гауляйтером, но остался издателем «Штюрмера».

Этот основанный им в 1923 г. антисемитский листок два десятилетия жил сказками о еврейских ритуальных убийствах и сексуальных преступлениях. В Третьем рейхе это был единственный разрешенный порнографический печатный орган, в этом пункте он опередил свое время. Руководитель издательства «ФБ» Аманн публично заявил:

«Это свинский листок, который я не беру в руки».

Кроме подстрекательских статей внимание читателей привлекали рисунки, от которых впечатлительные люди потом плохо спали. Художником «Штюрмера» был еврей Ионас Вольк, он же Фриц Брандт.

Покинув ряды УСП в 1919 году, Штрейхер боялся мести евреев. Гамбургские нацисты осмеяли его, когда он, приехав туда, настоял на том, что сам будет готовить себе кофе: официант в вагоне-ресторане якобы хотел отравить его.

Мсть настигла его позже, в 1946 году в Нюрнберге. Других повесили, его задушили. Стоя перед виселицей, он громко воскликнул:

«Хайль Гитлер!»

На вопрос об имени он резко ответил: «Вы его знаете». В сопровождении священника он поднялся на ступеньки и воскликнул:

«Пурим 1946 года — и к Богу».

Пурим — это еврейский праздник радости.

Когда тело Штрейхера повисло, в мертвой тишине раздался долгий стон, и немецкие наблюдатели рассказывают, что это было самое ужасное переживание ночи. Два немецких служителя крематория помогли при переноске трупов и дали обязательство молчать всю жизнь. На ящичке, в который уложили труп Штрейхера, было написано имя «Абрахам Гольдберг».³⁵

При анализе этих тесных связей между гитлеровским движением и западными евреями заслуживает внимания начало политической карьеры будущего «заместителя фюрера». Рудольф Гесс родился в Египте, его мать имела британский паспорт. На войне он был летчиком, после войны стал в Мюнхенском университете ассистентом профессора политэкономии Хаусхофера, католика еврейского происхождения, женатого на еврейке. Гесс и Хаусхофер были членами Общества Туле. Гесс составлял тогда программу партии, а пункт 1 гласил:

«Партия является антисемитской».

Хаусхофер входил в группу Искателей истины, которой руководил левантийский полукровка еврейского происхождения Георгий Иванович Гурджиев, основатель сект и религиозных обществ в Грузии, Франции и США. Этот везде поспевавший пострел познакомил Хаусхофера и Гесса с тибетскими оккультными тайными учениями. Еще в 1903 г. Хаусхофер вместе с Гурджиевым посетил Тибет, а позже левантийский сектант уехал туда на несколько лет воспитывать далай-ламу. Когда Гиммлер узнал, что личный враг Гитлера — профессор Морелль, который делает фюреру тибетские инъекции, давно и хорошо знаком как с Хаусхофером, так и с Гурджиевым, он послал экспедицию на Тибет. Она вернулась лишь с подарком для коллег фюрера от далай-ламы.

Хаусхофер изобрел слово «жизненное пространство», и его «континентальная доктрина» позволила Гитлеру присвоить территории в Центральной и Восточной Европе. Сына Хаусхофера, тоже профессора политэкономии, Гитлер в 1933 году посадил в личный штаб своего заместителя Рудольфа Гесса, и ему были доверены важнейшие миссии во всем мире. Старший Хаусхофер одновременно получил пост президента Немецкой академии в Мюнхене, а позже считался отцом заключенного Гитлером антибольшевистского пакта с Японией. Но японцы никогда не думали нападать на Сибирь, ни одно из предсказаний Хаусхофера не сбылось и вскоре после поражения в войне он покончил самоубийством вместе с женой.

В еврейской иерархии западные евреи, сефарды, стоят выше, чем ашкенази. Подчеркнутое слово «даже» говорит об этом достаточно ясно, когда в книге еврея Циленцигера «Евреи в немецкой экономике» (Берлин, 1930) речь заходит об основателе универмага Тице:

«Его семья происходит первоначально из Голландии, вероятно даже из Южной Франции».

³⁵ Леонард Лайонс, «Нью-Йорк пост» 7 ноября 1966, стр. 45.

По мере иммиграции евреев в США сефарды стали сетовать, что «сброд» грозит наводнить побережье, а восточные евреи, которых они так обзывали, жаловались, что при въезде в США эти «аристократические евреи допрашивают их как преступников».

Расолог профессор Ганс Ф. К. Гюнтер причислял 90% всех евреев мира к восточным евреям и пришел в своей «Расологии» 1923 года к такому выводу:

«Наблюдения снова и снова показывают, что рассеяние евреев среди нееврейских народов вызывает бесконечные волнения и снова и снова противоположность народов доходит до уровня ненависти. Понимание этого — одно из самых смелых признаний сионизма. Сионизм ясно понял, что только отказ евреев от сожительства с нееврейскими народами достойно прояснит отношения. Создание защищенного международным правом очага для еврейского народа в Палестине представляется теперь политически достижимым».³⁶

Гитлер изучал труды Гюнтера. В 1935 году на партийном съезде были провозглашены «Нюрнбергские законы», которые запрещали браки между арийцами и евреями. Позже «осквернение расы» стали карать смертной казнью. На этом съезде Гитлер вручил ученому государственную премию, и с этого момента профессор Гюнтер стал в Третьем рейхе высшей инстанцией по расовым вопросам.³⁷

Несмотря на то что Гитлер поощрял «почетных арийцев», выбор между ассимиляцией по Трейчке и палестинским решением по Гюнтеру никогда не был для него трудным.

Глава 6

«Моя борьба» — произведение, написанное в тюрьме г. Ландсберга на реке Лех

³⁶ 36Dr. Hans Gunther, «Rassenkunde des deutschen Volkers», J. F. Lehmanns Verlag Munchen 1923, S. 430.

³⁷ 37Это утверждение автора неверно. Пик популярности Гюнтера в Германии приходится на 20-е годы, а в Третьем рейхе его все больше задвигали в тень и он ушел в частную жизнь. Прим. переводчика.)

После таких ужасных последствий решения стать политиком другой человек бросил бы эту профессию. Но не Гитлер, которого через несколько дней после неудавшегося путча схватили на вилле Ханфштенглей. При аресте он попросил ручку и бумагу и написал:

«Всем, всем, всем! Не падайте духом! Оставайтесь едиными! Верно и послушно следуйте за вождями и слушайте зов родины, а не ее погубителей. Адольф Гитлер. Написано в момент ареста».

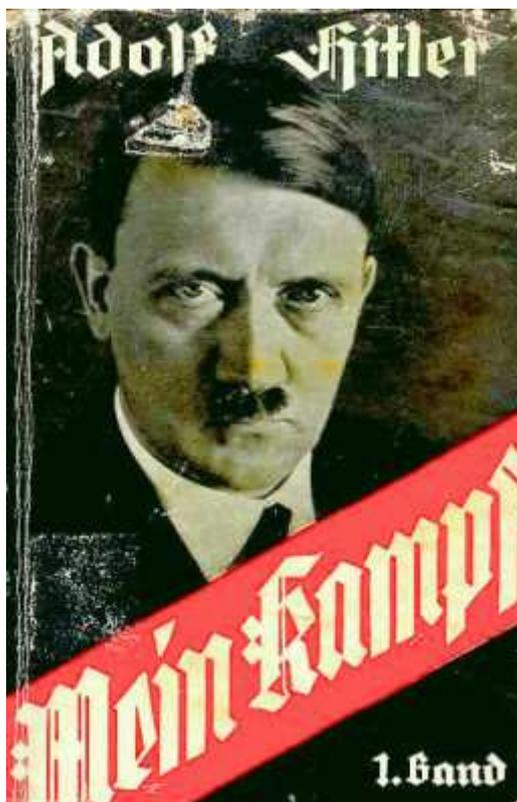
Примерно в часе езды на автомобиле от Мюнхена на возвышенности близ Ландсберга на реке Лех находится крепость, куда полиция ночью доставила арестованного. «Устройте его хорошо», — попросили полицейские перед отъездом, и тюремщики разбудили хорошо устроенного графа Арко, который за четыре года до этого среди была дня застрелил главу Баварского Советского правительства Эйснера-Космановского: «Вставай! Фюрер пришел». Граф потерял глаза, узнал Гитлера и радостно протянул ему руку. Гитлер отвернулся. Во-первых, все знали, что Арко — еврейского происхождения, а во-вторых, Гитлер решил остаться политиком, но отныне легальным.

Врач, старший медицинский советник д-р Бринштейнер констатировал перелом ключицы. Некоторое оцепенение левого плеча сохранялось, но Гитлер мог предстать перед судом. За право судить его боролись социал-демократическое правительство в Берлине и католическое консервативное правительство в Мюнхене. Баварцы перетянули канат. В начале 1924 г. процесс Гитлера начался в бывшей столовой Мюнхенской военной школы на Блютенбургштрассе. Гитлер и здесь остался «большой глоткой» и был главным героем спектакля. На заданный вопрос он часто отвечал часами, а зрители слушали и записывали. В их числе были корреспонденты газет из Франции, Англии и США. «Какой колоссальный парень этот Гитлер!» — удивился один из судей, как раз когда речь шла о «банде предателей в Берлине». Все шло гладко, и через три недели «господин обвиняемый» закончил свои речи. О предыдущих сделках с Каром, фон Лоссовом и Зейсером не было сказано ничего, они остались на свободе, а приговор Гитлеру с перспективой скорого досрочного освобождения был мягким. Людendorф, который в день путча был назначен новым главнокомандующим и уже начал отдавать приказы, был оправдан. Он негодовал:

«Я воспринимаю это оправдание как позор. Мой почетный мундир и мои ордена этого не заслужили».

В Ландсберге можно было с удобством проводить время, полеживая на левом боку. Тюремщики и заключенные питались одинаково. Гитлер располагался в двух камерах, одна из которых была спальней, и к нему был приставлен уборщик. Остальные осужденные получали с воли освежающие напитки. Гитлер получал книги. Его посещали друзья и сторонники, оставшиеся на свободе. Он говорил с ними по пять-шесть часов, и надзирателям трудно было прерывать эти разговоры.

Вождь национал-социалистических студентов Рудольф Гесс был осужден отдельно. Его поместили в тот же спокойный флигель крепости, где сидел Гитлер. Один или два раза в неделю приходил западный еврей, геополитик Хаусхофер, друг Гесса. Кроме идей, он принес с собой пишущую машинку, и можно было начать работать. Личный секретарь Гесс печатал то, что говорил Гитлер. А тот говорил перед Гессом, перед двумя-тремя сокамерниками и другими заключенными партийцами по вечерам, после долгих прогулок в тюремном дворе, где те играли в мяч или резались в карты. В такие вечера снаружи на лестничной площадке бесшумно собирались надзиратели и слушали. Другие толпились внизу, во дворе, и никто никогда не издал ни звука. Так рождалась «Моя борьба».

Речи, как думал Гитлер уже тогда, следует оценивать по их воздействию на народ, а не на университетских профессоров. Произведение, которое предопределило конечную победу Гитлера, представляет собой сборник антисемитских речей заключенного в тюрьму фюрера в этой «высшей школе за государственный счет».

В предметном указателе к «Моей борьбе» «евреи» упоминаются около ста раз, а Франция и Россия — раз по десять, и опять-таки в связи с евреями:

«Отравление негритянской кровью Рейна в сердце Европы столь же соответствует садистски-извращенной жажде мести этого шовинистического наследственного врага нашего народа, как и холодному расчету евреев начать этим путем метисацию европейского континента в его центре и лишить белую расу основ самодержавного существования, заразив ее кровью низших представителей человечества. То, что Франция, подстрекаемая своей жаждой мести, планомерно осуществляет сегодня в Европе под руководством евреев, — это грех против белого человечества, и однажды он навлечет на этот народ всех духов мести породы, познавшей в осквернении расы первородный грех человечества».

Или:

«Самый страшный пример являет собой Россия, где евреи воистину с фанатичной яростью убили, подвергнув нечеловеческим мукам, или уморили голодом 30 миллионов человек, чтобы обеспечить кучке еврейских литераторов и биржевых бандитов господство над великим народом».

Будущий фюрер и рейхсканцлер признался позже своему министру иностранных дел, что в этой книге, написанной в Ландсберге, ошибочней всего рассуждения о внешней политике.

Неверно говорить о «Моей борьбе» как о «расписании завоевания мира». Гитлер хотел завладеть пространством на востоке Европы:

«Наша задача, миссия национал-социалистического движения заключается в том, чтобы обеспечить такое политическое благоразумие нашего народа, чтобы он видел свою будущую цель не в опьяняющих мечтах о походах нового Александра, а в усердной работе немецкого плуга, которому меч только даст землю».

И далее следует вывод:

«В Европе у Германии в обозримом будущем могут быть лишь два союзника: Англия и Италия», так как «сегодня мы сражаемся не за мировое господство, а за сохранение нашей родины, за единство нашей нации, за хлеб для наших детей. Германия сегодня не мировая держава. Даже если наше временное военное бессилие будет преодолено, мы не будем больше претендовать на это звание».

«Расписание» было таково: Германии после изгнания всех евреев из германской сферы влияния должна принадлежать Восточная Европа. («Сама судьба дает нам знак. Отдав Россию в руки большевиков, она лишила русский народ того разума, который до сих пор обеспечивал прочность его государства».) Германской, родственной по крови Англии останется ее мировая империя, и пусть она расширяет ее, не давая никакой пощады колониальным народам. Гитлер писал:

«Столь же убоги надежды на мифическое восстание в Египте. Мысль о „джихаде“ вызывает приятную дрожь у наших немецких мечтателей. Как националист, который оценивает народы с расовой точки зрения, я не могу, зная о расовой неполноценности этих т.н. „угнетенных наций“, связывать с ними судьбу моего народа».

Почему руководимая им Германия не нашла общего языка с братским германским народом в Англии, Гитлер так и не понял до конца своих дней. Позже он спросил одного шведа:

«Г-н Далерус, скажите мне, почему я не могу прийти к соглашению с английским правительством? Вы хорошо знаете Англию, может быть, Вы сможете разрешить для меня эту загадку?»

Когда Англия через несколько дней после этого, в сентябре 1939 г. объявила войну Германии, «Гитлер сидел за своим письменным столом как окаменевший и смотрел перед собой невидящим взглядом. Он не бесновался. Он

сидел совершенно спокойно и неподвижно в своем кресле. „Что теперь?“ — спросил он после паузы, которая показалась вечностью». ³⁸

В 1924 года заключенным и надзирателям Ландсбергской тюрьмы все казалось очень простым: Германии — восток Европы, германской Англии — огромный мир. Союзная Италия могла сделать из Средиземного моря «*tare postrum*». Америка далеко, а остальное принадлежит безбожникам.

Большинство слушателей составляли верующие католики, а они знали еще из посланий Павла:

«Евреи нелюбимы Богом и противны всем людям».

Поэтому Гитлер легко мог выдавать свою борьбу против евреев за «дело Господне».

В мозгах Гитлера совмещались с венских времен благодаря своему действительно или предполагаемому родству по линии антисемитизма учения Шенерера, Люэгера и Ланца фон Либенфельса. Чтение расовых теорий Дарвина, Менделя, Белые, Гобино и Гюнтера дополнялось частыми визитами Хаусхофера и Розенберга, которые мечтали о захвате земель на Востоке, чему должно было предшествовать разделение на составные части Советской России, управляемой еврейскими народными комиссарами. Хаусхофер, при поддержке своего подручного, Рудольфа Гесса, заходил очень далеко и уже видел огромную Россию в тисках со всех сторон. А Розенберг, который родился в Эстонии и стал по документам гражданином Германии лишь несколько месяцев назад, мог наблюдать захват власти евреями в России вблизи, а именно в Москве. Унесенный потоком белых эмигрантов в Париж, Розенберг вскоре объявился в Мюнхене и стал объяснять, что происходит в СССР, в статьях под названиями «Русско-еврейская революция», «Еврейский вопрос», «Протоколы сионских мудрецов» и «Еврейская мировая политика» и т. п.

Розенберг знал о финансировании руководимой им газеты «ФБ» евреем Пинкелесом. Знал он и о том, что Гитлер догадывается о его отдаленных еврейских предках, от которых он унаследовал фамилию «Розенберг». Но после того как он рассказал своему фюреру, открыв на соответствующей странице словарь Мейера, как крещеный еврей Торквемада в 1492 году, будучи испанским великим инквизитором, изгнал почти всех испанских евреев, в том числе и крещеных, ничто не мешало больше Розенбергу стать представителем Гитлера на время заключения последнего. Оставшийся на свободе идеолог мог показывать другим письменный приказ фюрера: «Дорогой Розенберг! Отныне Вы руководите движением».

³⁸ 38Paul Schmidt, «Statist auf diplomatischer Buhne», Bonn 1950, S. 463.

Перечислять все злодеяния евреев, которые они, согласно «Моей борьбе», совершили и еще могут совершить, было бы утомительно. Гитлер любил называть их туберкулезными или чумными бактериями. Поскольку кое-что в этой книге описано правильно, победители в 1945 году запретили ее в Германии. Этот запрет остается в силе, и уже два поколения немцев не могут составить о ней представление.

Правильным я мог бы назвать такой отрывок:

«Вряд ли у какого-либо народа мира инстинкт самосохранения развит сильнее, чем у т.н. „богоизбранных“. Лучшим доказательством этого может служить сам факт существования этой расы».

А вот образец ложного утверждения:

«Если евреи победят народы мира с помощью своего марксистского вероисповедания, это станет венком на гроб человечества, и эта планета снова будет нестись через эфир, как и миллионы лет назад, без людей».

То, что Гитлер сулил евреям изгнание, а в случае войны — уничтожение, и, как реальный политик, рассчитывал сделать это в ходе войны, — нет сомнения:

«Если бы в начале войны, в 1914 году, или во время войны 12-15 тысяч еврейских предателей народа подвергли таким же газовым атакам, какие испытали на полях сражений сотни тысяч наших лучших немецких

рабочих, то миллионные жертвы на фронте были бы не напрасны».

Убеждение Гитлера, будто он — посланец Всевышнего, из-за чего в ходе Второй мировой войны погибли миллионы жертв, стало складываться еще тогда, когда он писал «Мую борьбу»:

«Я верю, что действую сегодня согласно замыслу всемогущего Творца: защищаясь от евреев, я сражаюсь за дело Господне».

У двух томов Гитлера своя история. Высказывания его противников и сторонников, которые не читали книгу, неинтересны. Передовые статьи печатных органов той и другой стороны выискивали то, что им было выгодно. Радиокомментаторы ругались. В вечерних школах гитлерюгенд, СА и СС чтение этой книги стало правилом. Прокуроры и судьи после 1933 года давали определения жителей государства и граждан государства в точном соответствии с установками, данными в «Моей борьбе». Цитаты из этой книги содержались даже в букварях для малышей, чиновники ЗАГСa вручали ее молодым при вступлении в брак. Любимым изречением, которое звучало в понедельник по утрам в высших учебных заведениях из уст партайгеноссе директора, было:

«У каждого мужчины есть советники, но решение мужчина должен принимать сам».

Второй том не был закончен из-за досрочного освобождения Гитлера из тюрьмы. Но вскоре Гитлер снова получил утраченную возможность, так как после первой же публичной речи на свободе ему запретили выступать в течение двух лет. Фронтовой товарищ, управляющий делами партии фельдфебель Макс Аманн печатал на машинке то, что диктовал ему его работодатель в Оберзальцберге, и для обоих это было делом жизни. Тираж «Моей борьбы» в Германии достиг 10 миллионов, книга была переведена на все языки мира, включая русский и китайский. Автор получил за нее 15 миллионов марок, из которых до своей смерти израсходовал половину.³⁹

Глава 7

Его борьба и история успеха в американском стиле

³⁹ Показание директора издательства Амана на Нюрнбергском процессе.

Тому, кто хотел бы понять причины второй мировой войны, мы советуем обратить внимание на пророческую карикатуру в «Дейли геральд» по случаю заключения мирного договора в Версале: мраморный дворец покидают Вильсон и Клемансо, два главных виновника, а за колонной плачет голое, новорожденное европейское дитя, над головой которого надпись: «Вступление в войну в 1940 году». Будущий президент ФРГ Теодор Хейс испытывал такое же ощущение, когда писал в 1932 г.:

«Место рождения национал-социалистического движения не Мюнхен, а Версаль».

Гитлер сидел в Ландсберге. Руководство движением в конечном счете взял на себя не теоретик Розенберг, а боец Людендорф. Его главной темой был «Позорный диктат Версаля» и за его Национал-социалистическое свободное движение проголосовали на выборах в рейхстаг в мае 1924 года почти два миллиона немцев. Под влиянием женщины, на которой он женился, врача-невропатолога, Людендорф переключился на другую тему, которую не оставлял до конца своих дней: Рим и борьба против ультрамонтанства. И это в католической Баварии! Конечно, все рассыпалось.

Первым многозначительным поступком Гитлера после освобождения из крепости Ландсберг был визит вежливости к председателю Совета министров Баварии Хельду в начале января 1925 года, и этот католический политик был рад услышать:

«Акция 9 ноября была ошибкой, Ваше Превосходительство, моей ошибкой. Отныне я буду помогать укреплять власть государства. Мы едины в борьбе против марксизма. А Людендорф борется против Церкви! Я категорически заявляю: с Людендорфом у меня нет ничего общего».

Хельд очень обрадовался: зверь был укрощен.

Вторым важным делом был последующий визит к Людендорфу. «Что говорят эти господа из Северной Германии? — допытывался Гитлер. — Ультрамонтанство более опасно, чем евреи? Кто эти невежи с Севера, этот Вулле и этот фон Грефе? Моему движению нужны и баварские католики, и прусские протестанты». Людендорф пытался возражать. «Не цепляйтесь за женскую юбку и за поповские рясы!» — бросил Гитлер, перестав сдерживаться, и пути двух путчистов 9 ноября разошлись.

Через две недели после этого объяснения Гитлер созвал своих верных приверженцев в «Бюргербройкеллер», откуда начался ноябрьский путч. Пришли 4000 человек.

«Я один руковожу движением! — гремел он в переполненном зале. — Никто не смеет ставить мне условия!»

После двухчасовой речи фюрера люди повскакивали на столы, стали обниматься и орали до хрипоты. Блудный сын народа вернулся.

«Bildnis des Führers» by Franz Triebisch, 1939

Укрощенному зверю сразу же после этого нового основания партии запретили выступать в Баварии, а также в большинстве немецких земель. В Пруссии этот запрет был отменен лишь в 1928 году.

Времена стали неблагоприятными для Гитлера, так как в Германии начался экономический подъем. В 1923 г. в стране было 3 миллиона безработных, теперь же, главным образом благодаря иностранным кредитам, 2,5 миллиона человек нашли работу. Гитлер не дал ввести себя в заблуждение, его инстинкт давал ему верные советы и он говорил своим ближним:

«Это кажущееся процветание, дорогие товарищи. Эксплуатация немцев пришлыми восточными евреями наряду с версальским диктатом, аннексией земель и гигантскими контрибуциями, несомненно, ввергнут самые широкие круги народа в экономическую нужду, и это неизбежно приведет нас к власти. Подождите».

Четырехлетний перерыв в деятельности он проводил главным образом в Берхтесгадене. А потом, когда ожидаемое великое бедствие внезапно началось в 1929 г. с «черной пятницы» на Уолл-стрит, Гитлер в головокружительном победном рывке стал через четыре года рейхсканцлером, подчинил себе рейхстаг, а вскоре после этого стал также президентом и главнокомандующим вермахта, сосредоточив в своих руках неограниченную власть.

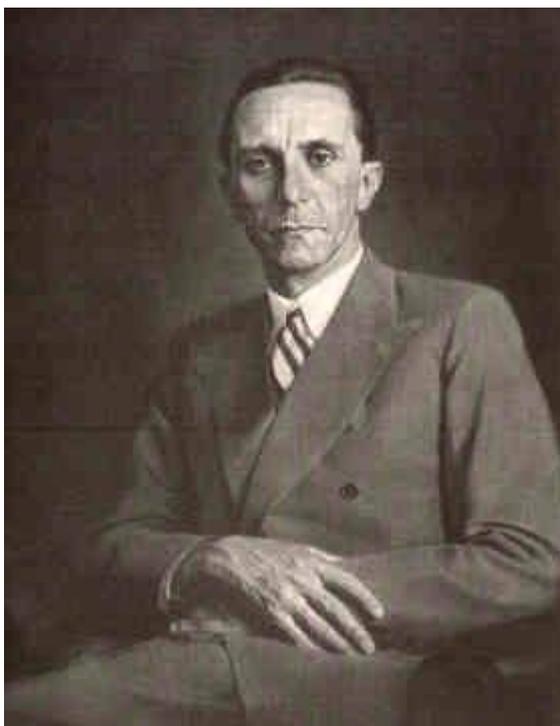
Работу в Северной Германии Гитлер поручил Грегору Штрассеру из Ландсхута. Тот честно выполнял свои обязанности организационного руководителя партии и вскоре создал партию внутри партии, «Рабочее сообщество гауляйтеров НСДАП в Северо-Западной Германии». Особенно большой приток в партию новых членов наблюдался в Рурском бассейне, где политическое пробуждение наступило после вторжения французских войск в 1923 г. под тем предлогом, что в поставках по репарациям не хватило нескольких

телеграфных столбов. Громче всех звучал там голос секретаря Штрассера, д-ра Иозефа Геббельса. Вскоре молодой партайгеноссе потребовал от благополучных мещан Южной Германии «исключить из НСДАП мелкого буржуа Адольфа Гитлера». Штрассер был доволен, а Гитлер легко усмирил эту бурю в стакане воды. Он созвал партийный съезд в Бамберге. У большинства представителей Северной Германии не было ни времени, ни средств, чтобы поехать туда, они и не поехали. Гитлер говорил перед своими, объяснял и убеждал. Почти все приехавшие южные немцы поддержали его, и Геббельс удрученно записывал в своем дневнике:

«О Боже, как нам далеко до этих свиней! Мне необходима передышка: от меня осталась половина».

Две недели спустя, после того как любезный Гитлер показал колеблющемуся товарищу кое-что в Мюнхене, Геббельс вновь обрел целостность, и это подтверждает запись в его дневнике:

«Я люблю его. Я склоняюсь перед этим великим политическим гением. Мы обедали вместе, и взаимный восторг опьянял нас».

Joeseff Paul Goebbels (1897 — 1945)

«Reichsminister Dr. Josef Goebbels» by Wilhelm Pitthan, 1938

Грегор Штрассер никогда не простил Геббельсу его измену, а Гитлер, следуя римскому правилу «разделяй и властвуй», послал их обоих в Берлин, где они окончательно рассорились. Дело дошло до более или менее открытой расовой борьбы внутри НСДАП. Легко понять, почему главный антисемитский оратор Германии с его неясным происхождением привлекал к себе в первую очередь людей, которые так же, как и он, не могли доказать абсолютную чистоту своей арийской крови. Таким образом вождь обеспечивал себе необходимую

безопасность и со стороны своих ближайших соратников, после того как пресса, находившаяся под властью евреев, давно уже перестала тыкать в эту рану, чтобы самой не порезаться. К тому же он просто считал еврейских полукровок более умными и услужливыми. Склоку начал Геббельс. Была разыграна карта еврейской бабушки Гиммлера из рода итальянских торговцев овощами, и на СС, организацию, создаваемую Гиммлером в противовес СА, была брошена тень. Тут — по плану — в игру вступил Розенберг и стал наезжать на Геббельса, говоря, что его предков следует искать среди осевших в Голландии испанских евреев и что его еще в школе дразнили «раввином». Партийный теоретик из Прибалтики побеседовал с еврейским профессором Гундольфингером, у которого Геббельс защищал диссертацию в Гейдельберге. И потом главный идеолог вдруг стал изъясняться более мирно:

«Характер геббельсовской пропаганды, конечно, совершенно левантийский. Но с помощью одного лишь расового вопроса трудно описать человеческое положение Геббельса, и я думаю, мы все должны с пониманием отнестись к его личному положению».

Бурю утихомирил юрисконсульт Гитлера, молодой мюнхенский адвокат Ганс Франк из партийного арбитражного суда, отец которого, еврей из Бамберга, перешел в католицизм. С конца 20-х годов в вопросах происхождения царил партийная дисциплина, и слова Люэгера: «Я сам определяю, кто еврей, а кто нет», обрели новый блеск. Было придумано звание «почетного арийца».

О поступательной тенденции пока не было речи. На выборах в рейхстаг 1928 года национал-социалисты получили менее миллиона из 40 миллионов голосов, т.е. вдвое меньше, чем партия Людендорфа четыре года назад.

Эти спокойные времена, когда можно было шпынять друг друга предками, прервал жарким летом 1929 г. своим планом некий мистер Юнг из «собственной страны Господа Бога», т.е. США. Бремя дани в 110 миллиардов марок, которую тогдашняя молодежь Германии должна была выплачивать в течение следующих 59 лет, показалось ему справедливым. То, что безработный немецкий отец семейства в те годы приносил домой с биржи труда 11 марок в неделю, мало трогало этого выдающегося ученого экономиста.

Молодые люди, которые не начинали мировую войну, но пережили ее, голодая или питаясь брюквой, толпами устремлялись в СА. Ничего не могло быть естественней, так как Гитлер громче всех бил в барабан «требований немецкого народа» вместе с вождем немецких националистов Гугенбергом. «Проект закона против порабощения немецкого народа» начинался с заявления: «Имперское правительство должно в торжественной форме немедленно объявить иностранным державам, что вынужденное признание вины за войну в Версальском договоре противоречит исторической истине».

Более четырех миллионов людей, над которыми тяготел этот груз, подписались под проектом, но в это время произошел крах на Нью-Йоркской бирже в знаменитую «черную пятницу» октября 1929 г. Сорок лет спустя Кэртис Б. Долл, который тогда был молодым биржевым маклером на Уолл-стрит, зять Рузвельта, признался, как это произошло:

«Крах произошел из-за жажды денег. Вся операция проводилась с беспощадной хитростью и энергией. Ущерб был огромным. В спекуляции на понижение самой по себе нет ничего незаконного, при том условии что при этом не применяется разбойничья тактика, а по моему мнению, применявшаяся тогда тактика была недалеко от этого. До сих пор я так и не усвоил урока, что самую большую и самую быструю выгоду могущественные банкиры и кредитные спекулянты извлекают из продаж

накануне устроенного ими же краха».40

Через несколько дней немцы, сидевшие по уши в долгах, почувствовали, что произошло. Количество самоубийств резко увеличилось, внезапно появилась огромная армия безработных и людей, работающих неполный рабочий день. Эти четыре с половиной миллиона людей, занятых поисками работы, обсуждали события между собой и со своими коллегами и шли либо влево, к коммунистам, либо вправо, к национал-социалистам. Социал-демократическое правительство — «правительство исполнителей», как называл его Гитлер, — бесследно исчезло, и на политической сцене возник политик из католической партии Центра Брюнинг, который сразу же начал игру с «чрезвычайными постановлениями», но аплодисментов не стяжал...

Жертвами стычек между боевыми отрядами коммунистов и национал-социалистов становились ежегодно более 100 убитых и более 10000 раненых. В стране и в залах собраний шла гражданская война. Главным оружием были камни, кистени, стулья и пивные кружки. Ничто не принималось во внимание, кроме политических убеждений. Я вспоминаю, как однажды привел из школы домой своего нового друга. «А кто твой отец?» — спросила его моя всегда озабоченная мать. «Коммунист», — ответил шестилетний мальчик и гордо выпятил грудь.

Люди голодали. Очереди перед биржами труда росли. Конная полиция била по головам людей, кричавших: «Хлеба!»

Когда перед человеком стоит выбор между свободой и хлебом, он выбирает хлеб, по крайней мере если у него есть семья или он хочет ее создать. И в СА шли молодые, отчаявшиеся люди, которые хотели сохранить свое национальное лицо. К тому же у штурмовиков можно было получить тарелку супа, а в случае необходимости и жилище. Штурмовики устроили нечто вроде казарм. Геринг вернулся из Швеции, Рем — из Боливии. Рем возглавил СА и вскоре его команды слушали несколько сот тысяч человек. «Если Адольф прикажет завтра в шесть утра быть у Бранденбургских ворот, мы там будем», — угрожал он.

Но все это стоило денег. И они пришли, как сказал рейхсканцлер Брюнинг, «от людей, от которых этого меньше всего можно было ожидать».

Гитлеру в его борьбе против восточных евреев оказывали финансовую поддержку западные евреи из Нью-Йорка, которые и сегодня не позволяют хоронить на своем кладбище ни одного восточного еврея, даже если он живет в Нью-Йорке уже в третьем поколении.

«Я никогда не говорил об этом открыто, — писал Брюнинг своему другу д-ру Пехелю, — но в интересах Германии может стать необходимым сделать это и открыть, что те же самые банкиры осенью 1930 г. через американского посла Сакетта пытались повлиять на мое правительство в пользу нацистской партии».41

Брюнинг и позже никогда «не говорил об этом открыто», он стал профессором в одном американском университете.

В начале 20-х годов гамбургский банкир Варбург посоветовал президенту Эберту остановить наплыв восточных евреев. Когда один посланник Уолл-стрита, который должен был передать деньги Гитлеру, засомневался и спросил Варбурга о его мнении, тот со смехом ответил:

40 Curtis B. Dali, «Amerikas Kriegspolitik», Grabert Verlag Tubingen 1972, S. 177.

41 «Дойче рундшау», издатель Р. Пехель, 70-й год издания, выпуск 7, июль 1947, штутгартское издание, стр. 22.

«Гитлер — сильный человек и он нужен Германии. Под евреями Гитлер понимает галицийских евреев, которые после войны стали чумой Германии. Евреев чисто немецкого происхождения он признает абсолютно единокорными. Тон в социал-демократической и коммунистической партиях задают евреи. Им от него, конечно, достанется, но не потому что они евреи, а потому что они коммунисты или социал-демократы».

СА обходились в 1932 г. примерно в 180 миллионов марок. С прочими расходами на партийный аппарат, предвыборную борьбу, авиарейсы и т.д. получалось около 300 миллионов марок. Примерно одна шестая поступала от членских взносов и пожертвований членов партии. Что касается остальных сотен миллионов, то в конце 1933 г. одно очень солидное голландское издательство опубликовало отчет, составленный на основе изучения документов. В этой книге были названы имена, и вскоре после своего выхода она исчезла из продажи. Никто не подал жалобы. Все документы после оккупации Голландии были уничтожены, автор книги Схоуп погиб в гестапо.

В этом отчете зафиксированы один раз 10 млн. долларов и один раз 15 млн. долларов, поступившие через банк «Мендельсон & К°» в Амстердаме. Аналогичные суммы проходили через банки «Кун, Леб & К°», «Дж. Морган & К°» и «Сэмюэль & Сэмюэль» и тоже без привязки к определенному месту.⁴² Швейцарец Рене Зондереггер (Северин Рейнгард) рассказывает в своей вышедшей в 1948 г. в Швейцарии книге «Испанское лето», кто был главным передатчиком этих денег:

«Человеком, которого банкиры посылали в Германию, чтобы изучить вопрос о немецкой революции, был молодой Варбург, человек умный, образованный и хорошо знавший немецкий язык, так как он несколько лет работал в банке своего дяди в Гамбурге. Наделенный самыми высокими рекомендациями, Варбург приехал в Германию. Вскоре после этого он встретился в Мюнхене с Гитлером, который охотно ударил по рукам с богатым американцем».

Знаменитый тогда во всем мире американский журналист Г. Р. Никербокер в своей вышедшей в 1932 г. книге «Германия: так или иначе?» точно предсказал:

«Американские инвестиции на европейском континенте вкладываются в поле битвы».

Особую пользу принес тогда выдвинутый фирмой «Ройял датч шелл» на первый план сэр Генри Детердинг, деньги которого поступали через лондонский банк «Сэмюэль & Сэмюэль». И после прихода Гитлера к власти этот нефтяной магнат продолжал жертвовать ему большие суммы. В газете «Гамбургер фремденблатт» от 15 февраля 1939 г. мы находим указание на то, что еще в 1937 году была передана сумма в 10 млн. гульденов. Сэр Генри за несколько дней до этого сообщения тихо скончался в Сент-Морице и был с почестями похоронен в Доббине (Мекленбург). Местный епископ Шульц, партийгеноссе из Шверина, восславил усопшего:

⁴² Severin Reinhard (Sonderegger), «Spanischer Sommer», Affoltern/Schern 1948.

«С храбростью Наполеона, с духовной силой Кромвеля сражался он против духа разрушения и попрания всех прав человека, воплотившегося в мировом большевизме. Возрождение Германии было для него предпосылкой спасения мира от большевизма».

За сэром Генри Детердингом стоял основатель фирмы «Шелл» Маркус Сэмюэль, еврей, который собирал в Восточной Азии раковины и превращал их в Лондоне в деньги. Поэтому его нефтяная фирма и получила этот символ и это название (shell — англ, «раковина»). Благодаря нефтяному буму во время первой мировой войны Сэмюэль стал лордом Бирстедом, а в 1918 г. советская власть национализировала без компенсации собственность фирмы «Шелл» в Баку. В Третьем рейхе Гитлера права государственных русских нефтяных компаний в Германии были аннулированы и фирма «Шелл» претендовала на них, но это так, кстати.

Писатель Генрих Манн подчеркивал незадолго до окончания второй мировой войны в «Слове к Берлину»:

«Теперь вы можете знать, что это на самом деле было: насильственное претовращение вашей революции. Они прекратили ваше социальное движение, потому что некоторые магнаты использовали его против других народов. Их порученец Гитлер также не был немцем, как и они».⁴³

Генрих Манн прилетел из Нью-Йорка.

«Нойе цюрхер цайтунг» писала в № 758 от 2 мая 1946 г.:

«Когда Шахт на Нюрнбергском процессе снова заговорил о поведении иностранных держав по отношению к нацистскому правительству и о помощи, которую они ему оказывали, суд решил, что это не относится к делу и не подлежит обсуждению».

Деньги крупных еврейских банков получали либо сам Гитлер, либо организационный руководитель партии Грегор Штрассер. В курсе дела был начальник разведывательной службы рейхсвера генерал фон Бредов. В «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г. и фон Бредов, и Грегор Штрассер лишились жизни. Знание не только сила, оно может быть и опасным.

Начальник прусской полиции с 1926 по 1932 год д-р Абега бежал вместе с документами о финансировании Гитлера из-за рубежа в Швейцарию, создал в Цюрихе знаменитый архив Абега и рассказал о столь же знаменитом фургоне для перевозки мебели:

«Связанные с этим тайным фондом документы находились в фургоне для перевозки мебели, который в 1929-1932 гг. постоянно курсировал между Берлином и Мюнхеном, чтобы ни прусская, ни баварская полиция не могли его обнаружить и конфисковать».

⁴³ 43«Вельтбюне», Берлин, номер 19, 11 мая 1948.

На выборах в рейхстаг в 1930 г. национал-социалисты получили во много раз больше голосов (если быть точным, 6.401.210 голосов). В рейхстаг прошли 107 депутатов этой партии вместо прежних двенадцати, и все они демонстративно красовались в коричневых рубашках СА. Власти республики решили провести новые выборы. Как демократы, они хотели узнать, что происходит, и узнали: в июне 1932 года почти 14 миллионов немцев проголосовали за Гитлера и его партия стала крупнейшей. Председателем германского рейхстага стал Герман Геринг.

Лишь дважды в эти годы успехов неутомимый бродячий проповедник немецкого возрождения, который все чаще пересаживался со своего скоростного «Мерседеса» на еще более быстрый партийный самолет, потерпел неудачу. Обе неудачи были личного характера, но с политическим оттенком.

Алоиз, старший сводный брат Гитлера, рано ушел из дома, сменил много мест работы, сидел за воровство и двоеженство и оставил в Ирландии сына по имени Уильям Патрик Гитлер. Регулярная работа претила этому достойному отпрыску своего рода, и он возмущался:

«Работать за 125 марок, только чтобы не умереть с голоду, — это не жизнь и не смерть».

Поэтому для него не было ничего естественней, чем шантажировать в 1930 г. разбогатевшего братца Адольфа еврейским дедушкой. Он намекнул, что «в связи с рядом высказываний в прессе важно, чтобы определенные обстоятельства нашей семейной истории не были преданы широкой огласке».⁴⁴ Требовался адвокат, и вскоре пройдоха Ганс Франк сидел в ожидании в салоне девятикомнатной мюнхенской квартиры Гитлера на Принцрегентенплац напротив своего фюрера. «Гнусная вымогательская история, — начал Гитлер. — Видите ли, дорогой партайгеноссе Франк, Вы знаете, кто был Ваш отец, почтенный еврей, немец на протяжении многих поколений, не из этих галицийских лапсердачников. Но что будет, если не смотреть на это сквозь пальцы? А кто был мой дед со стороны отца? Были такие Франкенбергеры, богатые евреи, они 14 лет платили за него, а потом и знать его не хотели. Сволочь. Избавьте меня от этой истории и от этого вымогателя». Гитлер поднялся.

«Я обещаю Вам, мой дорогой партайгеноссе Франк, что и вопрос о Вашем происхождении будет урегулирован. У меня есть средства, и я помогу Вам в этом, как помог моему другу Гофману».

Он открыл ящик стола и протянул молодому адвокату пачку денег.

«Вот. Поезжайте сразу же. И скажите мне, если Вам потребуется больше. Я хочу, чтобы это дело свалилось с моих плеч».

В 1930 г. Ганс Франк, занимаясь генеалогией, проводил больше времени в Австрии, чем в Германии, главным образом в Вене, Граце и лесном районе, и тот факт, что австрийские власти прервали его работу в архивах, объявив его нежелательным иностранцем, не очень мешал Франку при его последующих визитах. В конце концов вопрос был урегулирован: место происхождения предков во время войны превратили в полигон, и Гитлер мог вздохнуть свободно. Некоторые бумаги исчезли, а документы Франка оказались в порядке. В камере нюрнбергской тюрьмы, в ожидании скорой смерти на виселице, Франк писал:

«Эти Франкенбергеры много лет переписывались с бабушкой Гитлера и общей тенденцией этой переписки было то, что обе стороны знали, хотя и

⁴⁴ 44Hans Frank, «Im Angesicht des Galgens», Munchen-Grafelfing 1953, S. 330.

умалчивали об этом, что внебрачный ребенок г-жи Шикльгрубер был зачат при обстоятельствах, накладывающих на Франкенбергеров обязательство платить алименты. Я хочу сказать, что не исключено, что отец Гитлера был наполовину еврей и родился от внебрачной связи г-жи Шикльгрубер с этим евреем из Граца, так что Гитлер сам — квартерон. Его ненависть к евреям, возможно, обусловлена психозом ненависти к собственной крови».

Так как обо всем этом в Австрии хорошо знали, возведенный в ранг имперского комиссара юстиции Франк после аншлюса Австрии организовал при австрийском сенате учреждение, которое благожелательно рассматривало заявки на ариизацию внебрачных австрийцев. Достаточно было одного указания, что предполагаемый еврейский родитель получил свое имя от матери исключительно ради содержания.

Другая неудача этих лет тоже была связана с родней.

Когда Гитлер хмурым декабрьским днем 1907 г. провожал в Линце свою мать на кладбище, его старшая сводная сестра Анжела, которая была беременна, ехала сзади в одноконной повозке. Радостное событие свершилось в первые дни нового года, и малышка, которую тоже звали Анжелой или просто Гели, росла на радость всем. Мать Анжелы рано овдовела и работала в Вене поварихой в столовой еврейской общины, пока ее разбогатевший брат не пригласил ее в качестве экономки в свое имение в Берхтесгадене. Красивая старшеклассница с пышными формами, Гели, которая хотела заниматься музыкой, переехала к дяде Адольфу в его большую мюнхенскую квартиру. Дальнейший ход событий был вполне естественным, и в конце лета 1931 г. Гели обнаружила, что беременна. Она очень обрадовалась, но дядя Адольф приказал сделать аборт. Долгие споры достигли кульминации, и однажды утром в сентябре мать Гели подслушала, как ее дочь в отчаянии бросила:

«Ты слишком начитался своего Менделя. Законы наследственности, законы наследственности! Ты боишься, что наша еврейская кровь пробьется наружу и родится кривоногий курчавый ребенок. Какая же ты дрянь!»

И Гели выстрелила себе в сердце.

Гитлер совершал поездку на автомобиле со своим близким другом и личным фотографом Гофманом и остановился в пивной недалеко от Нюрнберга, где его ошеломил звонок его секретаря Гесса. Гели умерла. Невероятно. В полдень автомобиль примчался обратно в Мюнхен. Гитлер был сломлен, говорил о

самоубийстве и схватил пистолет, который Гесс у него отобрал. Он грозил все бросить, друзья утешали и ободряли его как могли. Расследованием причин смерти занялся д-р Гюртнер, баварский министр юстиции, и дал заключение: «самоубийство». В Третьем рейхе д-р Гюртнер стал имперским министром юстиции. У Гитлера был духовник, антисемит патер Штемпфле, — в ночь на 30 июня 1934 г. убили и его. Гитлер вопил:

«Они убили моего бедного патера Штемпфле!»,

а потом обоих убийц повысили в чине. Католическая церковь не хоронит самоубийц в освященной земле. Священник, который отпевал Гели на венском кладбище, сказал Отто Штрассеру:

«Из того, что я похоронил ее по-христиански, Вы можете сделать правильные выводы».⁴⁵

Гитлеровед Конрад Гейден писал в 1936 г. в предисловии к своей биографии Гитлера: «Изложенное следует изменить лишь в одном пункте. Смерть Анжелы Раубаль я больше не считаю самоубийством». А другой биограф Гитлера, Аллен Буллок, выразился по этому поводу в 1969 г. кратко: «Пускай смерть Гели Раубаль останется тайной».

Несмотря на эти неприятности, поток американских денег не прерывался. За миллион партия купила в Мюнхене «Коричневый дом», и лишь две из более чем сорока немецких партий имели много членов и получали много голосов: НСДАП и финансируемая с Востока Коммунистическая партия Германии.

Ни один капиталист не расстается легко со своими капиталами, и Уолл-стрит, вкладывая миллиарды долларов в Германию, действовала вполне логично, подстраховываясь от коммунистической национализации. Старинная вражда между западными и восточными евреями играла при этом второстепенную роль. А расчета, что Гитлер начнет войну, из-за которой Уолл-стрит не обеднеет, возможно, еще не было.

«Американские капиталовложения в Германии при национал-социалистическом правительстве будут надежней, чем при любом другом», — часто и открыто говорил Гитлер. Чему же удивлялся Брюнинг?

Фюрер летал и произносил речи, проезжал по стране с автоколоннами и говорил:

«Не теряйте веру в будущее нашего народа, в величие нашей родины, в победу нашего дела. Пока я жив, я — ваш, а вы — мои».

Так происходило везде, и английский военный атташе Торн писал своему послу в Берлин:

«Все офицеры чувствуют, что нацистское движение — наилучшее средство дисциплинировать молодежь страны. Оно также вырывает ее из рядов коммунистов».

⁴⁵ 45Otto Strasser, «Hitler et moi», Bernard Grasset, Paris 1940, S. 218.

«Евреи — это наше несчастье» — такая мысль звучала во всех беседах с промышленниками, с вождями других правых партий, в речах на площадях и в залах, всегда с некоторыми вариациями применительно к публике. Тысячи человек ждали до глубокой ночи под дождем, если самолет Гитлера задерживался из-за плохой погоды. Он прибывал, и они слушали своего идола, который избавит их от нужды и позора.

Евреи помогли Гитлеру в его пропаганде. Они тоже говорили об ужасных вещах, в том числе о газе:

«Газ может проникнуть в комнаты, где играют ваши дети, и они медленно упадут на пол. Я желаю жене церковного советника и главного редактора, матери скульптора и сестре банкира, чтобы все они умерли жестокой, мучительной смертью. Благословен тот, кто в этот час бросает на произвол судьбы свою родину».⁴⁶

Такие жестокие вещи писал, обычно в «Вельтбюне», под псевдонимами Игнац Врубель, Каспар Хаузер, Теобальд Тигер и Петер Пантер восточный еврей Тухольский.

Накануне 1933 г. евреи составляли 1% населения Германии. В прессе, кино и банковском деле их доля намного превышала 50%. В Берлине 55% адвокатов и 52% врачей были евреями. 15 евреев занимали 718 постов в наблюдательных советах.

Иностранцы, которые посещали Берлин и видели жизнь только на Кудамм и в ночных заведениях, легкомысленно писали о «золотых 20-х годах» — о голодающих безработных они ничего не знали.

Западный еврей Штерн, известный как английский газетный магнат лорд Ротермир, брат другого газетного магната, лорда Нортклиффа, так оценивал ситуацию в 1930 г.:

«Если мы внимательней изучим возможность перехода политической власти к национал-социалистам, мы увидим, что это принесет одни лишь преимущества. Будет воздвигнута мощная стена против большевизма. Будет исключена угроза советского военного похода против европейской цивилизации через Германию, которая займет неприступную позицию в стратегическом центре Европы».

И в своей изданной в 1939 г. книге Штерн-Ротермир писал в том же духе:

«Гитлер страдал от бездарности правителей своей страны. Как свой личный позор воспринимал он то, что представители чуждой по крови расы совершают в Германии и Австрии блестящие сделки, в то время как его собственные соотечественники прозябают в нужде».

Эмигранты рассказывали в своей «Паризер тагесцайтунг», что немецкие евреи вели переговоры с «Коричневым домом» в Мюнхене о предоставлении СА специальной еврейской информации, — нет ничего более успешного, чем успех.

⁴⁶ «Вельтбюне», Берлин, 30 марта 1922, с. 309.

Глава 8

Социалисты уходят из НСДАП

Соединение национализма с социализмом далось нелегко, и понятно, что отдельные люди и группы ожидали слишком многого. К тому же Гитлер не скупился на обещания, когда он говорил перед руководителями экономики в Гамбурге или в Рурской области и когда он несколько дней спустя выступал перед безработными массами в берлинском Спортпаласте, а потом развивал свои планы на будущее перед мекленбургскими крестьянами, которых дожимали судебные исполнители. Замешательство относительно представлений Гитлера о социализме и его возможного соглашения с еврейскими высшими финансовыми кругами было всеобщим.

Пункт 17 партийной программы требовал «безвозмездной конфискации земель». Гитлер объяснял колеблющимся сельским хозяевам:

«Так как НСДАП стоит на почве частной собственности, само собой разумеется, что слова „безвозмездная конфискация“ касаются только создания законодательных возможностей конфисковать в случае необходимости землю, которая была приобретена незаконным путем или используется не для народного блага. Это направлено в первую очередь против еврейских компаний, спекулирующих земельными участками».

Когда у Геббельса попросили уточнить насчет социализма, тот по-левантински вывернулся:

«Национал-социализм сегодня еще не является чем-то ставшим, он находится в процессе становления. Он непрерывно подвергается изменениям и поэтому его нельзя определить во всей совокупности. Национал-социализм упростил мышление немецкого народа».

Соответствующие подозрения высказывались и противниками из социалистического лагеря:

«Адольф Гитлер мог в начале своей деятельности действовать с честной взбалмошностью. Сегодня он только креатура промышленников. Неужели кто-то может вообразить, что поставщики угля и железа будут давать деньги на партию, цель которой — отнять у них собственность и в честь тевтонских богов повесить их на первом же фонарном столбе?»

И Тухольский, писавший под всеми возможными псевдонимами, казался не очень обеспокоенным.

«Что произойдет во внутренней политике? Не то, о чем вы думаете. Пара приговоров к каторге, пара грубых выходов против евреев и горстки республиканцев, ограничение прав рейхсбаннера, запрет КПГ — и больше ничего».

И эмигрировавший в США Альберт Эйнштейн тоже смотрел на дела и на финансовую поддержку Уолл-стрит, не видя в этом ничего особенно дурного:

«Я иногда вижу в национал-социалистическом движении только следствие временных экономических трудностей и детскую болезнь республики. Солидарность евреев я всегда считал желательной, но какую-то особую реакцию на результаты выборов считаю совершенно нецелесообразной».⁴⁷

Бывший министр юстиции социалист Отто Ландсберг успокаивал самого себя и других относительно того, чего следует ожидать:

«Вы еще молоды, коллеги, и переоцениваете опасность, которая исходит от этих юдофобов. Я лично не раз видел, как подобные антисемитские движения появлялись и снова исчезали. В 80-х годах XIX века они были сильны в моем родном городе Острове и мой брат в гимназии страдал от них. Когда я несколько лет спустя посещал ту же гимназию, от них не осталось и следа. Было бы неверно всерьез воспринимать этих людей в политическом плане».

А председатель Совета министров Пруссии Браун, тоже социалист, характеризовал возникающую путаницу, при которой Гитлер всем все обещает, такими словами:

«Гитлер, этот прототип политического авантюриста, который с помощью питаемой из темных денежных источников агитации собирает вокруг себя массы отчаявшихся и потерявших надежду людей, а также все те круги, которые из-за капиталистической жажды наживы, реакционных

⁴⁷ 47Philipp W. Fabry, «Mutmassungen uber Hitler», Droste Verlag Dusseldorf 1969, S. 130.

убеждений или политического непонимания являются смертельными врагами нынешнего народного государства, сулит им туманный Третий рейх и обещает всем соплеменникам все, что они хотят, и всегда за счет другой части населения».

В мае 1930 года младший из братьев Штрассер, Отто, видя сильную поддержку со стороны капитала, захотел наконец узнать, что же делают социалисты в НСДАП. Явный пакт между Гитлером и властителями экономики и общества беспокоил его, его брата Грегора и многих других. Благодаря издаваемому им печатному органу «Националь-социалистише брифе» позиции Отто Штрассера в партии были достаточно прочными, и для решительного объяснения с Гитлером он пришел вместе с братом Грегором в берлинский отель «Сансуси». Озабоченность д-ра Штрассера после этого не стала меньше, и у него сохранились горькие воспоминания об этом споре.

Гитлер явно думал о социализме совсем иначе:

«Видите ли, дорогой партайгеноссе Штрассер, владелец фабрики зависит от рабочей силы и от усердия своих рабочих. Если они бастуют, его т.н. собственность совершенно теряет свою ценность. Кроме того, по какому праву эти люди требуют своей доли собственности и даже участия в руководстве?»

И Гитлер раздраженно продолжал:

«Видите ли, большинство рабочих не хочет ничего, кроме хлеба и зрелищ, они не понимают никаких идеалов, и мы не можем рассчитывать на то, что перетянем на свою сторону значительную массу рабочих. Мы хотим вырастить новый господствующий слой, который не будет, как они, руководствоваться моралью сострадания, а будет ясно понимать, что он имеет право господствовать благодаря своей лучшей расе, и он будет беспощадно осуществлять это господство над широкими массами».

Бывший социалист Штрассер собрал все свое мужество:

«Г-н Гитлер, если Вы хотите сохранить капиталистическую систему, Вы не должны тогда говорить о социализме! Ведь сторонники нашей партии — в первую очередь социалисты, и они ссылаются на партийную программу, которая четко требует социализации национализированных предприятий».

Гитлер ответил упрямому собеседнику:

«Выражение „социализм“ само по себе плохо, но это не означает, что данные предприятия должны быть социализированы, а лишь то, что они могут быть социализированы, если они будут работать против интересов

нации. Пока они этого не делают, было бы преступлением разрушать экономику. В действительности в экономике с успехом действует лишь одна система: ответственность снизу, авторитет сверху».

После этого объяснения Гитлер написал яростное письмо своему берлинскому гауляйтеру Геббельсу, требуя с позором выкинуть Отто Штрассера и его сторонников из партии:

«Национал-социалистическая партия, пока я ей руковожу, не будет дискуссионным клубом беспочвенных литераторов или салонных анархобольшевиков. Она не создана для глупых доктрин политических перебежчиков».⁴⁸

Штрассер, который не нашел социализма и в этой партии, ушел из нее. Свой манифест он назвал «Социалисты уходят из НСДАП» и обрушил всю свою ярость на «восточный султанат Гитлера»:

«Мы ощущаем в противоположность 25 пунктам национал-социалистической программы все более расплывчатые формулировки наших социалистических пожеланий, постоянное ослабление социалистических требований программы как преступление против духа и программы национал-социализма. С неумолимой последовательностью в НСДАП проводится линия предательства ее принципов».

Вместе с Отто Штрассером в национал-социалистическую оппозицию, которая позже получила название «Шварце фронт», ушла дюжина редакторов и полдюжины партийных газет, ряд вожakov гитлерюгенда, пара партийных функционеров и несколько депутатов окружных и городских собраний. Масса членов партии осталась верной фюреру, брат Грегор — еще два года.

За Гитлером стояли большие деньги и поэтому он шел от успеха к успеху. А Отто Штрассер со своими «левыми людьми справа» стал в дальнейшей жизни политически безродным и несчастным. После прихода Гитлера к власти Штрассера сначала подвел его ближайший доверенный человек в пражском изгнании, который составлял и должен был тайно распространять в рейхе листовки, еврей Мар. Этот деловой сотрудник работал в первую очередь на СС под руководством быстро выдвигавшегося Гейдриха, еврея на три четверти, проникшего в элитный расовый орден. Чешская полиция в конце концов посадила Мару на несколько лет за решетку. То же произошло с другим еврейским агентом СС Поллаком, который работал среди эмигрантов. Бывшего национал-социалиста Штрассера гоняли из страны в страну, пока во время войны ему не предоставила убежище Канада. В середине 50-х годов непримиримого борца с Гитлером ждало новое разочарование: ему долго не разрешали ступить на землю ФРГ, а когда он наконец вернулся на родину, преодолев множество препятствий, против него стали выдвигать самые нелепые обвинения. Штрассер подавал иски в суд и все судьи, в том числе и члены Конституционного суда в Карлсруэ, большей частью бывшие партайгеноссе, отказывали человеку, за голову которого Гитлер назначил миллион:

⁴⁸ Otto Strasser, «Hitler et moi», Bernard Grasset, Paris 1940.

«Поддержка им НСДАП, когда эта партия шла к власти, весит тяжелей, чем его позднее сопротивление этой партии».⁴⁹

В контору берлинского общества помощи арестованным членам СА ворвался штурмовик по кличке «Свиные щеки», один из самых знаменитых героев уличных боев, и крикнул сидевшей за пишущей машинкой благородной фройляйн Иоланде фон Пескаторе, нечетко выговаривая слова из-за обвисших щек: «Нас обманывают! Фюрер покупает себе „мерседес“ за 40 тысяч, а СА хлебает суп без мяса!» СА взбунтовались. Связь с призывами, речами и газетными статьями Отто Штрассера была несомненной. Высший руководитель СА Пфеффер фон Заломон и глава берлинских штурмовиков Штеннес, бывший капитан полиции, посягнули на партийные средства. Мюнхенский центр сначала закрутил кран, из которого капали деньги. И тут началось. Охрану Геббельса и берлинского руководства взяли на себя СС.

Штурмовики поломали мебель в берлинском штабе партии и избили эсэсовцев, преподав им урок, который те запомнили.

Штеннес решил лишить своего фюрера власти, и слова «Адольф предал нас, пролетариев» были на устах почти у каждого берлинского штурмовика. Территории к востоку от Эльбы переходили под знаменами со свастикой к Штеннесу, который оказался во главе заговора. В Бранденбургской марке, в Мекленбурге, Померании и Силезии вспомогательные войска партии не хотели больше идти в огонь за Гитлера. Они больше не пели на марше песню, слушая которую всего несколько дней назад, обыватели прилипали к окнам:

Гитлер — наш вождь неподкупный,
Он равнодушен к деньгам,
Которые иудеи
Бросают к его ногам.

Популярная мелодия, которая сопровождала этот сомнительный текст, вдохновляла коммунистов.

А потом кассы СА опустели. И в этот момент из Мюнхена приехал Гитлер. Он посещал пивные, сулил деньги и посты, места в парламенте и скорую победу. Штурмовики перестали ворчать и с мужественным равнодушием взяли презренные деньги. Вместе с вождями бунта движение покинули и социалистические идеи. Пфеффера позже арестовало гестапо, а Штеннес уехал в Китай, где стал военным советником.

Итак, поступили деньги, и Рем возглавил СА. Этот человек смотрел на три перенесенных им триппера как на «кару природы», а после ранения в лицо пристрастился к мальчикам. Но Гитлер говорил, что СА — это «не моральное заведение для воспитания благородных девиц».

В 1932 г. по стопам брата и Штеннеса пошел также Грегор Штрассер, до того организационный руководитель и подлинный вождь партии в Северной Германии, человек № 2 в движении. Изнурительная работа и конфликты сделали его диабетиком.

«Я не могу больше одобрять этот курс. Я снимаю с себя ответственность», — заявил он.

⁴⁹ Информация для прессы 35/70 от 4 марта 1970 г. министра внутренних дел земли Нижняя Саксония.

Будущий лауреат Нобелевской премии Карл фон Осецкий ликовал в своей «Вельтбюне» на первой странице январского номера за 1933 г.:

«В начале 1932 г. нацистская диктатура стояла у порога. В конце этого года гитлеровскую партию сотрясает тяжелый кризис, длинные ножи опять вложены в ножны и видны только длинные уши фюрера».

Гитлер прочитал письмо Штрассера в берлинском отеле «Кайзерхоф» и опять — в который раз — стал грозить самоубийством:

«Если партия распадется, я через три минуты застрелюсь».

Грегор Штрассер, пока его все искали, мирно сидел в одной берлинской пивной и пил светлое пиво с человеком, далеким от политики. Вечером он сел на мюнхенский ночной экспресс, а на следующее утро выехал вместе с семьей на автомобиле «для разрядки» в оккупированный Италией Южный Тироль, от которого Гитлер, несмотря на протесты, отказался. Для многих товарищей по партии «антикапиталистическая страстность», с которой продолжал выступать Грегор Штрассер, осталась в прошлом, в том числе и для близкого друга Штрассера, будущего министра пропаганды д-ра Геббельса. Его многолетний личный референт фон Офен, который жил вместе с ним на его вилле в Шваненвердере, на одном большом приеме в 1944 г. столкнулся с саксонским гауляйтером Мучманом, и тот сказал: «Раз у Вас столько орденов, мой дорогой, то снимите, по крайней мере, по этому случаю Ваш партийный значок». — «Я не могу этого сделать, гауляйтер, — ответил Вильфред фон Офен. — Я вышел из НСДАП в мае 1932 г.»⁵⁰

Глава 9

Приход к власти с факельными шествиями — никакой революции

⁵⁰ Сведения, полученные лично автором.

На выборах в рейхстаг в ноябре 1932 г. национал-социалисты, ко всеобщему удивлению, потеряли более двух миллионов голосов, а коммунисты получили дополнительно 750.000. Ставшая явной связь Гитлера с крупным капиталом, разоблачения Штрассера и Штеннеса начали действовать. НСДАП распалась. Повсюду множилось число людей, выходящих из партии. В Берлине только что усмирённые штурмовики выступали рука об руку с коммунистами во время стачки транспортных рабочих и отлично находили друг с другом общий язык. Они вместе просили у прохожих пожертвования: «Для забастовочного фонда национал-социалистических заводских ячеек!», «Для забастовочного фонда революционных профсоюзов!» Начальник штаба СА Рем писал:

«Дорогой обыватель, только не падай в обморок. Я утверждаю, что среди коммунистов из „Рот фронта“ есть много отличных солдат».

Гитлер несколько дней метался по залам берлинского отеля «Кайзерхоф», а потом поехал по регионам. Он требовал стойкости и верности и не скупился на новые обещания. Однако, несмотря на все старания, он потерял на выборах в Тюрингии в следующем месяце почти половину голосов.

Конец НСДАП казался близким, и берлинский гауляйтер Геббельс записывал в дневнике:

«Нехватка денег делает невозможной любую целенаправленную работу. Чувствуешь себя внутренне настолько изможденным, что хочешь лишь одного — убежать куда-нибудь на пару недель от этой суеты».

Канцлера Брюнинга сменил фон Папен, из той же партии Центра, и тоже потерпел неудачу. На какой-то момент всплыл генерал рейхсвера фон Шлейхер, но никто, буквально никто не хотел и слышать об этом человеке, даже рейхсвер, который полтора года спустя не пикнул, когда эсэсовцы после короткого допроса застрелили Шлейхера за его письменным столом.

Партия Гитлера не платила ни долгов, ни зарплаты своим аппаратчикам. Штурмовики превратились в нищих, стучали кружками на улицах больших городов: Берлина, Кельна, Дюссельдорфа и Эссена и радовались каждому перепадавшему им грошу. Проклинаемые всеми промышленные магнаты смотрели из окон своих дворцов и уже видели, как по Рейну и Руру плывут их шкуры, весьма похожие на шкурку Гитлера. Магнаты тревожно созванивались и советовались.

Вечером 3 января 1933 г. хорошо отдохнувший Грегор Штрассер вернулся из Тироля в Берлин с твердой решимостью взять на себя руководство массами в обедневшей НСДАП. Гитлер выехал экспрессом на Запад. В Бонне его ждал с «мерседесом» его шофер Шрек. Туманным утром Гитлер приехал в Бад Годесберг, позавтракал у своего фронтového товарища Дреезена, потом машина развернулась перед Дюссельдорфом и в полдень исторического 4 января 1933 г. остановилась перед роскошной виллой на окраине Кельна. На лестнице стоял хозяин, барон фон Шредер, «богатый финансист израильского происхождения», как писал в Париже Отто Штрассер.⁵¹ Этот совладелец крупных банков в Германии и в англо-саксонском мире, семья которого на протяжении нескольких поколений занималась денежными операциями и в 1868 г. была возведена прусским королем в дворянство, этот банкир американского концерна ИТТ отослал спутников фюрера, Гиммлера и Гесса, в соседнее помещение, а своего высокого гостя принял на первом этаже, где его ждал бывший рейхсканцлер, а ныне ближайший советник дряхлого, по мнению многих, впавшего в старческий маразм

⁵¹ 51Otto Strasser, «Hitler et moi», Bernard Grasset, Paris 1940, S. 155.

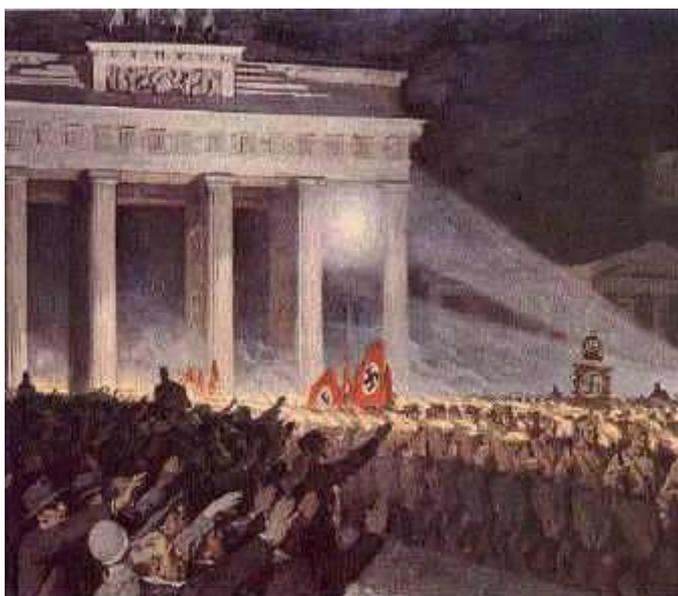
президента Гинденбурга. Празднично одетый фон Папен встал и пошел навстречу будущему фюреру Германского рейха. Еще до обеда стороны достигли согласия: Гитлер становится рейхсканцлером, Папен — вице-канцлером, Гутенберг и другие консерваторы, которые нравились денежным мешкам, получают министерские посты. Из национал-социалистов Гитлер смог взять в правительство только Геринга и Фрика.

«Богатый финансист израильского происхождения» барон фон Шредер, который вскоре после этого надел форму генерала СС, вспоминал перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге после войны:

«Когда НСДАП 6 ноября 1932 потерпела неудачу и прошла свою кульминационную точку, поддержка партии стала действительно необходимой. Руководители экономики боялись большевизма».

Несмотря на все меры предосторожности, эта встреча не осталась в тайне, и газеты сообщили о ней 5 января под крупными заголовками. Геббельс не хотел больше бежать от суеты, наоборот: «Финансовое положение внезапно улучшилось. Если это дело выгорит, мы будем недалеко от власти».

Гитлер приехал в небольшую землю Липпе, где было всего 90000 избирателей. Геббельс приехал вслед за ним в замок барона фон Эйнхаузена, который предоставил его под штаб, и оба поперебой выступали перед крестьянами чуть ли не в каждой деревенской пивной. Нужды в деньгах больше не было, и десять дней спустя партия получила дополнительно 20% голосов. Вокруг этого успеха подняли невероятный шум, «сигнал из Липпе» стал лозунгом дня, а там прошли еще две недели, и в понедельник 30 января 1933 г. человек, который отослал на родину свои австрийские документы, законно был назначен рейхсканцлером немецкого народа. До глубокой ночи колонны по 12 человек в коричневых и серых рубашках с горящими факелами дефилировали мимо рейхсканцелярии, на балконе которой стоял рядом с опирающимся на палку Гинденбургом 43-летний новый канцлер и блестящими глазами смотрел на море огней. В расположенном напротив отеле «Кайзерхоф» Геббельс чувствовал себя как на кельнском карнавале.

«Der 30. Januar 1933» by Arthur Kampf, 1939

Погибший вскоре после этого в концлагере Карл фон Осецкий жестоко заблуждался, когда писал в своей «Вельтбюне» 31 января 1933 г. на первой странице:

«Теперь каждый немец может стать рейхсканцлером. Родители многодетных семей — у вас появляется шанс».

Немцы и весь мир были не готовы правильно оценить новое правительство.

Сначала все, вплоть до СА, пытались произвести хорошее впечатление. Гитлер заклинал по радио:

«Да поможет нам всемогущий Господь своей милостью в нашей работе, да направит Он на верный путь нашу волю, да благословит наш разум и да осчастливит нас доверием нашего народа».

Все чаще он заканчивал свои речи словом «Аминь». Он строго и недвусмысленно предупреждал СА:

«Я приказываю вам слепо соблюдать строгую дисциплину. Тот, кто попытается отдельными акциями внести замешательство в общественную жизнь, тот сознательно будет действовать против национального правительства».

Гесс, заместитель фюрера, запретил всем членам партии своим циркуляром какие-либо акции против еврейских универмагов, таких как «Карштадт» и «Тиц», и еврейских банков, таких как «Дойче банк», «Дрезднер банк» и «Коммерц-банк». Тайная государственная полиция (гестапо), которая сначала подчинялась шурина Геринга, распустила самодельный концлагерь, устроенный СА. 2-я уголовная палата Штеттина приговорила организатора этого учреждения за злоупотребление властью к 13 годам каторги.⁵²

Под особым покровительством руководителя берлинских штурмовиков графа Гельдорфа венский еврей, партайгеноссе Гершель Штейншнейдер под именем Эрика Яна ван Гануссена превратился в партийного ясновидящего. Пользуясь трюками опытного фокусника и давая в своих предсказаниях волю своей богатой фантазии, он стал любимым консультантом многих партийных выскочек. Газета «Фёлькишер беобахтер» широко рекламировала его, да еще и с иллюстрациями.

Прежние государственные деятели уходили на пенсию. Бывший председатель Совета министров Пруссии Карл Зеверинг, который не раз запрещал СА и ношение коричневых рубашек, теперь ежедневно гулял со своей собачкой в скверах Билефельда, и никто его не беспокоил. Социал-демократическая партия устами одного из своих руководителей, Лебе, заявила о своей «решительной поддержке правительства».

Председатель Прусского Государственного совета и обер-бургомистр Кельна Аденауэр, будущий канцлер ФРГ, хотел, чтобы никакие опасности не угрожали «правительству, утвержденному успешным ходом национальной революции. Мы приветствуем его борьбу против марксизма».

И Теодор Хейс, будущий президент ФРГ, вместе с двумя третьими депутатов рейхстага голосовал за предоставление правительству Гитлера права издавать законы без согласия рейхстага, заключать договоры и изменять Конституцию — короче, делать все, что ему заблагорассудится.

⁵² «Фёлькишер беобахтер» 24 марта 1933.

Рейхстаг, который штурмовики называли «балаганом», поджег один голландский коммунист. «Балаган» горел ярким пламенем, когда Гитлер по окончании рабочего дня слушал вместе с Геббельсом пластинки Вагнера. Оба были сильно возбуждены: «Это знамение. Сигнал. Начинается». Но ничего не началось: только коммунистических руководителей и евреев левого толка вытащили ночью из кроватей, а на следующее утро появилось «Постановление о защите народа и государства», чтобы задним числом создать правовую основу для арестов.

Национальные немецкие евреи, когда Гитлер пришел к власти, лезли из кожи вон и зывали:

«Мы, члены основанного в 1921 г. Союза национальных немецких евреев, всегда, в дни войны и мира, ставили благо немецкого народа и родины, с которой мы чувствуем неразрывную связь, выше нашего собственного блага. Поэтому мы приветствовали национальное восстание в январе 1933 г., хотя оно жестоко обошлось с нами самими, так как мы видели в нем единственное средство устранить ущерб, который наносили в течение 14 несчастных лет ненемецкие элементы».⁵³

Евреи всего мира издевались над этими благомыслящими и придумывали для них лозунги вроде: «Хайль Гитлер, долой нас!» Когда они 24 марта через «Дейли экспресс» объявили новому правительству Германии экономическую и финансовую войну и «сплотились в священной войне против людей Гитлера как один человек», НСДАП оборонялась слабо — не то что позже. В ближайшую субботу партия призвала к бойкоту еврейских магазинов, но «при сохранении полного спокойствия и строжайшей дисциплины». «Мы и пальцем не тронем ни одного еврея. В субботу, когда пробьет 10 часов, евреи увидят, кому они объявили войну».⁵⁴ В понедельник плакаты «Немцы, не покупайте у евреев!» снова сняли, и граждане по-прежнему стали покупать там, где дешевле.

Боевая песня «Хорошо, когда брызнет еврейская кровь с ножа» была запрещена. Марш «Терпенье, преданные братья, шатается Иуды трон» запрета избежал, но другую прекрасную песню «Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра — весь мир» под угрозой штрафа велено было петь так: «Сегодня нас слышит Германия, а завтра — весь мир».

Гитлер объявил недействительными буйные места из «Моей борьбы» и сказал в интервью «Пари миди»:

«Моя книга — это призыв к борьбе, в ней много резких высказываний и проклятий, потому что она была написана в тюрьме. Я писал с негодованием преследуемого апостола. Но между политической программой этой книги и программой германского рейхсканцлера есть принципиальное различие. Я не писатель, а государственный деятель. Я внесу исправления не в „Мою борьбу“, а в книгу истории».

И к Советскому Союзу, из руководства которого был изгнан еврей Троцкий-Бронштейн вместе с гвардией еврейских народных комиссаров, Гитлер стал относиться более умеренно:

⁵³ 53Hjalmar Schacht, «Abrechnung mit Hitler», 1948, S. 37.

⁵⁴ 54Ernst Forsthoff, «Deutsche Geschichte seit 1918 in Dokumenten», 1938, S. 407.

«С советским правительством имперское правительство хотело бы поддерживать дружественные, взаимовыгодные отношения. Именно правительство национальной революции в состоянии вести такую позитивную политику по отношению к Советской России. Борьба против коммунизма в Германии — это наше внутреннее дело, и мы никогда не потерпим вмешательства извне. Но это не затрагивает политические отношения с другими державами, с которыми нас связывают общие интересы».

В феврале 1933 г. Гитлер все чаще говорил о предстоящей вскоре поездке к Сталину: «Мы даруем Европе мир на сто лет». Сталин, у которого спасались немецкие коммунисты, отнюдь не жаждавшие попасть в гитлеровские концлагеря, отказался от этой встречи.

Нет никаких сомнений в том, что Рем никогда в жизни не думал о нападении на Советский Союз. При всех эксцессах его СА против вчерашних противников это был человек, руководствовавшийся лозунгом «Живи и давай жить другим», как и братья Штрассер, как и эмигрировавший вождь СА Штеннес. Все они знали — в отличие от ставшего аскетом Гитлера — толк в хорошем вине и изысканной пище. Они хотели мира для себя и для своего народа. В веселых попойках с бывшими противниками, с английским и еще чаще с французским военным атташе для фронтовика Рема был заложен глубокий смысл.

Расовую теорию Гитлера Рем считал просто «дерьмом». «Кто гарантирует мне, что в церковных книгах все записано правильно?» — спрашивал он. Рем без колебаний возвел еврейского полукровка, открытого сиониста, отставного майора Франца фон Стефани в обергруппенфюреры СА, т.е. в генеральский чин. По еврейскому вопросу у Рема были очень четкие представления, которые в основном совпадали с давно забытой партийной программой: все немецкие евреи остаются гражданами Германии, доступ к должностям университетских профессоров, прокуроров, судей и банкиров будет для них ограничен. Евреи — участники войны не подвергаются никаким ограничениям, а восточные евреи, наводнившие Германию после войны, должны быть высланы.

Профессиональная армия путем слияния с СА должна быть превращена в народную армию, состоящую главным образом из пехоты и ориентированную на оборону. И здесь их мнения расходились, так как Гитлер настаивал:

«Немецкая армия будущего должна быть моторизованной».

Рейхсвер без колебаний встал на сторону Гитлера. Будущий главнокомандующий люфтваффе Герман Геринг был произведен президентом Гинденбургом из отставных капитанов в генералы. Одновременно Имперский союз немецких офицеров исключил отставного капитана Эрнста Рема из своих рядов.

Штурмовики были недовольны, они хотели ограничить влияние того слоя, который прежде задавал тон в экономике и обществе, и открыто требовали «второй революции», т.е. серьезного социального переворота, за который они, в конечном счете, и боролись. Об устранении Гитлера речь не шла. И никакого «путча Рема» никогда не было.

Документы о том, что Рем якобы планировал переворот, были целиком и полностью сфабрикованы в мастерской фальшивок человека, который, уничтожив Рема, сдал экзамен и который представлял собой самую зловещую фигуру режима. Когда Рейнхард Тристан Ойген Гейдрих, еврей, который, если верить

Гиммлеру, «преодолел в себе еврея» и взял на себя руководство борьбой против евреев, стал в 1942 г. жертвой покушения, командир лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» Зепп Дитрих обрадовался:

«Наконец-то эта свинья издохла!».⁵⁵

Вступление неполитического представителя власти и массового убийцы Гейдриха в национал-социалистическое движение осуществилось благодаря ошибке: Генрих Гиммлер, бывший в последний год войны юнкером, не мог отличить офицера радиоразведки от офицера секретной службы. Благодаря этому уволенный из ВМФ «за недостойное поведение» радист и сексуальный маньяк, оскорбивший девушку, которая забеременела от него, стал в 1931 г. у Гиммлера начальником Службы безопасности, сокращенно СД. Самому Гейдриху казалось, что обладание властью позволит «отщепить», по Менделю, преобладавшую в нем долю еврейской крови. Его именем «Рейнхард», как утверждает исследователь имен Кесслер, евреи любят заменять фамилию «Гольдман». ⁵⁶

Heinrich Himmler (1900 — 1945)

О том, что отец Гейдриха еврей, стало известно уже через полгода от человека, который в этом хорошо разбирался, — гауляйтера Галле-Мерзебурга квартерона Иордана. Вскоре после этого в музыкальном словаре Римана отец начальника СД стал именоваться не «Гейдрих, Бруно, настоящая фамилия Зюсс», а просто «Гейдрих, Бруно». И фотографии этого музыканта с темными курчавыми волосами, выглядевшего так, будто он спрыгнул с экрана во время демонстрации популярного фильма «Еврей Зюсс», скупались по высокой цене.

⁵⁵ Дитрих Брондер «До того, как пришел Гитлер», с 294:
«Глава гестапо Рейнхард Гейдрих был, по преимуществу, еврейского происхождения». Музыкальный словарь Римана за 1916 г. об его отце: «Гейдрих, Бруно, настоящая фамилия Зюсс».

⁵⁶ Gerhard Kessler, «Die Familiennamen der Juden in Deutschland», Leipzig 1935, S. 107.

Сын этого еврея-музыканта и актрисы-полуеврейки еще не дошел до уничтожения или изменения документов о своем происхождении и до удаления надгробий, в частности своей бабушки Сары, когда он, став во главе СД, докопался до еврейских предков Гитлера и Гиммлера. Оба его начальника посоветались, что делать, и решили оставить Гейдриха, позвали его и велели ему с помощью его мастерской фальшивок ариизировать итальянско-еврейскую бабушку Гиммлера.

Это трио и приговорило к смерти Рема, оставшегося верным партийной программе вожака четырех миллионов штурмовиков. И Гейдрих принялся за дело.

Первую фальшивку получил военный министр Бломберг, который пожаловался Гитлеру на приказ Рема, которого тот не отдавал:

«Согласно приказу начальника штаба Рема каждой группе и каждой обергруппе СА должна быть придана штабная охрана с ротой, вооруженной тяжелыми пулеметами».

После этого человек Гейдриха в форме обергруппен-фюрера СА, т.е. якобы в генеральском чине, появился у полковника Франца Гальдера в Мюнстере и заявил ему:

«Я назначен вместо Вас начальником штаба военного округа. Прошу ввести меня в курс дела».

Гальдер поехал в Берлин к генералу фон Фричу, и тот успокоил его:

«Силы для контрмер стоят наготове».

Наконец в июне 1934 г. начальник абвера однажды утром обнаружил на своем письменном столе «секретный приказ» Рема, причем никто не мог сказать, как он туда попал:

«Момент вооружения наступил».

Командующий военным округом в Бреслау будущий генерал-фельдмаршал фон Клейст получил кучу подобных сообщений и не скрыл своего подозрения:

«У меня создалось впечатление, что нас — рейхсвер и СА — стравливает третья сторона».

Начальник военного ведомства генерал фон Рейхенау выслушал его и сказал:

«Может быть. Но теперь слишком поздно».⁵⁷

Было слишком поздно. Рейхсвер предоставил в распоряжение зондеркоманд Гейдриха оружие и казармы, где отмеченных в списке ставили к стенке через несколько минут после доставки. Завязывать им глаза было некогда. К 1957 г. были поименно установлены 191 человек, которые — часто не имея никакого отношения к СА — попали в расстрельный список Гейдриха и лишились жизни. На самом деле жертв было больше, и ни одного еврея среди них не было.

На утренней заре 30 июня 1934 г., когда все это происходило, Гитлер примчался в деревенскую гостиницу недалеко от Мюнхена и там ничего не подозревавшего Рема, который с радостью ждал приезда Гитлера и приготовил для него Книгу верности СА в переплете из кожи и стали, вытащили из постели. Полицейские чиновники доставили его в мюнхенскую тюрьму Штадельгейм. Гитлер медлил с приказом о расстреле своего старого товарища, с которым он на протяжении пятнадцати лет борьбы был на «ты». Он вернулся в Берлин, а там его ждал Гейдрих, раскопавший записку фон Трескова, самого знаменитого человека в берлинской криминальной полиции начала века:

«Гомосексуалисты редко отличаются твердым и честным характером; им не хватает силы воли и они охотно пользуются женским оружием интриг, лицемерия и лжи. Они совершенно непригодны для ответственных постов на государственной службе и в ближайшем окружении монарха их присутствие губительно».

Выполняя приказ Гейдриха из Берлина, комендант концлагеря Дахау вошел в камеру Рема и разрядил в него весь магазин своего пистолета. Истекая кровью, Рем прохрипел: «Мой фюрер, мой фюрер» и испустил дух.

Вместе с Ремом из высшего руководства НСДАП ушел последний социалист. Вскоре после этого умер дряхлый президент Гинденбург, и у рычагов власти в Берлине не осталось ни одного человека, который не имел бы примеси еврейской крови. Рейхсверу Гитлер обещал за его поддержку при уничтожении его старых соратников, что он был и останется «единственным оруженосцем нации». Через несколько дней началось формирование войск СС. Фактическим руководителем полиции рейха стал Гейдрих, обладавший почти неограниченной властью. Его номинальным начальником был «рейхсфюрер СС», боязливый обыватель в пенсне, на которого Гейдрих смотрел как на помеху. На этот счет Гитлер успокаивал в Оберзальцберге своего помощника, который был моложе на 15 лет, с которым его связывала любовь к музыке и который мог плакать при звуках скрипки:

«Когда-нибудь Вы станете моим наследником».

⁵⁷ 57...Показание, данное под присягой генерал-полковником фон Клейстом перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге в 1946 г., приложение 4, архив IFZ.

Глава 10

Дела идут

Характерная особенность диктатуры состоит в том, что она делает сегодня то, что осуждала вчера, и не делает завтра того, что обещала позавчера. Для нее важна только выгода. Если демократия рискует скатиться к хаосу, то умному человеку, получающему неограниченную власть, угрожают химеры и мессианство. Люди до сих пор не придумали стабильную форму государства.

Гитлер, который, несмотря на несколько уроков, полученных им у консервативного журналиста-экономиста Функа, вскоре ставшего министром экономики, ничего не смыслил в политэкономии, достиг на первом этапе своего правления совершенно невообразимых успехов просто потому, что предоставил экономику экономистам и отправил на пенсию многих бюрократов, которые мешали делу. Он значительно сократил влияние и остальной части правящей касты, дал широкие полномочия людям с жизненным опытом, и дела пошли по закону Дарвина: «Побеждает сильнейший».⁵⁸ Никакой социализации предприятий или магазинов, предусмотренной партийной программой, не произошло.

Треть нации, которая жила за счет общественной поддержки, получила работу. Правда, сначала было налажено производство вооружений и введена всеобщая воинская повинность.

«Не использовать миллиарды человеческих рабочих часов — это безумие и преступление», — заявил Гитлер, когда в марте 1933 г. рейхстаг 441 голосом против 94 наделил его всеми мыслимыми полномочиями. После первого удара лопатой и короткой речи Германию вскоре прорезали «дороги фюрера», имперские автобаны. В чистом поле возник завод по производству народных автомобилей, на которых рабочие экономили по тысяче марок. Трудовая повинность стала обязательной для лиц обоих полов и главной заповедью национал-социалистического мировоззрения. На осушенных болотах возникли деревни, на орошенных песках росла рожь. Немцы, которые претендовали на земли на Востоке, в те годы помалкивали. Люди в Германии хотели работы и хлеба и были не большими националистами и шовинистами, чем французы или русские.

⁵⁸ 58У автора вульгарные представления об учении Дарвина. По Дарвину, побеждает не сильнейший, а наиболее приспособленный. Наиболее приспособленными в животном мире являются паразиты. (Прим. переводчика.)

Самым впечатляющим на партийных съездах в Нюрнберге было прохождение маршем по стадиону «Цепелин» юношей из трудового фронта с обнаженными, загорелыми торсами и тысячами сверкающих на солнце лопат на плечах. Один из них громко спрашивал: «Откуда ты, товарищ?» А другой отвечал: «С балтийского побережья». И на повторенный вопрос каждый раз следовал новый ответ: «С баварских гор», «Из Эмсланда», «Из Шварцвальда», а в заключение над полем звучал многоголосый рев: «Германия!» И снова задавался вопрос: «Кем ты был, товарищ?» Один отвечал: «рабочим», другой — «крестьянином», третий — «художником», четвертый — «техником», и снова тысячи молодых глоток ревели: «Германия!» Это были юноши, которые несколько лет назад видели людей, умирающих от голода на улицах и на скамейках скверов, а несколько лет спустя маршировали по Европе.

А Гитлер говорил им:

«Немецкий народ хочет только равноправия. Если мир решит, что нужно уничтожить все оружие до последнего пулемета, мы готовы присоединиться к такой конвенции. Если мир решит уничтожить определенные виды оружия, мы заранее готовы от них отказаться».

Мир никаких подобных решений не принял, и два года спустя после таких речей в Германии была введена всеобщая воинская повинность, которая давно существовала во всех соседних странах. Так как германская армия в 1935 г. была слабее бельгийской, протест против нарушения Германией Версальского договора, запрещавшего ее вооружение, был столь же слабым, как и протест против нарушения ФРГ Потсдамских соглашений в 50-х годах. Гитлер заключил пакт с польским президентом Пилсудским, заключил конкордат с Католической церковью, предоставлявший Ватикану широкие права в Германии. А через три месяца после введения воинской повинности, летом 1935 г., между Англией и Германией был подписан морской договор, который ограничивал немецкий ВМФ 35% английского. Для Гитлера это соглашение с братским нордическим народом было «счастливейшим днем в жизни», и те, кто видел на его глазах слезы радости, верили ему.

Neville Chamberlain & Adolf Hitler

Европейские государства проявили понимание, когда несколько месяцев спустя немецкие войска были введены в демилитаризованную Рейнскую область. В 1933-38 гг. государственные расходы Германии на вооружение не превышали расходов Франции, которая наряду с линией Мажино располагала также не разоруженной после первой мировой войны армией.

В эти годы Гитлер провел выборы, и более 90% немцев одобрили его политику, пребывая в честном заблуждении. Мир безмерно восхищался «фюрером и рейхсканцлером», как он стал именовать себя после смерти Гинденбурга.

Черчилль в 1938 г. писал Гитлеру в открытом письме:

«Если бы Англию постигла такая же национальная катастрофа, как Германию в 1918 году, я молил бы Бога ниспослать нам человека с Вашей силой воли и духа».⁵⁹

Английский посол в Берлине сэр Невилль Гендерсон заявлял:

«Любая страна была бы рада иметь во главе такого человека, который, хотя он только начал, высвободил огромные творческие силы своей нации на благо своего народа».

Английская газета «Дейли мейл» писала:

⁵⁹ Peter Kliet, «Auch Du warst dabei», 1965, S. 122.

«Вера действительно творит чудеса. Немцы обрели новую, действенную веру. Никогда в истории за столь короткий срок не происходили столь существенные преобразования в жизни народа, затронувшие как его внутреннее состояние, так и внешнеполитическую роль нации, и даже самое ее поведение».

Бывший английский премьер-министр Ллойд Джордж делился своими впечатлениями на страницах «Дейли экспресс»:

«Это не Германия первого послевоенного десятилетия, сломленная, подавленная, бессильная, сгорбившаяся под тяжестью забот. Германия теперь снова полна надежд и преисполнена решимости устроить свою жизнь без вмешательства каких-либо внешних сил. Впервые после войны налицо общее чувство уверенности. Народ стал более радостным. Это более счастливая Германия».

Немецкие союзы фронтовиков организовывали визиты к бывшим противникам во Францию и встречные визиты. Гитлерюгенд и французская молодежь вместе проводили каникулы в палаточных лагерях. И на Олимпиаде 1936 г. в Берлине французская команда маршировала мимо Гитлера, подняв руки в нацистском приветствии, и сто тысяч зрителей, ликуя, аплодировали ей как никакой другой.

Весной 1938 г. немецкие войска вступили в Австрию, которой по Версальскому договору было запрещено реализовать статью 1 ее Конституции от 12 марта 1919 г. «Немецкая Австрия — составная часть Германской республики». Солдат рейха осыпали цветами. Из альпийских долин приходили горняки, чтобы приветствовать их. Во всей стране царило неопишное ликование и воодушевление. Гитлер приехал в Вену, откуда он бежал четверть века назад, и с балкона Венского замка объявил сотням тысяч собравшихся людей:

«Я могу в этот час доложить немецкому народу о величайшем свершении моей жизни. Как фюрер и канцлер германской нации и рейха, я объявляю перед лицом истории о вхождении моей родины в состав Германского рейха».

Осенью того же 1938 года немецкий вермахт вступил в Судетскую область и вернул рейху 3,5 млн. немцев, живших в пограничных областях Чехословакии. В Годесбергском отеле фронтового товарища Гитлера Дреезена фюрер и английский премьер-министр Чемберлен пришли к согласию относительно права народов на самоопределение, председатель Совета министров Франции Даладьё к ним примкнул, Муссолини, разумеется, тоже, и Мюнхенские соглашения, заключенные в сентябре 1938 г., позволили Чемберлену по возвращении в Лондон выразить в аэропорту надежду, что обеспечен мир на целое столетие. Польша и Венгрия, с согласия всех участников договора, тоже присоединили к себе области многонациональной Чехословакии, где их соотечественникам двадцать лет пришлось жить под чужим господством.

Ради важнейшей, как считал Гитлер, задачи, летом 1933 г. его старый поверенный адвокат Ганс Франк явился к нему в Берхтесгаден, где Гитлер после первых месяцев, проведенных в рейхсканцелярии, стал бывать все чаще.

«Я хочу, — начал диктовать Гитлер, — чтобы еврейский вопрос решался на вполне законной основе, чтобы за граница и международное еврейство не имели ни малейшего повода обвинить нас в зверствах. Насколько я знаю, Ваш отец, еврей, был исключен из сословия адвокатов за растрату денег клиентов, — исключен не нами,

а за несколько лет до нас. Я даю мое согласие, дорогой партайгеноссе Франк, в знак признания Ваших больших заслуг, на восстановление Вашего отца в рядах сословия. Но Вы сами знаете по собственному опыту, насколько нам необходимо избавиться от этого груза, отправить этот народ туда, откуда он пришел, — в пустыню. Перечитайте мое заявление на партийной конференции в Гарцбурге в 1931 г. Я сказал писателю Гансу Гримму, а он потом сделал эти слова широко известными: „Когда мы придем к власти, мы постараемся, чтобы евреи получили собственное государство“. О различиях, которые проводит наш пропагандист Геббельс между капиталистическими евреями Запада и большевистскими евреями Востока, я публично не говорю, хотя, конечно, мы все знаем об этих различиях. Но пусть пропаганда будет такой, иначе народ нас не поймет».

Гитлер встал и прошелся по залу. «Дорогой Франк, — продолжил он, — дело не в том, что мой „темный пункт“, возможность того, что я на четверть еврей, доводит меня до бешенства. Я хочу ясности и четкого разделения, и я поручаю Вам, как моему комиссару юстиции, урегулировать все правовые вопросы. Не забывайте при этом, что желание уехать в Палестину определяется нашим нажимом, требованием покинуть нашу страну. Позаботьтесь о правовых основах».

Д-р Франк хорошо понял своего фюрера и на партийном съезде осенью 1933 г. озвучил его пожелания:

«Независимо от нашего желания посчитаться с евреями, безопасность и жизнь евреев в Германии не подвергаются угрозе со стороны государства и его законов. Правовое решение еврейского вопроса возможно только по мере решения вопроса о еврейском государстве».

Закон о восстановлении профессионального чиновничества, который позволил выгонять евреев с государственной службы, был принят уже весной 1933 года. Затем последовал закон об отмене приобретенных прав гражданства и о запрете на предоставление германского гражданства. Десятки тысяч восточных евреев, мигрировавших после первой мировой войны, покинули Германию, и тысячи из них уехали в Палестину, британскую подмандатную территорию, которую обещал евреям в 1917 году английский министр Бальфур.

Т.н. Нюрнбергские законы были подготовлены к партийному съезду в 1935 г. и 15 сентября этого года собравшийся в Нюрнберге рейхстаг единогласно принял Закон о защите немецкой крови и чести, который Геринг, как председатель рейхстага, огласил своим зычным голосом. Браки между евреями и гражданами немецкой или родственной крови были запрещены. Внебрачные связи между этими двумя группами карались, и депутаты громко смеялись, слушая п. 4:

«Евреям запрещается поднимать имперский и национальный флаги и носить имперские цвета. Зато они могут носить еврейские цвета. Осуществление этих прав находится под государственной защитой».

Гитлер восстановил серьезное настроение своим заключительным призывом:

«Господа депутаты! Вы приняли сейчас закон, значение которого будет в полной мере оценено лишь через много веков. Позаботьтесь о том, чтобы этот закон был облагорожен самой неслыханной дисциплиной всего

немецкого народа, за который и за которую вы несете ответственность».⁶⁰

От каждого, кто хотел сделать карьеру, требовали генеалогический паспорт. Народ занялся изучением своих предков, и бывало так, что молодые, цветущие национал-социалисты вдруг получали из далекого учреждения документ, свидетельствующий, что у них есть доля еврейской крови. Часто после этого они шли в ближайший лес и там стрелялись или вешались. Для них не было утешением вступительное положение этой официальной подборки документов:

«В соответствии с идеями национал-социализма, надлежит справедливо относиться ко всем другим народам и никогда не говорить о высших или низших расах, а всегда только о чужеродных расовых примесях. Арийцем по происхождению считается такой человек, у которого нет инорасовой, с точки зрения немецкого народа, примеси. Чужеродной в данном случае считается прежде всего кровь живущих и в Европе евреев и цыган, азиатских и африканских рас и аборигенов Австралии и Америки, тогда как, например, англичане и шведы, французы и чехи, поляки и итальянцы, если у них самих нет такой же чужеродной для них примеси, должны считаться арийцами независимо от того, живут ли они у себя на родине, в Восточной Азии или в Америке».⁶¹

Национал-социалистическая расовая теория, которая считалась наукой и преподавалась в университетах, не проводила различий между евреями-иудеями и крещеными евреями, что совпадало с установками лондонской газеты «Джуиш уорлд»:

«Еврей остается евреем, даже если он меняет религию. Христианин, который принимает иудейскую религию, не становится от этого евреем, так как еврей — это не религиозное, а расовое понятие, и свободомыслящий еврей, даже еврей-атеист остается таким же евреем, как и какой-нибудь раввин».

С 1935 года, со времени издания Нюрнбергских законов, немецкие евреи, которые еще не эмигрировали, жили в невидимом гетто. Из их среды выдвигались лишь те, кто за свои заслуги был объявлен «почетным арийцем». Так, сын еврейского купца из Братиславы Давида Ленарда, знаменитый физик Филипп фон Ленард, был награжден Гитлером в 1936 г. Национальной премией в области наук и искусств и одновременно почетным золотым значком НСДАП. Организатором берлинской Олимпиады в том же году и имперским комиссаром Олимпийских игр был бывший государственный секретарь и «почетный ариец» Теодор Левальд. Еще один из них, бывший директор Люфтганзы, поставляя Герингу парашюты и другое авиационное снаряжение и со временем стал генерал-фельдмаршалом. Его фамилия была Мильх.

Герхард Кесслер, который в 1933 г. вынужден был прервать свои исследования «придворного еврейства», прямо указал в 1935 г. в своей научной работе «Родовые фамилии евреев в Германии» на еврейское происхождение фамилий тех министров, которые по-человечески ближе всего стояли к Гитлеру: Гесс (родовая фамилия

⁶⁰ 60Текст DNB от 15 сентября 1935.

⁶¹ 61«Ahnenpass», Verlag für Standesamtswesen Berlin SW 61, 1935, S. 3.

приезжего), Розенберг (из восточногерманско-славянской колониальной области), Франк (родовая фамилия приезжего), Лей (усеченная форма от Леви).

Зоннеман, девичья фамилия жены Геринга, также толковалась как еврейская (германизированная еврейская фамилия Симеон), как и девичья фамилия будущей жены Гитлера Евы Браун (указание на цвет кожи). В заключение своего исследования Кесслер, который в то время из предосторожности жил в Стамбуле, а публиковался в Лейпциге, написал замечательные слова:

«Даже немец может с уважением относиться к великой и богатой истории еврейства, выраженной в еврейских именах, а еврея уважение к предкам должно удерживать от того, чтобы стыдиться своего имени, презирать его или даже легкомысленно отбрасывать. Блажен тот, кто чтит своих предков».

Eva Braun (06.02.1912 — 30.04.1945)

Пропагандистский аккомпанемент преследованиям евреев создавал Геббельс, теща которого, очень нахальная еврейка Фридлиндер, любила грозить при ссорах: «Вот я скажу моему зятю Геббельсу!» В 1945 году она все еще жила в доме Геббельса. «О наших штурмовиках говорят, — кричал он в берлинском Спортпаласте, — будто они приударяют за еврейками...» Геббельс подождал, пока утихнет многоголосый протест, и с глубоким презрением в каждом слове протянул: «...Хотел бы я видеть штурмовика, который находил бы в этом удовольствие». Зал хохотал. Но смеялись и над самим Геббельсом. «Кто это? — спрашивала одна женевская газета, поместив фотографию колченогого, маленького, темноволосого Геббельса, приехавшего на заседание Лиги наций. И сама отвечала: — Это представитель высокой, здоровой, светловолосой и голубоглазой нордической расы».

Занятый борьбой с евреями генерал полиции и службы безопасности Рейнхард Гейдрих сделал одно открытие. Один рожденный близ Хайфы еврей-католик, который говорил на иврите и на идише так же, как по-немецки, ребенком приехал со своим отцом в Золинген, а потом в Австрию, в Линц, где задолго до аншлюса сражался за фюрера, вынужден был бежать и вступил в СС. Историю этому подающему надежды ревностному унтерфюреру СС, Адольфу Эйхману, преподавал в реальной школе Линца профессор Леопольд Печ, антисемит, учитель Гитлера. И Гитлер во время прогулки по лесу однажды обнял человека, который сидел за той же партией, что и он, и долго смотрел ему в глаза. Дальнейшее взял на себя Гейдрих, который сфабриковал для нового сотрудника документы о рождении в Золингене. Эйхман стал работать под руководством офицера СС, еврея Леопольда фон Мильденштейна, друга сионистов, который планировал «пробудить в возможно большем числе евреев стремление уехать в Палестину». Товарищи по СС удивлялись, как этот еврей Эйхман с ярко выраженным семитским носом попал в их круг. «У него посреди рожи торчит ключ от синагоги», — говорили они, но их обрывали: «Молчать! Приказ фюрера!» Каждый понимал, что фюрер всегда прав, и Эйхман начал в берлинском бюро свою деятельность, за которую его защитник Серватиус на процессе в Иерусалиме в начале 60-х годов требовал для него ордена, поскольку Эйхман помогал евреям заселять Палестину.

Исследователь имен Г. Кесслер наткнулся в 1935 г. на фамилию тогда еще неизвестного Эйхмана. Эта смена имени еврейских предков восходила к началу XIX века. «Единственным смыслом был разрыв обладателя этой фамилии со своими предками и с историей своего народа».

Сотрудничество между гестапо Гейдриха и еврейской организацией самообороны в Палестине «Хагана» было очень тесным, так как Эйхман знал:

«Все объединенные во Всемирной сионистской организации партии и союзы управляются из разведывательно-контрольного центра, который играет чрезвычайно важную роль в политической жизни евреев. Этот центр называется „Хагана“, что значит „самооборона“.

Один из палестинских сионистов, который вел в Берлине переговоры с СД, носил фамилию Школьник. Под нею скрывался будущий премьер-министр Израйля Леви Эшкол, который летом 1965 г. признался журналу «Шпигель»:

«Я провел там некоторое время в начальный период правления Гитлера».

Руководитель этой еврейской организации самообороны Файвел Полкес, родившийся в Польше, и гауптшарфюрер СД Адольф Эйхман впервые встретились в феврале 1937 г. в Берлине. Оба еврея скрепили свой братский союз в ресторане «Траубе».

Эйхман дал еврейскому подпольщику письменное заверение:

«На имперское представительство евреев в Германии будет оказано давление, чтобы оно заставляло эмигрирующих из Германии евреев ехать только в Палестину, а не в какую-либо другую страну. Эта мера целиком в германских интересах и уже готовится с помощью мер, предпринимаемых гестапо».

Файвел Полкес пригласил своего нового друга Эйхмана на древнюю родину, и 2 октября 1937 г. в Хайфе с парохода «Румыния» сошел на берег корреспондент газеты «Берлинер тагблатт», как назвал себя Эйхман. Он повстречался со многими нужными людьми и по возвращении доложил:

«Радикальной немецкой политике в отношении евреев в еврейских националистических кругах очень рады, так как в результате еврейское население в Палестине настолько увеличилось, что в обозримом будущем в Палестине будет больше евреев, чем арабов».⁶²

Еврейские общины в Берлине и во всех больших городах рейха организовали курсы иврита, готовя главным образом молодежь к «алие» — эмиграции в Палестину, Центральный комитет помощи и строительства был преобразован в Имперское представительство немецких евреев, а потом в Имперское объединение евреев в Германии, которое душа в душу с ведомством Эйхмана направляло евреев в Палестину. Рааман Мелиц представил в Иерусалиме цифры перевалочного пункта в Нидершенгаузене:

«82% ехали в Палестину, 9% — в Бразилию, 7% — в Южную Африку и по одному проценту — в США и Аргентину».

При государственной поддержке молодые евреи обучались сельскохозяйственным и ремесленным специальностям в Вайдхофене на реке Иббс, в Альтенфельдене в Верхней Австрии, в Рюднице близ Берлина и в Швибихене (Силезия), готовясь к новой жизни в Палестине.

Из Рексингена в Вюртемберге все 262 еврея уехали в Палестину, и лишь один вернулся после войны назад. Так рейх потерял до начала войны более 300.000 своих еврейских граждан из 500.000, в основном молодых и трудоспособных.

Во время этого исхода в землю обетованную Штрейхер со своим «Штюрмером» выполнял подсобную работу. Он поносил западные демократии, которые хотели принять евреев у себя и тем самым мешали их переселению в Палестину.

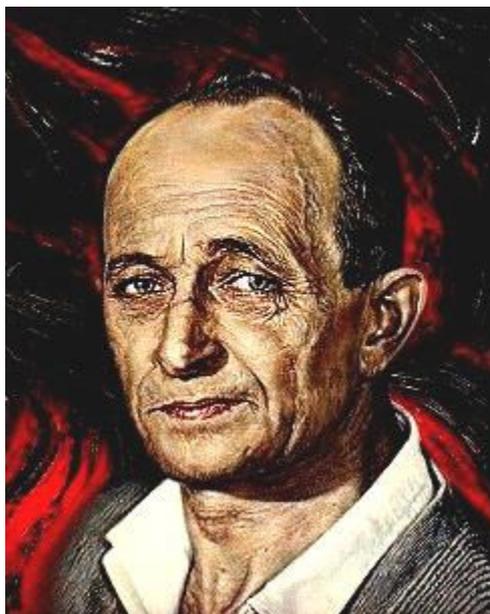
⁶² Эйхман, протоколы допросов на иерусалимском процессе 1961 года, том I, колонка 90. Архив современной истории Кизинга, стр. 3240 В.

Палестинский араб Юнис Бари, журналист и националист, надеялся на создание арабского палестинского государства. В берлинском отеле «Кайзерхоф» ему бросилась в глаза молодая девушка в длинном белом платье без рукавов, которая шла рядом с толстым фотографом Гофманом, когда тот снимал фюрера под разными углами. «Кто эта милая куколка?» — спросил в неведении Бари у сидевшего рядом д-ра Браухича с имперского радио, брата генерала. Браухич осторожно осмотрелся и приложил палец к губам. «Руки прочь! — прошептал он. — Это возлюбленная фюрера. Ее зовут Ева Браун». Он еще раз осмотрелся. «Она на четверть еврейка, как и другие, что у него были. С дочерью этого „полтинника“-фотографа, Хенни, у него ничего не получилось. И с актрисой Гретль Слезак, которую у него пытался отбить Геббельс, тоже ничего. А к этой он привязан». Браухич кивнул в сторону фотографа и закончил:

«Все они еврейской крови. Черт его знает, почему так получилось. А что касается арабской Палестины, дорогой Бари, лучше выбросьте эту идею из головы».

Набравшийся опыта и повышенный в чине офицер СС Адольф Эйхман переселился после аншлюса Австрии во дворец Ротшильда в Вене. Вместе со своими еврейскими сотрудниками он организовал Центр еврейских эмигрантов и скоро от 200.000 австрийских евреев осталась лишь горстка.

После оккупации Судетской области, а через полгода и всей Чехии, этот специалист по вопросам эмиграции переехал в здание Совета израильских религиозных общин в Праге, создал бюро с 32 отделами и назвал его Центральным советом по решению еврейского вопроса в Чехии и Моравии. Здесь тоже работали почти исключительно евреи Эйхман дал своим помощникам разнарядку: 300 еврейских эмигрантов в день, причем и эти эмигранты тоже должны были сами оплачивать дорогу.

Руководитель палестинского ведомства Сионистского объединения немецких евреев д-р Франц Элиэзер Майер сказал на процессе в Иерусалиме 26 апреля 1961 г., каким был Эйхман в 30-х годах:

«В общем, с ним всегда можно было договориться. Он производил на меня впечатление довольно спокойного человека, который вел себя совершенно нормально, не услужливо, но корректно».⁶³

Еврейское население Палестины, которое в 1933 г. было столь малочисленным, что мир вообще ничего не знал о евреях в библейской стране, к началу войны увеличилось в несколько раз. Дела Эйхмана шли, масса немецких евреев было в безопасности и друг Полкес и его «Хагана» были все ближе к своей цели — созданию после двухтысячелетних молитв евреев «На следующий год — в Иерусалиме» еврейского государства в Палестине.

⁶³ Эйхман, Протокол 17-го заседания иерусалимского процесса 1961 года.

Глава 11

Личный врач Гитлера Морелль и результаты его лечения

Все, что касается интимной стороны жизни Гитлера, подсовывал фотограф Гофман: и Еву Браун, и д-ра Морелля. Все трое были еврейского происхождения, и окружение Гитлера особенно шокировало «гешефтмахерство и восточная внешность» Морелля, как говорил личный секретарь фюрера Шредер. Во время поездок Морелль часто опаздывал, а адъютанты засовывали его в багажный вагон, пока Гитлер не разозлился и не положил конец этим шуткам. Любимый врач Гитлера Морелль начинал свою карьеру, прослужив год корабельным врачом. Во время первой мировой войны он, будучи молодым человеком, практиковал в Дитценбахе (Гессен). В 1919 г. он стал модным венерологом в Берлине и пичкал своими волшебными средствами знатных импотентов и дам полусвета. Морелль приехал в Берхтесгаден, чтобы вылечить Гофмана от триппера, а тот рекомендовал его своему другу Гитлеру, который ошибочно полагал, будто болен той же дурной болезнью. Так свершилось роковое событие. Оба отъявленных жулика, Гофман и Морелль, сразу поняли друг друга. Репутации Морелля помогли и нелегальные аборты. Он принадлежал к числу «мартовских жертв», как называли тех, кто вступил в НСДАП вскоре после прихода Гитлера к власти. До 1936 г. Гитлера восхваляли все, особенно Черчилль. После того как Морелль в этом году был назначен личным врачом Гитлера, ситуация стала меняться, сначала медленно, потом быстро. Бойкот, который имел целью выгнать немецких евреев обратно в пустыню, сменился убийствами, и вскоре рейх оказался во вражде с Богом и миром. Морелль сразу же начал действовать в двух направлениях: во-первых, он начал медленно, но верно отравлять Гитлера инъекциями, содержащими стрихнин, а во-вторых, с помощью первитина он сделал его зависимым от себя и своих наркотиков. Снимки, сделанные до и после «лечения» Морелля, с промежутком в восемь лет, говорят сами за себя.

«Der Fьhrer» by Karl Truppe, 1943

Кроме того, Морелль прикарманил несколько десятков миллионов и мог считаться в Германии человеком № 1 среди нажившихся на войне. Пользуясь бланками писем с грифом «фюрер и рейхсканцлер», он отдавал приказы, заимел долю в еврейской фармацевтической фирме «Кац унд К°» в Будапеште, тоннами выпускал леденцы «Витамулин» и сбывал их руководителю Немецкого рабочего фронта д-ру Лею, прадед которого по отцовской линии выкинул букву «в» из своей фамилии Леви и который внешне очень походил на Морелля. Профессор Шенк, уполномоченный рейхсфюрера по здравоохранению при министерстве питания и сельского хозяйства, оценивал доходы Морелля только от выпуска этой продукции в 20 миллионов марок.

Все врачи, которые знали Морелля, называли его не иначе как знахарем и шарлатаном. Английский историк Тревор-Ропер, который познакомился с ним в концлагере после войны, описывает его как «неуклюжего старого человека с вкрадчивыми манерами, нечетким выговором и гигиеническими привычками свиньи». У камердинера Гитлера Краузе был катар, и Гитлер посоветовал ему: «Пойдите к Мореллю, пусть он Вам сделает укол». Краузе ответил:

«Я не позволю д-ру Мореллю делать мне уколы, иначе я погиб навеки».

Совет превратился в приказ, но Краузе отказался выполнить этот приказ. Непослушного матроса Краузе заменил эсэсовец Линге.

Когда принц фон Шаумбург-Липпе посоветовал Геббельсу полечиться у д-ра Морелля, Геббельс возмутился:

«Этот преступник никогда не переступит порог моего дома».

Иногда Морелль лечил и гостей фюрера из-за рубежа. В марте 1939 г. чешскому президенту Гахе во время разговора с Герингом и Риббентропом стало плохо, и чудо-доктор Морелль поспешил на помощь со своим шприцем. После этого Гаха смог пройти в рабочий кабинет Гитлера и там письменно передать «в руки фюрера судьбу чешского народа и своей страны». Гимmlеру во время войны бросились в глаза постоянное ухудшение здоровья и вызванное наркотиками изменение характера Гитлера. Он осторожно попытался заговорить с ним об этом, но вызвал у него лишь яростный гнев и отступил. Гитлер хотел быть под «допингом», иначе как бы он смог кричать о «победе» в войне, которая, как он знал, давно проиграна?

Профессор Шенк докладывал своему тогдашнему начальнику, обергруппенфюреру СС Полю:

«Морелль дает фюреру очень сильные допинги».

Поль передал это Гимmlеру, и через несколько дней профессор Шенк получил приказ «молчать обо всем этом деле». ⁶⁴

⁶⁴ 64Dr. Hans-Dietrich Rohrs, «Hitler, des Zerstörung einer Persönlichkeit», Kurt Vowinkel Verlag Neckargemund 1965, S. 111.

В особую немилость впал хороший врач профессор Брандт, которого Гитлер изгнал из своего окружения, когда тот открыто заявил ему:

«Мой фюрер, Вас систематически отравляют этими инъекциями».

Через несколько месяцев Брандта было приказано расстрелять, но не нашлось ни одного судьи военного трибунала, который вынес бы такой приговор, а Брандт пережил конец войны как заключенный.

В своей чрезвычайно поучительной книге врач и медицинский чиновник д-р Рерс в результате кропотливых исследований констатировал «разрушение личности» ядами и наркотиками Морелля. Речь шла о нескольких тысячах инъекций, с помощью которых Морелль ограничивал свободу действий пациента. Одна израильская газета задала в связи с этим ехидный вопрос: «Итак, после легенды об ударе ножом в спину — легенда о чудесном лекарстве?» — и д-р Рерс остался неизвестным в разделенной Германии.

Получивший звание профессора и рыцарский крест за боевые заслуги, Морелль покинул Берлин в 1945 г., после того как Гитлер узнал:

«Медикаменты больше не помогут».

Он сдался американцам. Начались допросы, и скоро Морелль оказался «героем сопротивления». Английский историк Тревор-Ропер приоткрывает тайну: после удаления всех прежних врачей Морелль мог спокойно заняться монополизированным им врачебным ремеслом. Один из этих прежних врачей, д-р Гизинг, тоже похвастался позже в журнале «Штерн», будто он предпринял попытку отравить Гитлера, но в бункер вошел камердинер Линге и помешал этому. Прокуратура г. Крефельда восприняла это как самооговор, а медицинская палата земли Северный Рейн не смогла принять всерьез такое нарушение клятвы Гиппократа.⁶⁵

Американцы объявили Морелля невиновным и оставили ему нажитые за время войны миллионы. Его они освободили, а бдительного профессора Брандта повесили, когда тот начал говорить о лечении Морелля, «за пренебрежение обязанностями надзора в сфере своей деятельности». Через несколько лет после войны американцы отдали «бумаги Морелля», но среди них нет документов о болезни и лечении Гитлера, зато есть доклад о бесполезном порошке Морелля против вшей «Русела», над которым насмеялись солдаты Восточного фронта.

⁶⁵ Решение медицинской палаты земли Северный Рейн от 16 марта 1970.

Глава 12

Евреи Гитлера никому не нужны

Как английское правительство, так и правительство Третьего рейха в своих публичных заявлениях обещали евреям Палестину в качестве национального очага. В то время как британские обладатели мандата подкрепляли свои обещания сторожевыми катерами, эминцами и самолетами, помощники Гитлера путем конфискации, поджогов и убийств оказывали всевозможное давление, чтобы выполнить свое соглашение с сионистами. Добровольно почти никто не ехал в эту пустынную в 30-х годах страну.⁶⁶

Газета СС «Дас шварце корпс» открыто писала, словно какой-нибудь сионистский листок:

«Недалеко то время, когда Палестина снова сможет принять своих потерянных более тысячи лет назад сыновей. Мы шлем им наши лучшие пожелания».

Но немецкие евреи не ехали на Ближний Восток косяком, как того желали и сионисты, и национал-социалисты. Еврей и унтерштурмфюрер СС Леопольд фон Мильденштейн помогал им и был уволен из ведомства Гейдриха, когда отклонился от палестинского плана и стал зондировать почву в других государствах. Целью большинства немецких евреев были далекие страны, по возможности по другую сторону Атлантического океана. Запросили и Рузвельта, президента США, напомнив ему о его еврейских предках Россокампо из Италии. Жали на него пять лет, после чего он летом 1938 г. организовал конференцию во французском курорте Эвиан на берегу Женевского озера.

Из 50 приглашенных стран лишь 30 прислали своих представителей. СССР, где ситуация давно уже была не такой, как в начале революции, когда из 49 народных комиссаров, т.е. министров, 42 были евреями, остался в стороне, не сочтя нужным обосновывать свой отказ, так как в марксизме-ленинизме все уже обосновано. Ватикан прислал своего наблюдателя, как и многие еврейские организации мира. Среди этих наблюдателей была Голда Меир. Когда служители отеля «Ройяль» откинули тяжелые занавески больших окон и солнце осветило конференц-зал, в нем оказалось больше евреев, чем дипломатов. Напряжение было велико.

Делегат Колумбии смотрел в будущее: «Вопрос в том, удастся ли нам принять беженцев, установить для них квоту или мы ограничимся теоретическими декларациями доброй воли». Произошло именно второе. У каждой страны была своя отговорка. Австралийцы боялись, что на их малонаселенном континенте из-за этого снизятся зарплаты, что вызовет протест профсоюзов. Делегат Чили говорил не на французском языке конференции, а на чилийском варианте испанского, так что мало кто понимал его философствования:

⁶⁶ ⁶⁶ Это неверно. Миф о Палестине как о «земле без народа» — один из «основополагающих мифов израильской политики», см. одноименную КНИГУ Р. Гароди. (Прим, переводчика.)

Англичане, которые разрывались между декларацией Бальфура 1917 г. и своей потребностью в арабской нефти, согласились наконец впускать в Палестину любого еврея, который привезет с собой 1000 фунтов стерлингов, а также впускать ежемесячно 1500 неимущих евреев. Уполномоченные Еврейского агентства в Берлине наперегонки с СС фабриковали палестинские паспорта и документы о гражданстве других стран. Благодаря этим мелким уловкам число еврейских поселенцев в Палестине удвоилось.

«Вопрос об этом переселении народов — это вопрос производства и безработицы. Было бы рискованно и не соответствовало бы интересам рабочих увеличивать предложение рабочей силы и тем самым производство, особенно если нет потребителей продукции».

Из Перу приехал маленький, сутулый историк, который стал рассказывать об истории своей страны, где индейцы сплотились «вокруг испанского ядра». «Мы должны сохранить нашу страну католической и латинской», — заключил он, и наблюдатель от Ватикана согласно кивнул. В конце выступил тоже ударившийся в историю представитель США, которые, кроме инициативы созыва этой конференции, до тех пор никак себя не проявили: «Как и всегда, США подают нам и здесь пример осторожности и мудрости. До 1890 г. они легкомысленно и беззаботно открывали двери перед всеми иммигрантами без разбора. Однако позже предусмотрительное законодательство приостановило поток иммигрантов, сначала в 1921, потом в 1924 году. Почему США ввели эти ограничения? Прежде всего ради обеспечения иммиграции без ущерба для самих иммигрантов, но одновременно — для защиты нашего нордического наследия и англо-саксонской расы». Разумеется, организатор конференции Рузвельт думал не столько о «нордическом наследии», сколько о сионистском, палестинском решении обсуждаемой на ней проблемы.

Швейцарию на конференции представлял начальник полиции, который, понятно, говорил не как дипломат:

«Вы забыли, что Швейцария в первую мировую войну приняла 150.000 детей? Теперь мы бедны и у нас много безработных. Каждый швейцарец отдает не менее 40 франков в год на наши нужды. Многие из нас вынуждены из-за этого эмигрировать. Поэтому мы не можем разрешить беженцам остаться в нашей стране».

Никарагуа, Коста-Рика, Гондурас и Панама сделали совместное заявление:

«Ни одно из четырех государств не может взять на себя финансовую заботу об устройстве хотя бы одного беженца. Коммерсантов и интеллектуалов у нас и так уже сверх меры, для нас это нежелательные элементы».

Во время этой конференции арабы показали испуганному миру, что они не хотят больше евреев в Палестине. 7 июля 1938 г. произошли столкновения на границе Трансиордании, в Хайфу направились два английских крейсера. 9 июля в дело вступил 11-й гусарский полк английской армии. К вечеру были убиты 12 евреев и 52 араба и 24 еврея и 145 арабов тяжело ранены.

Незадолго до окончания конференции Британская медицинская ассоциация пригрозила забастовкой:

«Ни один член сословия медиков не хочет видеть нашу страну наводненной эмигрантами».

В то время на 1000 английских врачей приходилось всего три врача-беженца.⁶⁷

Заключительная резолюция Эвианской конференции констатировала, что «вынужденная эмиграция достигла таких размеров, что это мешает смягчению международных отношений и усиливает международную напряженность». Собравшиеся поблагодарили президента США как инициатора и Францию как страну, где проходила конференция, упаковали свои чемоданы и перед отъездом на родину посвятили кто одну, кто две ночи удовольствиям в Женеве, на другом берегу озера.

Немецкая и иностранная пресса были почти единогласны в оценке этого еврейского провала. Газета «Фёлькишер беобахтер» была довольна, что дело явно идет к палестинскому решению, и ликовала: «Общий результат — макулатура». В остальном для этого гитлеровского печатного органа Эвиан был «еврейской конференцией»:

«К чести представителей большинства правительств следует сказать, что они старательно избегали антигерманской полемики в связи с тем, что большинство еврейских эмигрантов едет из Германии. Государства стараются защитить себя от притока евреев, потому что ясно осознают недостатки ожидания».

«Нью-Йорк таймс» сетовала:

«Если 32 государства, которые называют себя демократиями, не могут согласовать план, как спасти 200.000 беженцев, то исчезает всякая надежда, что они вообще могут достичь согласия по какому-либо вопросу».

Только Колумбия, представитель которой вначале питал столь большие надежды, немного приоткрыла двери. Но когда приехал Кауль, сегодня главный защитник ГДР, его быстро упрятали в тюрьму за ложное банкротство. Недовольный этим еврейский юрист поехал дальше, и сегодня ему ненавистны американцы всех мастей.

Прошло несколько месяцев, и 7 ноября того же 1938 года в Париже молодому еврею Гершелю Грюншпану стукнула в голову милая идея застрелить 3-го секретаря немецкого посольства Эрнста фон Рата. Перед судом Грюншпан рассказал о попытках французской полиции выслать его, о своем затруднительном финансовом положении и о разочаровании в своем гомосексуальном партнере Рате. Никто ему за это неполитическое преступление ничего серьезного не сделал, в том числе и полиция Гейдриха, которая позже поймала его, а в конце войны позволила ему бежать.⁶⁸ Зато Гитлер принял серьезные меры против еще остававшихся в Германии евреев и использовал против них этот случай, как в 1933 г. поджог рейхстага против коммунистов.

Днем 9 ноября, когда по традиции старые борцы движения в память о путче 1923 года собрались вокруг фюрера в мюнхенской пивной «Хофбройхаус», было совершено покушение на доколе неизвестного дипломата фон Рата. Известие об этом дошло до пивной, и Гитлер с Геббельсом стали о чем-то перешептываться.

⁶⁷ Arthur D. Morze, «Die Wasser teilten sich nicht», Rutten und Loening Verlag 1967, S. 195.

⁶⁸ Фридрих Карл Кауль «Дело Гершеля Грюншпана», изд. Академия, 1965, стр. 135: «Напрашивается вывод, что в службе безопасности Гейдриха не хотели, чтобы состоялся процесс Грюншпана. Служба безопасности постоянно сопротивлялась организации этого процесса».

Обергруппенфюрер СС барон фон Эберштейн подумал, что происходит срочное совещание. Фюрер удалился, а Геббельс объявил:

«Я только что сообщил фюреру, что в некоторых областях Германии уже происходят антиеврейские акции. Мы считаем, что, если это происходит стихийно, этому не нужно мешать».

После коротких телефонных переговоров с гауляйтерами через несколько часов во всех областях начались «стихийные» выступления. Из тысячи штурмовиков лишь один в штатском принимал участие в погромах еврейских квартир и лавок и поджогах синагог. Уличная толпа орала и грабила. К Гитлеру сообщения поступали непрерывно на его частную квартиру на Принцрегентенплац в Мюнхене, и собравшимся там художникам и артистам он казался «крайне возбужденным и ошеломленным». Когда ему сообщили, что происходит во всех больших городах, он отдал полиции приказ вмешаться.

Геринг, уполномоченный по четырехлетнему плану, сказал:

«Мне надоели эти демонстрации. Это последнее свинство, которое я покрываю».

Делал это он своеобразно: за разрушения, виновником которых был один лишь Грюншпан, он наложил на всех немецких евреев штраф в миллиард марок.

Немецкий народ стоял в стороне от этого погрома и шутиливо назвал его «ночью разбитых стекол». ⁶⁹ А один еврейский коммерсант из Голландии при следующем визите к своему партнеру Дедерштедту похвалил немцев:

«Что за чистый, приличный народ! Им разрешили грабить, а они не стали».⁷⁰

Доклад Гейдриха Герингу был по-военному лаконичен:

«Во многих городах имели место грабежи еврейских лавок и контор. Во избежание дальнейших грабежей повсюду были приняты строгие меры. При этом за грабежи задержаны 174 человека. 191 синагога была подожжена, еще 76 полностью разрушены. Арестованы 20.000 евреев. Убитых 36, тяжелораненых тоже 36. Все убитые и раненые — евреи. Один еврей пропал без вести».

⁶⁹ 69В советской литературе название неправильно переводили как «хрустальная ночь» Прим. переводчика)

⁷⁰ 70Erwin Dederstedt, «Der Bruder aus dem Ghetto», Blick + Bild Verlag Velbert 1965, S. 76.

Президент Рейхсбанка д-р Яльмар Шахт искренне возмущался и сказал Гитлеру, приехав в Оберзальцберг: «Действия партии 9 ноября недостойны». За обедом он развил свой план: выделить из конфискованного еврейского имущества сумму в 1,5 миллиарда марок и передать управление этим фондом международному комитету, включив в него ведущих евреев. Под эту гарантию международное еврейство должно подписаться на заем, с прибыли от которого должна будет финансироваться эмиграция немецких евреев в западные страны.

«Führer des Großdeutschen Reiches» by Conrad Hommel, 1939.

Гитлер, будучи себе на уме и зная сионистов, сделал вид, будто он в восторге, и поверивший ему Шахт поехал в Лондон для переговоров с банком «Сэмюэль энд Сэмюэль». Лорд Бирстед, бывший Маркус Сэмюэль, попросил несколько дней на размышление и для совещания с председателем Всемирного сионистского конгресса Хаимом Вейцманом «Мешуге, — выругался вождь сионистов. — И кто, я-таки спрашиваю, поедет тогда в Палестину? Я предпочту увидеть гибель немецких евреев, чем гибель еврейского государства Израиль».

Шахт вернулся в Берлин совершенно ошарашенным. И на Нюрнбергском процессе он продолжал возмущаться: «Ни один немецкий еврей не погиб бы, если бы мой план был воплощен в жизнь».

Масштабы нелегальной иммиграции в Палестину бурно росли. Старые колесные пароходы или речные грузовые суда водоизмещением менее 500 тонн приставали ночью к берегу, и, прежде чем на следующее утро английские солдаты оцепляли это место, масса иммигрантов исчезала с помощью местных еврейских поселенцев и растворялась среди гор и долин. Поэтому британский верховный комиссар в Палестине запретил и легальную иммиграцию, а министр колоний Малькольм Макдональд так объяснил в палате общин 20 июля 1939 г. принятые строгие меры:

«Чрезвычайно увеличилась нелегальная иммиграция, и тысячи людей ожидают в портах на кораблях».

На этих кораблях разразилась эпидемия, и капитаны кораблей «Бреслау» и «Фессалия» получили от французских мандатных властей Ливана разрешение войти в Бейрут. Англичане остались непреклонными и не смягчили свою позицию, даже когда началась война.

Агент Эйхмана Шторфер нанимал старые корыта где только мог. А «Хагана», которая после «ночи разбитых стекол» послала для помощи Эйхману своих лучших агентов, Пино Гинзбурга и Моше Авербаха, брала на себя вместе с Моссадом, своей нелегальной разведывательной организацией, заключительную часть плавания и высадку. Англичане перехватывали эти старые корабли где только могли и направляли их в Хайфу. В ноябре 1940 г. они переправили всех захваченных ими за последние дни беженцев на сравнительно большой корабль «Патриа», чтобы на время войны депортировать их на юг. Корабль взорвался в гавани и затонул за 15 минут вместе с 260 бежавшими из Европы евреями.

За день до этого старый колесный пароход «Атлантик» с 1880 беженцами, среди которых было много женщин и детей из Данцига, Австрии и Чехословакии, был направлен в Хайфу. Еще на Кипре на борту корабля начался тиф, и 15 пассажиров умерли по пути с Кипра в Палестину. 1600 еще здоровых пассажиров «Атлантика» были в начале декабря силой доставлены на борт другого корабля и увезены на Маврикий, где они оставались до августа 1945 года.

Особенно свирепо вмешался в эти дела в Германии один человек, который благодаря своему греко-еврейскому происхождению видел на сто метров вперед против ветра. Адмирал Канарис, руководитель немецкой военной разведки и зарубежного шпионажа, вмешался во внутреннюю политику и предложил, чтобы все оставшиеся в рейхе евреи носили желтую шестиконечную звезду, как им предписывалось в разных странах в средние века.⁷¹ Эту идею он развил однажды в воскресенье в саду у соседа, старого товарища по флоту, с которым они в 1923 г. вместе ходили в море и который теперь тоже занимался грязной работой в секретных службах. Соседа звали Рейнхард Гейдрих. Он с воодушевлением воспринял идею Канариса, которая к июню 1941 года воплотилась в реальные полицейские меры. Он сделал и кое-что еще: приказал прикрепить к некоторым скамейкам в парках надписи «Только для евреев».

⁷¹ 71Dietrich Bronder, «Bevor Hitler kam», Hans Preiffer Verlag Hannover 1964, S. 347.

Wilhelm Franz Canaris (1887 — 1945)

Оба шефа секретных служб знали, что каждый из них хранит досье о еврейском происхождении другого в негорючем шкафу. Но это им не мешало, и вечером того же воскресенья Канарис варил для обеих семей морское блюдо, а Гейдрих играл на скрипке ноктюрн. Отмеченные звездами жались к углам на улицах, в кино и в продуктовых магазинах. И все реже немец мог ободряюще похлопать по плечу своего бывшего товарища: «Ты носишь свою звезду как Железный крест!»

Столь же нежелательными элементами с особыми отметками еще до введения в Германии желтой звезды были евреи и в Швейцарии, которая заявила еще в 1935 году: «Спасательная лодка полна». По приказу из Берна швейцарские консульства в Германии ставили евреям, которые просили въездную визу, на первой странице паспорта красную букву «Йот». Эти обозначения позволяли быстро переправлять их дальше. А во время войны швейцарские пограничники открывали чемоданы беженцев, тайком пробравшихся из Франции и Германии. Если они содержали 100.000 франков или их эквивалент в драгоценностях, беженцев оставляли, если нет — отправляли обратно в рейх. «Нет денег — никакой Швейцарии». Несколько лет назад швейцарские газеты разыскали одного старика, который во время войны заработал себе на всю оставшуюся жизнь. Будучи офицером полиции, он снабдил фальшивыми документами 3000 беженцев. Он досрочно ушел в отставку, тем не менее государство четверть века спустя предложило ему вознаграждение. Бравый офицер отказался.

13 мая 1939 г. капитан Густав Шредер покинул гамбургский порт на своем теплоходе «Сен-Луи» с 900 еврейскими беженцами на борту, которые купили у одного кубинца кубинские паспорта по 1000 долларов за штуку.

«Вы должны понять, почему так дорого, — объяснял добровольный помощник. — Приходится давать взятки целой банде».

В Гаване капитан Шредер объяснялся с местными властями, пока не пересохло горло, но ничего не помогло — паспорта были фальшивыми. Из Нью-Йорка приехал еврейский адвокат Беренсон с 45.000 долларов для кубинского президента Ларедо Бру, но тот остался на точке зрения закона. Беренсон обратился к президенту Рузвельту с просьбой разрешить отчаявшимся людям, которые снова болтались в море, въезд в США, но президент предложил действовать законным путем, т.е. отказал. Лишь издали люди, потерявшие надежду, увидели статую Свободы. Хорошо, что они не могли прочесть надпись на ней:

«Пришлите ко мне ваших усталых, ваших бедных. Пришлите ко мне всех бездомных и гонимых».

Шредер повернул свой корабль на Восток, и Европа снова увидела уставших от нее людей, которым не разрешили ступить на землю Америки.

Перед началом войны немцы начали высылать еврейских иммигрантов из Польши через восточную границу. Поляки долго отказывались их принимать и наконец прибегли к бюрократическому трюку: паспорта всех граждан Польши, живших за рубежом, были объявлены недействительными и требующими обновления. Когда польские граждане еврейской веры с надеждой приходили в польские консульства, их ждало горькое разочарование: их паспорта не продлевали, и они через минуту оказывались людьми без гражданства. Однако полиция Гейдриха продолжала их высылать, и польское правительство, обороняясь, пригрозило выслать из Польши всех граждан Германии.

Через год Польша была разбита за несколько недель и разделена согласно договору, заключенному незадолго до начала войны между СССР и Германским рейхом. Адвокат Франк, «полтинник», занимавшийся генеалогией своего фюрера, въехал в краковский королевский замок и вел себя как вице-король. Он именовался теперь генерал-губернатором и рейхсминистром; другие называли его «палачом Польши». Гейдрих и Эйхман вознамерились создать во владениях Франка государство в государстве, еврейское государство в польском теле. Они выбрали для этой цели округ Радом, и Эйхман сформулировал цель так:

«Мы сказали себе: „Вот чем мы располагаем“. А потом мы сказали себе: „Почему бы нам не переселить еще раз поляков, если их уже столько раз переселяли, и отдать здесь большую территорию евреям, так как именно восточные евреи — очень искусные ремесленники, надо лишь дать им возможность заниматься ремеслом. Для евреев из Австрии, Германии, протектората Чехии и Моравии это, плюс сельское хозяйство, могло бы стать возможным решением на некоторое время“.⁷²

На некоторое время — это значило тогда: пока Палестина не будет готова к приему евреев.

Прибывшие на место евреи были сразу напуганы словами Эйхмана и других основателей этого удивительного государства:

«Здесь фюрер даровал евреям новую родину. Здесь нет домов, но, если вы их построите, у вас будет крыша над головой. Источники во всей округе засорены, здесь свирепствуют холера, тиф и дизентерия, но, если вы просверлите скважины, у вас будет вода».

После таких устрашающих речей, которые имели мало общего с действительностью, евреев, находившихся в положении полузаклученных, начали настоятельно оттеснять к новой советской границе. Несколько выстрелов в воздух из автоматов произвели впечатление, и через один-два дня те, кто был здоров, двинулись в путь. В занятой советскими войсками части Польши их арестовывали по подозрению в шпионаже и отправляли в сибирские лагеря. После войны немецкие военнопленные имели возможность вспомнить в этих лагерях былые времена с выжившими евреями, которые когда-то жили в Вене или Чехии.

Весной 1940 г. генерал-губернатор Франк узнал, что происходит на этой границе, и возмущился:

«Генерал-губернаторство должно быть очищено от евреев так же, как и рейх».

⁷² Эйхман, иерусалимский процесс 1961 года, доказательство Т/37.

Он безжалостно выгонял всех туда, откуда они прибыли. Выгнанные из только что построенных ими домов евреи бежали во время войны из Польши в Вену, в чем им помогал Эйхман.

Проще было с немецкими евреями из старых поселений на Рейне, в частности в Сааре и Бадене. После победы над Францией Эйхман погрузил их в товарные поезда и отправил этот человеческий груз через еще одну новую границу, в неоккупированную часть Франции. Здесь евреев тоже не ждали и были рады, когда они при первой возможности садились на корабли и ехали дальше, в Алжир и Касабланку, в северо-западную Африку, где несколько немецких офицеров не столько занимались контролем, сколько наслаждались жизнью.

Несмотря на опасения, что они могут раскрыть политические или военные секреты, правительство рейха продолжало выпускать евреев до зимы 1941-42 годов. В октябре 1941 г. отплыл корабль на Лиссабон, а пути из Польши через Словакию и Венгрию к итальянским и югославским портам до указанного момента тоже были открыты. Через румынские порты и оттуда через Дарданеллы в Средиземное море можно было уехать на протяжении всей войны. Защиту от советских подводок в Черном море обеспечивал немецкий ВМФ, тральщики которого сопровождали пассажирские суда. Главный раввин Берлина д-р Исаак Гольдштейн, живший во время войны в Румынии, вспоминал:

«Я обязан сказать правду. С разрешения немецкого верховного командования мы отправили на кораблях под защитой Международного Красного креста более 30.000 евреев в Стамбул, откуда большая часть их через Сирию нелегально проникла в Святую землю, несмотря на тогдашние распоряжения англичан».⁷³

Болгарский корабль «Струма», который вез евреев в Средиземное море, потерпел бедствие, машины вышли из строя и капитан Горбатенко запросил разрешение у начальника стамбульского порта. Турецкие власти отказали в высадке даже когда узнали, что на борту началась дизентерия. И 24 февраля 1942 г. этот гонимый корабль стал легкой добычей советских торпедных катеров к северу от Босфора. 763 еврея утонули в Черном море, а из четырех спасшихся лишь один дожил до конца войны.⁷⁴

На протяжении всего 1942 года в румынских газетах печатались объявления агентств, предлагавших места на кораблях. В Бухаресте еврейское и правительственное эмиграционные бюро работали в одном здании, на одном этаже.

Министр иностранных дел рейха Риббентроп докладывал:

«Одновременно следует оставить на усмотрение посла в Анкаре фон Папена, если он сочтет это целесообразным уведомить турецкого министра иностранных дел Нумана, что пароход „Тарикс“, согласно имеющимся у нас данным, — это просто грузовое судно, он зафрахтован для перевозки в несколько рейсов 5000 евреев, и что одновременно еврейская сторона ведет переговоры о фрахтовке шведских и иных судов для вывоза 10.000 евреев».

⁷³ 73Georgette Goldstein-Laczko, «Die Geschichte des Rabbi Goldstein in Berlin», Heos-Verlag Tubingen-Paris 1961, S. 142.

⁷⁴ 74Jurgen Rohwer, «Die Versenkung der jüdischen Flüchtlinge transportier Struma und Mefkure im Schwarzen Meer (Februar 1942, August 1944)», Bernand und Graefe Verlag für Wehrwesen Frankfurt am Main 1964.

Но Турция и после гибели «Струмы» не была склонна идти навстречу. На запрос, может ли турецкое правительство разрешить 20.000 болгарских евреев проезд по железной дороге через территорию Турции, был получен ответ:

«У Турции не хватает транспортных средств».

3 августа 1944 г. три корабля, «Морина», «Бульбулы» и «Мефкуре» с еврейскими беженцами на борту вышли из Констанцы. Немецкий сторожевой катер сопровождал их до конца минных заграждений. Ночью их атаковала всплывшая на поверхность советская подводная лодка, с которой расстреливали из пулеметов людей, прыгавших за борт загоревшегося корабля «Мефкуре». Корабль утонул вместе с несколькими сотнями еврейских беженцев.

«Im Kampfgebiet das Atlantik» by Klaus Bergen, 1941

Когда великий муфтий Иерусалима Хадж Эмин эль-Хуссейни предложил Гитлеру в Берлине 28 ноября 1941 г. использовать арабский мир не только для актов саботажа и революций, но и сформировать арабский легион, Гитлер дал уклончивый ответ: это, дескать, может быть воспринято как посягательство на французскую колониальную империю. Гитлер оставался антисемитом, т.е. был настроен и против арабов, и он думал не только о Франции, но, в первую очередь, об интересах Италии на Средиземном море. Ему не нужны были миллионы арабов, Палестину он оставлял евреям. Об этом позже рассказал Балафредж, один из молодых борцов за арабскую независимость. Юнис Бари в вышедшей в Бейруте книге «Иси Берлин» подробно описал, как Гитлер постоянно обманывал надежды арабов.

Власти Германии отдавали и выполняли ужасные приказы. Страх обуял все местности и города, где жили европейские евреи, и многие из них снялись с родных мест. Те восточноевропейские евреи, которые не доехали до Румынии или боялись плыть по Черному морю, стекались в Венгрию. Перед началом войны евреев в этой стране было 400.000, в 1944 году их число превысило миллион. В марте этого года в Будапешт приехал Эйхман и сразу же вступил в контакт с «Ваадом», еврейской организацией помощи беженцам, о которой было известно, что она вывозит евреев из Венгрии по фальшивым документам. Из трех руководителей этой подпольной организации, инженера Комоли, публициста Кастнера и торговца трикотажными изделиями Иоуля Бранда, Эйхман выбрал последнего. Его уже знали в СС, в 1933 году он был арестован в Берлине после поджога рейхстага.

«Я могу продать Вам венгерских евреев», — предложил Эйхман и похвастался тем, сколько стран он уже очистил от евреев. Иоиль Бранд вспоминал на процессе Эйхмана в Иерусалиме 29 мая 1961 г.:

«Он вызвал меня, чтобы предложить мне сделку. Он был готов продать мне миллион евреев, товар в обмен на кровь, как выразился он тогда. Потом он спросил, сделав при этом ошибку, которая до сих пор звучит у меня в ушах: „Кого вы хотите: мужчин, способных к производству (вместо „способных к зачатию“)? Детей, стариков? Скажите“. Я вел себя не очень дипломатично, я был совершенно ошеломлен этим предложением. Я сказал, что не могу определять, кому оставаться в живых, а кому нет. Я хотел бы спасти всех. Тогда Эйхман сказал: „Итак, что ты предпочитаешь, товар или кровь? Больше миллиона я дать не могу, может быть, позже“. Я должен был поехать за границу и там вступить в прямой контакт с моими людьми. Он спросил меня, куда я хотел бы поехать. Я быстро прикинул, в Швейцарию или в Турцию, и выбрал Турцию, потому что знал, что там есть делегации разных групп пионеров и Еврейского агентства. Он согласился, но сказал, что еще не знает, какой товар ему понадобится. Он должен еще раз съездить в Берлин, чтобы получить окончательные инструкции, а я за это время должен поразмыслить, какой товар я мог бы ему предложить. Потом он добавил: „У Вас здесь есть жена, дети и мать. Они, разумеется, останутся в заложниках, пока Вы не вернетесь. С ними ничего не случится, я буду за ними наблюдать, это придаст мне уверенность, что Вы вернетесь“. Несколько дней спустя переговоры о сделке продолжились. Он сказал: „Итак, Вам нужен миллион евреев?“ Я повторил, что хотел бы спасти всех. Эйхман сказал: „10.000 грузовиков, т.е. 100 евреев за один грузовик; это недорого“. Но грузовики должны быть новыми, с комплектующими, с прицепами, и рассчитанными на эксплуатацию в зимних условиях. И если я хочу сделать еще что-нибудь особенное, он докажет свою признательность, но мы должны тогда отгрузить несколько тонн кофе, шоколада, чая, мыла и тому подобных товаров. Он сказал, что может клятвенно обещать нашим союзникам, что эти новые грузовики будут использоваться на восточном, а не на западном фронте. Я был ошеломлен и испытывал одновременно и отчаяние, и счастье. Я пробормотал нечто вроде: „Но кто мне поверит, кто даст мне 10.000 грузовиков?“ Все чувства во мне перемешались, я не могу описать свое состояние».

В знак доброй воли Эйхман выпустил из Венгрии в Швейцарию 1.700 евреев по списку Кастнера. Еще 100.000 должны были по возвращении Бранда и еще до поставки первых грузовиков прибыть на испанскую границу для последующей передачи испанским властям. В действительности их на шести поездах привезли в австрийские лагеря, прежде всего в Штрассхоф, где они дождались конца войны.

Бранд вылетел в Вену, получил от СС загранпаспорт, превратился в немецкого инженера Ойгена Банда из Эрфурта и прибыл в Стамбул. Протокол иерусалимского процесса — «процесса века» — от 30 мая 1961 г. рассказывает, чем кончилась попытка обменять грузовики на миллион человеческих жизней:

«Прокурор: Потом в Турции Вас арестовали?

Бранд: Да, при попытке въехать в город я был арестован.

Прокурор: **Потом вы поехали в Алеппо для встречи с Моше Шаретом? (Моше Шарет, он же Моше Шертук, был позже премьер-министром Израйля. — Прим. автора.)**

Бранд: **Нет, я поехал для встречи с ним в Иерусалим, так как у него не было визы для въезда в Турцию.**

Прокурор: **Когда вы пересекали турецко-сирийскую границу, Вы были арестованы британскими властями?**

Бранд: **Да, после того, как я пересек сирийскую границу и мы прибыли в Алеппо, я был арестован британской военной полицией.**

Прокурор: **Куда Вас доставили?**

Бранд: **В Каир.**

Прокурор: **Как долго Вас держали под арестом в Каире?**

Бранд: **Четыре с половиной месяца.**

Прокурор: **Этим закончилась Ваша миссия?**

Бранд: **Нет-нет, к сожалению, для меня она не закончилась.**

Прокурор: **Но Вы передали другим дела, которые Вы должны были сделать, и не вернулись в Венгрию?**

Бранд: **Да, я передал дела другим, мне не разрешили вернуться в Венгрию».⁷⁵**

Об ответе британского верховного комиссара в Палестине, который был дан Бранду в Каире, прокурор из дипломатической вежливости умолчал. А лорд Мойн сказал буквально следующее:

«Как Вы себе это представляете, мистер Бранд? Что я буду делать с этим миллионом евреев? Куда мне их девать? Кто возьмет этих людей?»

За этот ответ два молодых еврея убили лорда Мойна в Каире среди бела дня. А отважный, преданный Иоиль Бранд после своих показаний о своей неудавшейся миссии внезапно умер от сердечного приступа.

Для демократов не может быть никаких табу и запретных тем. И после изучения фактов мы можем констатировать, что на палестинском фронте Гитлер, Гейдрих и Эйхман стояли плечом к плечу с сионистами, а Чемберлен, Черчилль и позже Бевин — плечом к плечу с арабами, поставщиками нефти.

⁷⁵ 75Протокол допроса Иоиль Бранда на иерусалимском процессе (57-е заседание 30 мая 1961 г.).

Глава 13**Просчет и ответный огонь**

Подобно тому как первая мировая война стала неизбежной после того, как Франция нарушила соглашение конференции в Альхесирасе и сделала Марокко своим «протекторатом», так и вторая мировая война стала неизбежной после того, как Германия нарушила мюнхенские соглашения и превратила Чехию в Имперский протекторат Богемия и Моравия.

Что почувствовали участники мюнхенской конференции, Англия и Франция, во время немецкого марша на Прагу в марте 1939 г., лучше всего выразила нота, которую советский наркоминдел Литвинов-Финкельштейн передал немецкому послу в Москве 18 марта 1939 г.:

«Оккупацию Чехии немецкими войсками и последующие действия германского правительства следует рассматривать как произвольные, насильственные и агрессивные».

Гитлер тем самым изменил идею национал-социализма, и это напугало всю Германию, Для немцев национал-социализм был верой в социализм в их стране, о чем говорил фюрер в десятках своих речей:

«Сознательно выступая как немецкий национал-социалист, я хотел бы заявить от имени национального правительства и движения национального возрождения в целом, что именно нам, в нашей молодой Германии, глубоко понятны такие же чувства и обоснованные притязания других народов. Нынешнее поколение этой молодой Германии, которое раньше знало только бедствия, нищету и горе своего народа, слишком страдало от чужого безумия, чтобы вознамериться устроить такую же жизнь и другим. Испытывая безграничную любовь и верность нашим собственным национальным началам, мы уважаем национальные права и других народов, руководствуясь тем же сознанием, и всем сердцем хотим жить с ними в мире и дружбе. Поэтому мы не знаем такого понятия, как германизация».⁷⁶

Министр пропаганды д-р Геббельс утопил начинающийся в народе ропот в море речей и газетных статей об этой «стратегической необходимости». И кто захотел бы, чтобы вклиненная в территорию Германии Чехословакия стала «советским аэродромом»? После этого промывания мозгов зазвучало столь же громко, как и прежде: «Фюрер приказал — мы повинемся».

Но англичане были иного мнения: «С этим Гитлером нельзя иметь дело». Через несколько дней после оккупации Чехии они гарантировали Польше ее границы, в неприкосновенность которых больше не верилось, несмотря на действующий польско-германский пакт о ненападении. Через несколько месяцев после этого разразилась вторая мировая война, которая унесла 50 миллионов человеческих жизней.

⁷⁶ 76 «Фёлькишер беобахтер», Мюнхен, 18 мая 1933 г.

Гитлер считал, что к серьезному кризису нужно быть готовым лучше всех. Для этого, во-первых, быстро создавалась самая современная армия в мире, которая использовала войну в Испании для испытания своих новых танков и штурмовиков, и, во-вторых, не стеснявшемуся в средствах Гейдриху удалось в те же годы уничтожить без единого выстрела военное руководство самого могущественного из возможных противников — Советского Союза.⁷⁷

Когда Гейдрих насобачился на фальшивках, устранив с их помощью Рема, сторонника оборонительной и противника наступательной стратегии, он использовал то же оружие для уничтожения советской военной элиты. Он пригласил специалиста по изготовлению фальшивок, механика из Гамбурга Альфреда Науекса, который незадолго до этого совершил политическое убийство при ликвидации подпольного передатчика Отто Штрассера недалеко от Праги. Гейдрих и Науекс собрали письма и документы с образцами почерка и подписями советских генералов, относящиеся к 20-м годам, когда рейхсвер «Секта» тесно сотрудничал с Красной армией. Они обратили особое внимание на тех красных генералов, которые теперь занимали высшие посты в военном руководстве СССР. Документы, составленные на языке русских военных 1937 года, излагали содержание переговоров между представителями советского и немецкого генералитета о свержении Сталина. С одобрения Гитлера и с помощью обманутого президента Чехословакии Бенеша эти фальшивки были направлены Сталину.

Чистка, которая началась с процесса маршала Тухачевского, стоила в одном лишь 1937 году жизни или свободы 90% советских маршалов и генералов, 80% высших руководителей и 35.000 офицеров. Немецкие коммунисты-эмигранты вынуждены были из осторожности верить в это. Номера в московской гостинице, где они (и в их числе Герберт Венер), останавливались, стали пустеть. Вечно недоверчивый кавказец, ставший вождем благодаря своей хитрости и жестокости, смахнул все фигуры с доски. Об этом позже рассказал Хрущев в своем знаменитом разоблачительном докладе.

Когда вследствие гарантий, данных Англией Польше, стало ясно, что Британская империя не расположена принять план Гитлера, по которому Восточная Европа отходит к Великой Германии, а Англия сохраняет свои заморские владения и продолжает свою многовековую политику «равновесия сил», не допускающую гегемонии ни одной континентальной державы, министр иностранных дел рейха фон Риббентроп в конце августа 1939 г. приехал в Москву. Сталин и его новый наркоминдел Молотов, не еврей, приняли немецкого посланца самым дружелюбным образом, и по возвращении в Берлин Риббентроп говорил, что чувствовал себя «словно среди старых партийных товарищей. Сталин в приподнятом настроении выпил бокал с крымским шампанским за здоровье Гитлера:

«Я знаю, как немецкий народ любит своего вождя».⁷⁸

Через несколько дней соглашение было достигнуто, и 23 августа 1939 г. стороны подписали т.н. германо-советский пакт о ненападении, который в действительности был пактом о нападении и о новом разделе Польши. Пять недель спустя, 28 сентября 1939 г., товарищи Сталин и Риббентроп поставили свои подписи на карте разбитой Польши. СССР забрал ее восточную половину, Германия — западную.

⁷⁷ Автор преувеличивает роль изготовленных Гейдрихом фальшивок. О подлинных причинах «дела Тухачевского» и чистки верхов Красной армии в конце 1930-х годов см. А. М. Иванов «Логика кошмара». М. РУССКИЙ Вестник. 1994. (Прим. переводчика).

⁷⁸ Dr. Philipp W. Fabry, «Der Hitler-Stalin-Pakt 1939-1941», Fundus-Verlag Darmstadt 1962, S. 81.

На Нюрнбергском процессе, который устроили по окончании войны победители, смутное понятие «агрессивной войны» было столь же щекотливым, как и прочие обвинения в «военных преступлениях». Судьи выкрутились из положения и запретили пользоваться при слушаниях аргументом: «И ты, Брут!»

С Польшей, не в последнюю очередь из-за английских гарантий, не удалось договориться по вопросам о немецком вольном городе Данциге, о польском коридоре, от притязаний на который Гитлер многократно отрекался, и о доступе к Восточной Пруссии. Воинственный настрой Гитлера против этого государства, возродившегося после первой мировой войны, объяснялся в большей степени тем фактом, что в Польше было больше евреев, чем в любой другой стране мира. И это у границ Германского рейха!

Когда Гитлер предложил выслать 4 миллиона польских евреев, поляки послали на Мадагаскар комиссию, которая по возвращении доложила, что **климат там неподходящий**, хотя уже имелось принципиальное согласие министра иностранных дел Франции Жоржа Боннэ. Тогдашний польский министр иностранных дел полковник Бек считал этот вопрос очень важным для немецко-польских отношений и обещал в свое время рассказать о деталях переговоров по еврейскому вопросу. Кое-что об этом можно найти на стр. 42 вышедшей позже в Лондоне «Польской Белой книги».

На следующий день после заключения германо-советского пакта Гитлер, уверенный в том, что победителей не судят, опять позвал к себе Гейдриха, а тот вызвал в свой командный центр на Принцальбрехтштрассе в Берлине готового на любую подлость Науекса, к тому времени уже штурмбанфюрера СС (это ранг штабного офицера). Речь шла о «консервах», как называли они трупы людей, только что убитых в концлагерях.

Вечером 31 августа 1939 г. Гейдрих с помощью Науекса и его эсэсовцев, переодетых в польскую форму, организовал нападение на радиостанцию немецкого города Глейвиц в Верхней Силезии и тем самым развязал вторую мировую войну. Науекс докладывал:

«Мы стреляли из пистолетов в помещении радиостанции. Мы сделали пару предупредительных выстрелов в потолок. А потом мы поспешили начать передачу».

Передача Науекса шла на польском языке. Она состояла из пустых угроз и предрекала, что польские войска скоро возьмут Берлин. На месте остались продырявленные пулями «консервы» в польской военной форме. На следующее утро Гитлер посередине своей длинной речи перед рейхстагом сказал об этом событии так:

«Сегодня ночью на нашу территорию напали солдаты регулярной польской армии. В 5.45 мы открыли ответный огонь».⁷⁹

Он сам заблуждался. В действительности немецких солдат подняли в это утро раньше и уже в 4.45 они маршировали, повинясь приказу, по пыльным дорогам Польши, которая якобы нарушила мир.

Старый друг Геринга, честный швед Биргер Далерус, который в эти последние дни курсировал между Берлином и Лондоном, пытался спасти мир. Но его усилия были напрасны. 3 сентября 1939 г. Англия и сразу же вслед за ней Франция объявили войну Германии. Когда ошеломленный Гитлер услышал от Далеруса, что его заверениям больше не верят, прижал левую руку к груди и воскликнул: «Идиоты! Разве я хоть раз в жизни солгал?»

⁷⁹ Текст DVB от 1 сентября 1939.

Через два дня, 5 сентября, президент Еврейского агентства Хаим Вейцман сделал заявление, которое всеми было воспринято как объявление евреями войны:

«Я хотел бы самым решительным образом заявить, что мы, евреи, стоим на стороне Великобритании и будем сражаться за демократию. Еврейские представители готовы немедленно заключить соглашения и использовать все свои человеческие силы, всю технику, все свои вспомогательные средства и способности».

Почему англичане и французы в эти первые сентябрьские дни 1939 года не атаковали Германию — чего Гитлер боялся и что могло привести к окончанию войны через несколько недель — остается загадкой. Немецкий Западный вал не был сплошной линией, он был закончен лишь наполовину и его обороняли лишь 30 слабых, неполных дивизий, укомплектованных плохо обученными резервистами старших возрастов. Танки и авиация рейха были заняты в Польше. Против них одна лишь Франция имела 110 обученных, хорошо вооруженных дивизий, и Англия почти беспрепятственно переправляла через Ла-Манш дивизии своих профессиональных солдат. Черчилль воззвал в день объявления войны по радио: «Эта война — война Англии. Ее цель — уничтожение Германии. Вперед, воины Христа!»

Но ни один из этих воинов не перешел в эти дни через Рейн, и английский военный историк Лиддел Гарт констатирует: «Немецкие генералы были удивлены и вздохнули с облегчением, когда ничего этого не случилось». Разгадка этой «странной войны» заключается в том, что воинственные призывы были в те дни в Западной Европе не очень-то популярны. «Умирать за Данциг?» — спрашивали французы и не хотели умирать за этот далекий город. И чувства англичан не подогревали ни гарантии, данные Польше их правительством, ни сочувствие Польше, режим которой они считали диктаторским.

18-дневная кампания против Польши закончилась через 4 недели капитуляцией Варшавы, и, когда на семнадцатый день на территорию Польши вступили советские войска, Англия и Франция не объявили войну СССР.

По окончании боев Гитлер предложил мир. 6 октября, выступая перед рейхстагом, он задал западным державам вопрос: «За что должна теперь вестись война на Западе? За восстановление Польши? Но Польши Версальского договора никогда больше не будет. Это гарантируют два величайших государства Земли». В двух последних фразах Гитлер был прав.

Западная Польша стала немецким генерал-губернаторством, а ее генерал-губернатором — бывший юрисконсульт Гитлера, «полтинник» Ганс Франк. Еще до конца года 300.000 евреев были выселены из присоединенной к Германии Западной Пруссии, бывшего Данцигского коридора. Смешанная советско-эсэсовская комиссия разыскивала на советской территории «фольксдойче» и переселяла их в новую немецкую провинцию.

Для ведения войны нужны железная руда и нефть. Соревнование за персидскую нефть выиграли в августе 1941 г. англичане, которые за три дня разбили маленькую иранскую армию и сослали дружественно относившегося к немцам шаха Реза Пехлеви в Южную Африку, где он вскоре умер. Соревнование за скандинавскую железную руду, которая в основном поступала из Швеции, выиграли немцы.

8 апреля 1940 г. большая часть британского флота выступила в поход, чтобы посредством высадки в Норвегии прервать эти жизненно необходимые для Германии поставки. На следующий день немецкие войска перешли границу Дании, которая в тот же день капитулировала. Король и правительство остались на своих местах. Северный Шлезвиг, который был передан Дании по Версальскому договору, Германия отбирать у нее назад не стала. После ожесточенного сопротивления норвежской армии и высадившихся союзных войск Норвегия через несколько недель оказалась в руках немцев и оставалась у них до конца войны. Особое облегчение после этой кампании почувствовал Советский Союз. Причины этого можно узнать из доклада, который послал из Москвы 11 апреля 1940 г. германский посол граф фон дер Шуленбург:

«Наша скандинавская акция должна принести советскому правительству огромное облегчение. У него буквально камень с души свалился. Советское правительство уже видело англичан и французов на берегах Балтийского моря и ожидало, что снова будет поднят финский вопрос, как обещал лорд Галифакс. Сегодняшняя длинная и поразительная статья в „Известиях“ о нашей скандинавской акции звучит как сплошной вздох облегчения».⁸⁰

⁸⁰ 80Walther Hubatsch, «Weserubung», Gottingen 1960, S. 531.

Когда в Северной Норвегии горные егеря генерала Дитля еще сражались с англичанами, Гитлер отдал приказ начать наступление на Западе. На заре 10 мая в атаку пошли штурмовики, парашютисты и танки, и за один день большая часть 135 немецких дивизий перешла границы Голландии, Бельгии и Люксембурга, чтобы вторгнуться во Францию.

«Leutnant Matl» by Adolf Lamprecht, 1944

Самый компетентный английский военный историк Лиддел Гарт так смотрит на эти события:

«Армии Гитлера не обладали тем большим превосходством, которое им приписывали, наоборот, они по численности уступали тем, которые им противостояли. Решающее значение имели танковые прорывы, хотя у немцев было меньше танков, чем у противника, и они были хуже. Только в воздухе немцы имели превосходство, и это оказалось важнейшим фактором».

О первом использовании парашютистов и грузовых планеров под командой капитана Коха генерал люфтваффе Штудент рассказал Лидделу Гарту следующее:

«И операция на канале Альберта была личной идеей Гитлера. Это была, может быть, самая оригинальная идея этого человека, которому часто приходили на ум внезапные мысли. Внезапную атаку на форт Эмель осуществил небольшой отряд из 78 парашютистов под командой лейтенанта Витцига. Этот отряд совершенно внезапно высадился на форт

и взорвал бронированные двери и казематы со всеми орудиями с помощью нового взрывчатого вещества большой силы, которое до того держалось в секрете».

Удачный план танкового прорыва через Арденны во Францию в 1940 году Гитлер приписывал себе: «Из всех генералов, с которыми я говорил о новом плане войны на Западе, Манштейн был единственным, кто меня понял». Лиддел Гарт замечает:

«Это был смелый план — послать танки и мотоциклистов через такую местность, которую традиционно мыслящие стратеги долго считали непроходимой. Но это увеличило эффект внезапности, а густые леса помогли скрыть силу удара».

Поведение Гитлера, когда он дал приказ позволить британскому экспедиционному корпусу уйти из Дюнкерка, становится понятным лишь в свете его речей о тогдашнем противнике в 30-х годах: «родственная нация», «германская нация», «германские расы должны держаться вместе». Своим удивленным генералам Гитлер объяснил, что Британскую империю можно сравнить с римско-католической церковью: обе они необходимы для всеобщей стабильности.

Пока Гитлер философствовал таким образом, более 300.000 английских солдат на парусных яхтах, рыбацких лодках и прогулочных пароходах возвращались в «добрую, старую Англию» и авиация Геринга не беспокоила их во время этой разрешенной фюрером морской прогулки.

Некоторые военные историки рангом ниже полагают, что Гитлер хотел дать своим солдатам и танкам трехдневную передышку, но это было не в его стиле, когда речь шла о принятии военных решений. Лиддел Гарт гораздо ближе к истине:

«Многие из тех, кто ускользнул, спрашивали себя потом, как это могло стать возможным. Ответ таков: их спасло вмешательство Гитлера, когда ничто другое уже не могло их спасти. Его внезапный приказ остановил танки, когда с них уже был виден Дюнкерк, и удерживал их, пока британцы не отступили в свои порты и не оказались вне пределов их досягаемости».⁸¹

Еще в 1937 г. Гитлер ясно дал понять командованию вермахта, что Великая Германия — это лишь предварительный этап на пути к созданию Великогерманской Империи.

⁸¹ 81B. N. Liddell Hart, «Jetzt dürfen sie reden». Stuttgarter Verlag 1948, S. 172.

Benito Mussolini & Adolf Hitler

10 июня Муссолини объявил войну уже поверженной Франции. 32 итальянские дивизии, разумеется, не смогли преодолеть сопротивление трех французских дивизий, которые обороняли французскую границу. Но это не помешало дуче требовать в качестве военной добычи весь французский флот, часть Алжира, весь Тунис, Корсику и территорию до Роны в качестве оккупационной зоны.

Говорят, Гитлер во время войны был только полководцем, а не государственным деятелем. Однако ему удалось развеять у Муссолини эти сны наяву. В Западной Европе, где почти не было восточных евреев, Гитлера не интересовали территориальные приобретения. Итальянский министр иностранных дел Чиано писал:

«Меня нельзя заподозрить в особо нежных чувствах к Гитлеру. Но он говорит сегодня в столь умеренных тонах, что после такой победы, какую одержал он, это воистину удивительно».

В Компьеньском лесу Гитлер продиктовал своему начальнику штаба, генерал-полковнику Кейтелю, условия перемирия:

«Франция после героического сопротивления побеждена в кровопролитных битвах и развалилась. Но Германия не намеревается в ходе переговоров о перемирии навязывать столь отважному противнику унижительные условия. Целью немецких требований является, во-первых, предотвратить возобновление боевых действий; во-вторых, обеспечить безопасность Германии, пока продолжается навязанная ей война против Англии, и в-третьих, создать предпосылки для нового мира, главным содержанием которого будет исправление той несправедливости, которая с применением насилия была совершена по отношению к Германскому рейху».

Продолжением войны против Англии были первоначально новые предложения о мире. На эти попытки влияло и то, что Советский Союз вопреки соглашениям воспользовался походом немецкой армии на Запад и присоединил к себе Эстонию, Латвию и Литву, а на юге — Бессарабию, поставив тем самым под угрозу снабжение Германии нефтью из Румынии.

Черчилль требовал от пилотов своей бомбардировочной авиации, чтобы они наконец «сняли перчатки». Война против женщин и детей началась немного позже. А в ответ на призывы к миру Черчилль приказал разбомбить французский флот в Орне (Алжир) и топить вчерашних союзников в волнах Средиземного моря.

Немецкие армии, которые в ходе французской кампании понесли меньшие потери, чем советские войска в зимней войне 1939-40 гг. против финнов, вели военную подготовку к оккупации практически беззащитной Англии. Но в эти месяцы, когда немецкий генералитет требовал вторжения в Англию, казавшуюся легкой добычей, Гитлер почивал на лаврах победителя в Берхтесгадене. Ева Браун, малышка из мюнхенского фотоателье его друга Гофмана, которого он произвел в профессора, была этим довольна. А неумолимый Эйхман сгонял оставшихся в оккупированной части Франции и на юго-западе рейха евреев в государство Петэна, откуда они через Марсель ехали дальше, в Северную Африку, где они чувствовали себя в безопасности, как в лоне Авраамовом.

План вторжения в Англию «Морской лев» Гитлеру не нравился. Даже в своей победной речи после французской кампании он говорил о мировой империи, «уничтожить или хотя бы нанести вред которой никогда не входило в его намерения». Британцы продолжали удивляться, что с ними ничего не происходит, и Лиддел Гарт резюмирует это в словах: «Хотя британская армия ускользнула из ловушки во Франции, она была не в состоянии оборонять Англию. Свое оружие она большей частью бросила при отступлении, а склады на родине были почти пусты. На протяжении следующих месяцев небольшая, плохо вооруженная английская армия и мощная немецкая армия, захватившая Францию, стояли друг против друга, разделенные лишь полоской воды. Но до вторжения дело не дошло». Гитлер обратил свой взгляд на Восток. И его неприязнь к плану «Морской лев» объяснялась не только его влюбленностью в «германскую» Англию, но и его страхом перед нападением усиливающейся России. Он стал разъезжать в поисках союзников, от которых ожидал помощи в предстоящей идеологической войне.

Встреча Гитлера с Франко в Пиренеях, на вокзале пограничного города Эндай в октябре 1940 г., кончилась тем, что Гитлер после этого сказал, что он скорее «позволит вырвать себе три или четыре зуба, чем снова примет участие в таких переговорах».⁸² И престарелого маршала Петэна, главу неоккупированной части Франции, Гитлер тоже не смог уговорить.

В следующем месяце в Берлин приехал Молотов, который знал о слабости Гитлера к Англии, и открыто предъявил новые советские требования, касавшиеся интересов СССР в Финляндии и Румынии, посылки советских войск в Болгарию и создания опорных пунктов на Дарданеллах. Гитлер увидел, что угроза необходимым для продолжения войны поставкам нефти из Румынии усиливается, и испугался. Он не поверил своим ушам. Продолжавшееся ровно год советско-германское взаимопонимание закончилось. Можно быть уверенным в том, что после отъезда Молотова из Берлина план «Морской лев» исчез из мыслей Гитлера и ими завладел план нападения на Советский Союз «Барбаросса».

Снова начались попытки достичь соглашения с Франко, о происхождении которого от западных евреев и о финансировании которого одним балеарским евреем Гитлер знал еще с начала гражданской войны в Испании. Посланником Гитлера был глава военной разведки адмирал Канарис, человек греко-еврейского происхождения, который благодаря кровному родству поддерживал особенно сердечные отношения с испанским каудильо. Оба они не вполне соглашались с идеей Гитлера — с помощью элитарного меньшинства западных евреев выгнать из Европы массу восточных евреев — хотя Испания позже, после начала истребления евреев, принимала у себя лишь тех из них, кто мог доказать свое происхождение от западных евреев.

С этого момента Канарис и Франко начали ставить на английскую карту. Канарис убедил колеблющегося Франко при встрече 7 декабря 1940 г. в Мадриде не уступать желаниям Гитлера и не нападать на Гибралтар. Тем самым Англия получила свободу рук на Средиземном море, и последующие кампании в Северной Африке и

⁸² 82«Ciano Diplomatic Papers», London 1948, S. 402.

Италии были немцами проиграны. Изложенное здесь основывается на изданных в 1950 г. в Мюнхене «Воспоминаниях» дипломата Эрнста фон Вейцеккера и на словах того же Лиддела Гарта:

«Мы знаем, что адмирал Канарис, глава немецкой секретной службы, который позже был казнен, принял ряд тайных мер, чтобы помешать целям Гитлера. Мы знаем также, что Канарис шел таинственными путями и умел искусно заметать следы».

Очень поздно, лишь к концу войны, Гитлер понял, что вступление в войну Италии было главной причиной поражения Германии. В своем идеологическом упрямстве и потому, что он путал современных итальянцев с древними римлянами, главнокомандующий вермахта не учел уроков истории, иначе он бы помнил о том, что Италия почти в каждой войне меняла фронт, а если война длилась долго — даже не один раз, возвращаясь в итоге к первоначальному союзнику. В результате немецкие танки и пехота двигались через пески Северной Африки, где они ничего не потеряли, когда Муссолини открыл там фронт, который уже через несколько месяцев, в декабре 1940 г., опасно зашатался. Но гораздо серьезней было то, что было потеряно время для нападения на Советский Союз, что предположительно привело к проигрышу войны, вследствие того что Италия открыла еще один фронт, на этот раз против Греции.

Когда итальянцы, как обычно, начали отступать на греческом фронте, начало операции «Барбаросса» пришлось перенести на четыре решающих недели. А когда в том же 1941 году зима началась на четыре недели раньше, стало ясно, что бог войны, как выразился генерал Йодль, отвернулся от Германии и перешел в другой лагерь.⁸³

Подготовленным к наступлению на Советский Союз немецким войскам пришлось весной 1941 года исправлять на Балканах ситуацию, испорченную Италией. Итальянская агрессия против Греции вызвала высадку там английских войск. Болгарию мирно оккупировали немецкие войска. В Югославии произошел военный переворот и ее прежде хорошие отношения с Германией превратились во враждебные; эта проблема была решена военным путем. Капитуляция Греции и изгнание британского экспедиционного корпуса были вопросом времени, однако были потеряны драгоценные недели. Было известно, что русские дороги уже ранней осенью превращаются в месиво, и, когда утром 22 июня начался великий поход на Восток, многие скептики уже сомневались в возможности нанести смертельный удар.

Знал об этой опасности и Гитлер. Летом 1941 года он, как политик и полководец, оказался в положении шахматного игрока, который своим следующим ходом неизбежно вызовет «шах» противника. И в шахматах, и на войне нельзя делать два хода одновременно. Немецких сил хватало для победы над противником на Востоке, на Севере, на Западе и, наконец, на Юге Европы — но лишь попеременно, а не одновременно.

Время работало, как Гитлер хорошо понимал, против него и подпирало. Восток начал мобилизовывать свои огромные людские, а Запад — свои огромные материальные ресурсы. В народном анекдоте старая матушка спрашивает местного руководителя НСДАП, глядя на карту мира, что означает это огромное темно-зеленое пятно? «Россия», — отвечают ей. А большие части карты, покрытые розовым и светло-зеленым цветом? «Это Британская империя и США». И когда старая женщина хочет узнать, а где же Германия, и палец партийного руководителя указывает на маленькое синее пятно в центре Европы, следует удивленный вопрос: «Скажите, а фюрер об этом знает?»

⁸³ Эти сведения сообщил лично автору Шульце-Лезум, которому в 1936 году в ходе переговоров с Гитлером в Байрейте удалось получить «юнкерсы», на которых марокканцы Франко были доставлены на фронт.

Он знал об этом и знал также, что упустил момент для осуществления плана «Морской лев». Англия оправились и стала получать по ленд-лизу оружие из США, которые передали ей 50 эсминцев и несколько подводных лодок. Для обеспечения поставок вооружения в Англию армия якобы нейтральных США захватила Исландию. Американские эсминцы вели огонь по немецким подводным лодкам, которые нападали на германские караваны.

Воздушная битва за Англию — «немецкая авиация должна всеми имеющимися в ее распоряжении силами как можно быстрее разбить английские ВВС» — была прервана после больших потерь. Британская бомбардировочная авиация начала теперь войну против немецких женщин и детей «без перчаток», как того требовал Черчилль.

Колеблясь в выборе между планами «Морской лев» и «Барбаросса», Гитлер находился, с одной стороны, под влиянием своего великогерманского мышления и своей незаинтересованности в завоеваниях на Западе, а с другой — жажды земель на Востоке и стремления к борьбе против «недочеловеков», о чем он мечтал со времен своей жизни в Вене. «Пока Сталин жив, — думал тогда Гитлер, — опасности нет: он умен и осторожен. Но когда его не станет, евреи, которые сейчас находятся во втором и третьем эшелоне, могут снова выдвинуться в первый ряд». Это имело решающее значение, и Гитлер смотрел далеко вперед.

Если напасть на Англию, Россия может ударить в спину, — все время повторял он себе, — а если напасть на Россию, Англия вернется на континент. Решение Гитлера напасть на Россию было «самым трудным решением во всей его жизни».

Rudolf Hess (1894 — 1987)

«Reichsminister Rudolf HeЯ» by Walter Einbeck, 1939

В этот трудный момент помочь мог заместитель фюрера, его старый спутник Рудольф Гесс, сын английской еврейки, получивший английское воспитание в Египте, военный летчик, имевший хорошие связи с высшей

английской знатью. Только он мог бы договориться с Черчиллем, сыном американской еврейки, до мозга костей ненавидевшим коммунизм. Полету Гесса в Шотландию с всемирно-исторической миссией мира предшествовало письмо, которое основатель геополитики профессор Хаусхофер написал герцогу Гамильтону. Гесс объяснял своему адъютанту Карлгейнцу Пинчу:

«Вы знаете, что я один из старейших членов партии. Возможно, Вы знаете также, что в „Моей борьбе“ есть и мои мысли. Я думаю, Вы поверите мне, если я скажу, что знаю больше, о чем думает Гитлер, чем все остальные в его окружении. Он хочет, чтобы Англия оставалась сильной. Он хочет мира с Англией. Поэтому он не начал сразу же вторжение. Тогда мы легко могли бы это сделать. Мы давно уже пытаемся начать переговоры. Наш враг в настоящий момент не на Западе, а на Востоке. Опасность исходит оттуда. И фюрер сосредоточивает свои мысли в этом направлении. Я могу упасть в море. Меня могут подбить. Меня могут даже застрелить после посадки. Но, с другой стороны, если я достигну успеха, это буквально спасет жизни миллионов людей и будущее Германии».

5 мая 1941 г. Сталин произнес закрытую речь перед 500 выпускниками военных академий, которая не осталась в тайне и дошла до ушей Гитлера и Гесса, которые неверно оценивали Сталина:

«Если нам удастся (оттянуть вооруженный конфликт с Германией до осени), война с Германией почти неизбежно начнется в 1942 г., но в гораздо более благоприятных для нас условиях, так как Красная Армия будет тогда лучше обучена и лучше вооружена».⁸⁴

Через пять дней после этой речи, темной ночью 10 мая 1941 г. Рудольф Гесс, которому было тогда 48 лет, приземлился с парашютом около крестьянского дома недалеко от Дунгавела, шотландского поместья герцога Гамильтона. Его Мессершмитт-110 разбился в горах. На следующее утро герцог появился у постели больного — Гесс повредил ногу при прыжке — и тот тихо сказал:

«Я прибыл с миссией ради всего человечества, фюрер не хочет уничтожать Англию, он хочет закончить войну».

Миссия потерпела неудачу, Черчилль не стал вести переговоры, и Гесс с этого дня — вот уже более 30 лет — сидит в тюрьме.⁸⁵

Следует сделать должные выводы из того факта, что ни с профессором Хаусхофером, ни с женой Гесса тогда ничего не случилось. По указанию Гитлера Ильзе Гесс была назначена пенсия попавшего в плен министра.

Германский тыл на Западе из-за неудачи миссии Гесса не стал безопасным, но тем не менее германская армия в следующем месяце двинулась на Восток, чтобы согласно приказу фюрера № 21 — «плану Барбаросса» — «нанести поражение Советской России в ходе быстрой кампании».

⁸⁴ 84Документальные доказательства Нюрнбергского процесса, С. 134.

⁸⁵ 85На момент написания книги. Скончался при загадочных обстоятельствах в 1987 ГОДУ. (Прим. пепеводчика).

Ударение было сделано на слове «быстрой», и уже 11 сентября 1941 г. в 11.30 старший лейтенант Дариус, который вместе с группой армий «Север» и своей танковой ротой прошел с боями через Литву, Латвию и Эстонию, рапортовал: «Я вижу Петербург и море».

Утром 13 октября Щербаков, секретарь ЦК ВКП(б), выступая перед московским комитетом партии, когда собравшиеся уже слышали выстрелы пушек группы армий «Центр», сказал: «Мы не должны закрывать глаза. Москва в опасности».

А группа армий «Юг», взяв только в котле под Киевом 665.000 пленных, заняла в ноябре Харьков и Донбасс.

Советская авиация была практически уничтожена в первые дни войны. Русские потеряли тысячи своих танков. В первые 14 дней более миллиона советских солдат попали в немецкий плен. На 12-й день русского похода начальник немецкого Генерального штаба генерал-полковник Гальдер записывал в своем дневнике:

«Я не преувеличу, если скажу, что война против России выиграна за 14 дней».⁸⁶

Черчилль тоже считал вероятным скорое поражение России, когда 28 октября 1941 г. писал своему эвакуированному в Куйбышев послу сэру Стаффорду Криппсу:

«Я глубоко сочувствую Вашему тяжелому положению и России в ее беде. Но русские не имеют права упрекать нас. Они сами выбрали свою судьбу, когда своим пактом с Риббентропом спустили Гитлера на Польшу».⁸⁷

И тут грянули холода, какие и в России бывают лишь раз в сто лет. Зима внезапно наступила на несколько недель раньше обычного. Моторы немецких танков, которые двигались по грязи, и автоматы замерзали. При морозе минус 45° немецким солдатам выдавали зимние шинели без подкладки. Рукавиц и валенок не было, люди отмораживали руки и ноги.

⁸⁶ 86Franz Halder, «Kriegstagebuch III», Stuttgart 1964, S. 38.

⁸⁷ 87Winston Churchill, «Memoiren Band II», Erstes Buch, S. 375.

«Die letzte Handgranate» by Elk Eber, 1937

Остается загадкой, почему зимнюю одежду не подготовили своевременно. Теперь же на родине вдруг бросились собирать дамские меховые шубы. Волнение было столь велико, что прокурор Лельке, который и после войны был прокурором в Гамбурге, потребовал приговорить к смертной казни шофера молоковоза, купившего подержанные рукавицы. Но ответ на эту мнимую загадку прост: несмотря на задержку на Балканах, Гитлер и его Генеральный штаб легкомысленно полагали, что восточный поход будет обычным блицкригом и закончится до начала зимы.

Немецкий Генштаб и немецкая военная разведка — в отличие от немецких солдат — были уже не теми, что когда-то. С помощью интриг и фальшивок о связи с проституткой и гомосексуализме, изготовленных Гейдрихом, в начале 1938 г. были почти одновременно сняты со своих постов Верховный главнокомандующий вермахта и военный министр фон Бломберг и споривший с Гитлером главнокомандующий сухопутными силами фон Фрич. Абверу не удалось своевременно разоблачить старого коммуниста и советского шпиона д-ра Зорге, который был желанным гостем в немецком посольстве в Японии и информировал Сталина, что тот может без колебаний перебросить два миллиона солдат из Восточной Сибири, так как Япония не начнет войну против России.

Сибиряки в начале декабря 1941 г. изменили ход русской кампании и всей войны. Три армии, 1-я, 2-я и 20-я, состоявшие только из сибирских дивизий, были привезены с Дальнего Востока, и 5 декабря, в теплой зимней одежде, они перешли в наступление. Через 48 часов они стояли уже перед командным пунктом командира корпуса генерала Шааля, который позже вспоминал:

«Дисциплина пошатнулась. Все чаще встречались солдаты, отступавшие пешком, без оружия, волоча за собой теленка на веревке или санки с картошкой, без командиров. Психоз, почти паника охватила войско, привыкшее только наступать. Без продовольствия, замерзая, солдаты отступали куда глаза глядят».

Гитлер, который в эти дни должен был вспоминать об отступлении Наполеона из Москвы, сохранил самообладание, и генерал-полковник д-р Рендулиц писал об этом после войны:

«Главное командование сухопутных сил считало необходимым крупномасштабное отступление. Гитлер в течение 48 часов не принимал никаких донесений. Потом он собрал штаб и приказал: „Армия должна остаться на месте и лишь в том случае, если ее вынудят, постепенно отступить“.

Я хочу выразить свое мнение, основанное на моем личном опыте и разделяемое всеми, кто воевал на Восточном фронте: этим своим решением, принятым вопреки предложениям его советников, Гитлер спас армию от уничтожения».

В эти решающие дни войны ситуация ухудшилась. Президент США, которого Гитлер называл «богохульником», «главным поджигателем войны», «босьяком» и «величайшим военным преступником всех времен», нашел способ вступить в войну через заднюю дверь. Обещание, данное Рузвельтом американским матерям 30 октября 1940 г.: «Я уже говорил и повторю снова и снова: ваши мальчики не должны идти на чужую войну!», стало сомнительным уже тогда, когда его военные корабли стали сопровождать английские караваны и когда он 11 сентября 1941 г. объявил о «тренировочных стрельбах в Атлантике». Когда сибиряки громили немецкие дивизии под Москвой, Рузвельт пожертвовал американским тихоокеанским флотом, чтобы вопреки ясно выраженной воле американского народа получить возможность вступить во вторую мировую войну.

О Перл-Харборе Чарльз Каллан Тензилл пишет в своей книге «Задняя дверь в войну»:

«За одну минуту японские штурмовики разгромили все американские ВВС на Дальнем Востоке, в то время как 154 японских бомбардировщика на бреющем полете пролетали над портом и сбрасывали бомбы на гордый американский тихоокеанский флот. За три минуты были потоплены четыре линкора, пятый сильно поврежден и еще три легко повреждены».⁸⁸

Американский адмирал Киммел, отвечавший за Перл-Харбор, никогда не сомневался в том, что Рузвельт допустил это умышленно и он виновен в смерти почти 3.000 американских моряков. Киммел рассказывал зятю Рузвельта, полковнику Кертису Б. Доллу:

«В довершение всего поздней осенью 1941 г., незадолго до нападения министерство морского флота в Вашингтоне приказало откомандировать три моих авианосца. Один направился на о-в Уэйк, другой — на о-в Мидуэй, а третий — к побережью США. Таким образом, мой флот 7 декабря 1941 г. был лишен этих авианосцев. То, что я скажу Вам теперь, удивит Вас, полковник Долл, еще больше. Позже я установил, что японская боевая группа имела особый приказ: при приближении к Перл-Харбору еще до атаки развернуться и уйти в японские воды, если

⁸⁸ Charles Gallen Tansill, «Die Hintertur zum Kriege». Dusseldorf 1958, S. 698.

американские войска в Перл-Харборе будут своевременно предупреждены о нападении. Это, разумеется, объяснило мне, почему эта полученная в Вашингтоне крайне важная информация, содержащаяся в дешифрованных и переведенных радиопереговорах японцев, умышленно была утаена от командующих на Гавайях».⁸⁹

Таким образом, США вступили в войну с Японией, а с 11 декабря 1941 г. — и с ее союзницей Германией. Тем самым расстановка сил в Европе приблизилась к той конфигурации, какой она была в первую мировую войну, и будущие историки, возможно, будут описывать обе войны вместе как «Тридцатилетнюю войну» XX века.

Для Гитлера стало ясным, что со вступлением в войну Америки мировая война снова проиграна для Германии. Этот факт подтвердил генерал-полковник Йодль, начальник главного штаба вермахта, в годы войны ежедневно общавшийся с фюрером, на процессе в Нюрнберге:

«После зимней катастрофы 1941-42 гг. Гитлер не верил больше в победу».

В эти зимние дни, еще до Рождества, Германии объявили войну 12 государств, в том числе Китай, и ко всему прочему Роммель потерпел поражение в Северной Африке. Англичане быстро овладели всей Киренаикой. В день вступления США в войну Гитлер объяснял депутатам рейхстага события под Москвой:

«Как некогда греки защищали от Карфагена не Рим, римляне и германцы от гуннов — не Запад, германские императоры от монголов — не Германию, испанские герои от африканцев — не Испанию, а всю Европу, так и Германия сражается сегодня не за себя, а за весь наш континент».

О вступлении США в войну Гитлер сказал следующее:

«Рузвельт окружен евреями, которые в своей ветхозаветной алчности хотят превратить США в свое орудие, чтобы с его помощью устроить европейским нациям, которые становятся все более антисемитскими, второй пурим. Евреи во всей своей сатанинской низости кучкуются вокруг этого человека, а он опирается на них».

По Гитлеру, «целью Галилеянина было освободить свою страну от еврейского гнета». Он брал пример с этого шедшего на Землю 2000 лет назад Человека, и через два дня после упомянутой речи в рейхстаге, когда замаячила перспектива проигрыша войны, его вера в то, что он — новый мессия, окончательно прорвалась:

«Христос был арийцем. Но Павел использовал Его учение, чтобы

⁸⁹ 89Curtis B. Dali, «Amerikanische Kriegspolitik», Grabert-Verlag Tubingen 1972, S. 239.

мобилизовать низы и организовать некий прообраз большевизма. Если Бог есть, то Он дает не только жизнь, но и знание. Если я регулирую мою жизнь на основе данного мне Богом понимания, то я могу заблуждаться, но я не лгу».⁹⁰

Вера Гитлера в то, что он наследник Сына Божия, прорвалась наружу еще на празднике Рождества, устроенном мюнхенской организацией НСДАП в пивной «Хофбройхаускеллер» 18 декабря 1926 г.:

«Рождение Человека, которое празднуется сегодня, имеет для нас, национал-социалистов, огромное значение. Христос был нашим величайшим предшественником в борьбе против еврейского всемирного врага. Он был величайшим бойцом, какой когда-либо жил на Земле. Дело, которое Христос начал, но не закончил, я доведу до конца».

Розенберг, который в последние дни боев за Берлин еще возглавлял, курам на смех, Министерство оккупированных восточных территорий, писал в камере Нюрнбергской тюрьмы о своем покойном соратнике: «Она была заметна, эта вера в свое мессианство, когда он вернулся из заключения в Ландсберге, после прихода к власти она усилилась, а в конце войны приобрела явно патологические черты». Расолог профессор Ганс Ф. К. Гюнтер так обобщил свои впечатления:

«Сознание Гитлером своей миссии было в нем сильно, как в восточном человеке. Это сознание своей миссии делало его способным на поступки, которые были не по плечу другому».

По крайней мере, та часть Европы, которой владел Гитлер, от Северного Ледовитого океана до Сицилии, от Атлантики до Волги, должна была быть очищенной от евреев. Гейдрих тоже давно уже видел в фюрере нового Спасителя. Разве в нем самом и в фюрере, так же как в Иисусе, нет еврейской крови, и разве они, все трое, не «преодолели в себе еврея» и не объявили войну «порождениям ехидны»? У Гейдриха давно уже проявилась мания на религиозной и расовой почве, еще когда он заявил в разговоре с Гансом Берндом Гизевиусом, что в скором времени Адольф Гитлер станет тем же, кем раньше был Иисус Христос.

Гейдрих созвал конференцию по окончательному решению еврейского вопроса — для Гитлера это была «важнейшая задача вообще» — сразу же после этого месяца катастроф на озере Ванзее под Берлином. Отныне удерживание позиций на всех фронтах имело для Гитлера лишь один смысл: выполнить «богоугодное дело», провести в жизнь решения конференции на Ванзее. Гейдрих действовал через свои зондеркоманды, и когда его убили в Праге, Гитлер воспринял это как «проигранную битву». Есть свидетели, которые видели, как он плакал. Неумолимая война против евреев продолжалась.

Многие немецкие генералы утверждали после войны, что кампанию в России можно было бы выиграть, если бы их послушали. Автор данного исследования считает, что почти исключительно благодаря жестокой силе воли Гитлера, обуреваемого с венских времен ненавистью, проигранная война против враждебного мира продолжалась еще три с половиной года. В этом ему больше всего помогли министр народного просвещения и пропаганды д-р Геббельс, который умел находить для народа новые зажигательные лозунги, и министр вооружений Альберт Шпеер, который выпускал на разбомбленных заводах все больше танков, орудий, самолетов, бомб и гранат и доставлял их на фронты по разрушенным железным дорогам и мостам.

Герман Геринг, который стал рейхсмаршалом, а потом посреди войны предался праздной жизни, был уже не в счет. В народе его давно уже звали «Герман Майер», поймав его на слове: он сам, хвастаясь, велел добавлять к

⁹⁰ 90Henry Picker, «Hitlers Tischgespräche», Seewald-Verlag 1963, S. 38/39.

своему имени эту обычную фамилию, если хоть один вражеский самолет перелетит границу Германии. И Генрих Гиммлер, к тыловым эсэсовцам из концлагерей которого отважно сражавшиеся фронтовые дивизии СС испытывали лишь величайшее презрение, был для этих стальных солдат лишь «рейхс-Геня».

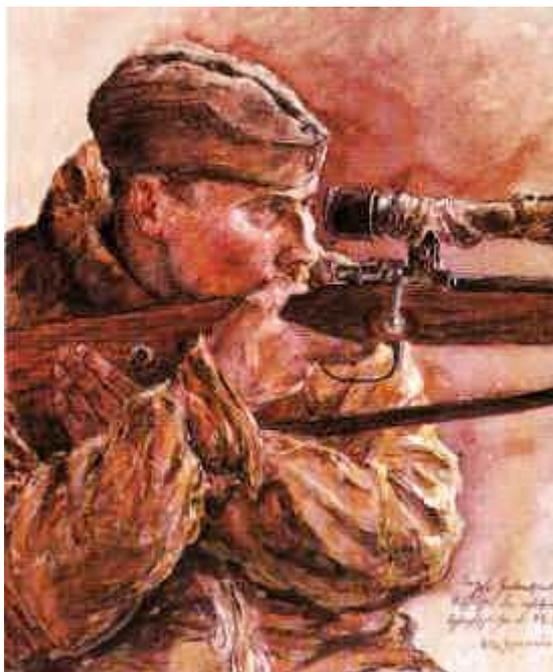
Веря в создание единой Европы в борьбе против большевизма, в немецкие войска на Восточном фронте устремились десятки тысяч добровольцев из других стран, прежде всего из скандинавских государств, Голландии, Бельгии и Франции. Испанцы тоже послали на Ленинградский фронт 20.000 солдат под командованием Муньоса Гранде, который позже стал вторым человеком в Испании после Франко. В войсках СС сражались и различные балканские народы, в том числе мусульманский полк, солдаты которого носили вместе с немецкой формой красную феску.

Без огромных поставок материалов из США и Англии, которые шли через Мурманск, Владивосток и Персию, Красная Армия была бы разбита. Оружие, снаряжение и продукты питания поставляли прежде всего США — за оплату после войны: в конце концов война — тоже бизнес. Советский Союз получил 15.000 самолетов, 13.000 танков, 4.000 пушек и более 400.000 грузовиков и джипов, а также около 5 млн. тонн продовольствия. В этих условиях летом 1942 г. началось немецкое наступление на Сталинград и Кавказ, которое солдаты сравнивали с призывом с открытки туристического бюро «На Кавказ и обратно». И все чаще они переделывали на свой лад официальный лозунг: «Фюрер приказал — мы расхлебываем». Вермахт ни в чем так не нуждался, как в нефти, именно в этом заключалась главная причина марша на Баку. «Если у меня не будет нефти, я должен буду закончить войну», — так обосновывал Гитлер свой приказ. Но когда немецкие танки достигли нефтеносных районов, там все горело.

При отступлении представители различных кавказских народов, иногда вместе с женщинами и детьми, прибывали к немцам и воевавшим на их стороне казакам. Они отчаянно сражались вместе с ними, и Сталин им этого не простил. После войны большая часть этих людей была притиснута британскими войсками к реке Драве в Австрии и те, кто не покончил с собой, были выданы Советскому Союзу.

Разведке под руководством генерала Гелена с его управлением вооруженных сил иностранных государств Востока редко удавалось, сидя за письменными столами вдали от фронта, составить себе ясный образ врага и никогда не удавалось разоблачить тех, кто в главной ставке фюрера имел доступ к военным секретам высшей важности и выдавал их врагу. Позже служба Гелена заявила, что те, кто через годы после официального установления факта смерти Бормана и обнаружения его трупа все еще уверены, будто Борман жил в Советском Союзе под чужим именем, — это люди, верящие в привидения.

Курская битва, судя по цифрам, была крупнейшей битвой в мировой истории. Тысячи танков были сосредоточены с обеих сторон, тысячи самолетов ждали в боевой готовности на аэродромах. 500.000 железнодорожных вагонов, груженных военными материалами, прибыли за три месяца из глубины России на Курскую дугу. Немецкое наступление не удалось, потому что верховное командование из-за недостатка разведывательных данных не рассчитало силу сопротивления Красной Армии. Немецкие «тигры» и «пантеры» горели, и после недели ожесточенных боев битва была проиграна.

«Scharfschütze» by Willy Hermann, 1943

Занятие Сталинграда имело целью ликвидировать важный центр советской военной промышленности и, перерезав главную русскую водную артерию, Волгу, пресечь поставку американских военных материалов из Ирана. В августе 1942 г. ударные части 6-й армии Паулюса вышли на берег Волги под Сталинградом. Когда эта армия была окружена после разгрома стоявших на флангах итальянских и румынских корпусов, Гитлер повторил свою похвальбу двухлетней давности:

«Там, где стоит немецкий солдат, никакого другого не будет!»

Немецкая армия погибла, и 100.000 немецких солдат умерли в советском плену от голода и болезней, как и миллионы советских военнопленных в Германии.

«Kameraden» by Richard Rudolph, 1943

В первые месяцы войны многие жители оккупированных областей, в первую очередь украинцы, в надежде на лучшие времена переходили на сторону немцев. Как на Украине, так и в Белоруссии и республиках Прибалтики население вполне дружелюбно встречало немецких солдат. Почти в каждой украинской деревне женщины стояли на улице с хлебом, солью и молоком. Сотни тысяч их мужей требовали оружия, чтобы тоже сражаться против Сталина. Советский генерал Власов попал в немецкий плен. После недолгого раздумья он изъявил готовность возглавить дивизии русских добровольцев. Все провалилось из-за мыслившего расовыми категориями Гитлера, его министра оккупированных восточных территорий Розенберга и «золотых фазанов», как называли солдаты расфуфыренных партийных функционеров.

Советское партизанское движение, участники которого убивали немецких солдат, взрывали железные дороги и штабы, обязано своим возникновением учению о «недочеловеках». Немецкие солдаты мало верили в это учение и никогда не выполняли т.н. приказ о комиссарах — приказ расстреливать на месте комиссаров, большую часть которых составляли евреи.

Если подъем в середине 30-х годов произошел в значительной степени благодаря сокращению бюрократии, то теперь немецкие солдаты оплачивали своими жизнями разросшийся за войну сверх всякой меры бюрократический аппарат, который принудительно угонял рабочих из других стран в Германию, тогда как при человеческом обращении мог бы получить сотни тысяч добровольных рабочих. Редки были такие исключения, как Иоахим Неринг, начальник округа в Галиции, которого на процессе в Мюнхене в 1950 г. председатель суда Мозих спросил:

«Если Вы действительно по-человечески обращались с украинцами, не так, как это было характерно для национал-социалистического режима, то делали ли Вы это только из человеческих побуждений или руководствовались мыслью, что хорошее обращение с населением более целесообразно для достижения национал-социалистических целей?»

Убежденный национал-социалист, который отстаивал чистоту идеи и поэтому защищал евреев от зондеркоманд, ответил:

«Разумеется, на этой войне, когда решался вопрос, быть или не быть моей родине, мною прежде всего владела мысль всеми средствами способствовать победе рейха. То, что я старался совместить эту цель с заповедями человечности, свидетели могут подтвердить».⁹¹

1943 год принес с собой после уничтожения 6-й армии в Сталинграде окончательный разгром немецких войск в Северной Африке, а вскоре после этого удачную высадку западных союзников в Италии и переход на их сторону этой страны, которая давно уже вела в Танжере переговоры с высадившимися в Марокко американцами. А Красная армия тем временем наступала на Запад, освободила Кубань, Донбасс и остальную Украину, включая Киев.

«Kämpfer» by Rudolf Lipus, 1943

В начале 1944 г. из Ленинграда, который никогда не был полностью окружен, пошел в наступление миллион советских солдат. Этому предшествовала артподготовка, какой не видали и солдаты первой мировой войны под Верденом. За 80 минут снаряды сравняли с землей окопы и бункеры первой линии. Остатки немецких дивизий продолжали обороняться на границе Эстонии. Группа армий «Центр» отступила к северному краю Припятских болот, а на юге русские войска вскоре достигли границ Румынии и Чехословакии.

В 2 часа ночи 6 июня 1944 г. парашютисты союзников начали высадку к востоку от французского города Орн. В море бросили якоря английские и американские военные и транспортные суда. На утренней заре после сильной бомбежки и огня с кораблей 18000 солдат высадились на берег и создали предмостные укрепления. Гитлер в

⁹¹ 91«Der Scheinwerfer-Prozess», Ewald Hippe Munchen 1950, S. 9.

своем Берхтесгадене спал без задних ног и проснулся лишь в полдень. Вторжение, которого Сталин требовал целых три года, началось. Второй фронт против Гитлера создали те, кого он считал германскими братьями, обманутыми «старым гангстером» Рузвельтом и «сумасшедшим пьяницей» Черчиллем.

Вскоре англо-американцы высадились и на средиземноморском побережье Франции.

Всем военным, начиная с полковника и выше, стало ясно, что война проиграна. 20 июля 1944 г. полковник фон Штрауфенберг подложил бомбу в штаб-квартире Гитлера в Восточной Пруссии. При взрыве были убиты и ранены многие. Пистолета, из которого наверняка можно было бы убить Гитлера, тогда уже безумного, у Штрауфенберга в портфеле не было. Гитлер с презрением сказал по этому поводу своему камердинеру Линге:

«В этих заговорщиках нет ничего от революционеров. Это не мятежники. Если бы Штрауфенберг вынул пистолет и застрелил бы меня, он поступил бы как мужчина. А то, что он сделал, — трусость».

На развалинах на месте взрыва у Гитлера снова со всей силой прорвалось убеждение, что он избран Провидением, когда он, сидя на ящике, рассуждал:

«Когда я представляю себе все это еще раз, то мое чудесное спасение означает, что со мной ничего не случится. После моего сегодняшнего спасения от смертельной опасности я более чем когда-либо убежден в том, что мне суждено довести великое дело до счастливого конца».

Война продолжалась и потребовала в последние девять месяцев столько же жертв, сколько в предыдущие пятьдесят девять.

Группа армий «Центр» была разбита, и русские считали, что для немцев это еще более тяжелое поражение, чем Сталинград. Вермахт за один раз потерял 25 дивизий, и десятки немецких генералов попали в плен. Вскоре о них снова услышали, когда они в Национальном комитете «Свободная Германия» под руководством немецких коммунистов превратились в борцов сопротивления.

В августе 1944 г. Красная Армия стояла у границы Восточной Пруссии. Немного погодя западные союзники достигли Рейна. Теперь даже до таких людей, как Геббельс, Шпеер и Гиммлер, дошло, что война проиграна.

В Геббельсе проснулся старый социалист:

«Хватит. Мы должны теперь посмотреть, как нам разумным способом выпутаться из этой истории. Я все больше склоняюсь к мнению, что мы должны прежде всего достичь соглашения с Россией. Черчилль, как показала его последняя речь, избилующая самыми низкими и циничными оскорблениями в наш адрес, еще раз доказал, что питает слепую ненависть к нам. Сталин, наоборот, — трезвый реальный политик».

Геббельс, которому было поручено руководство объявленной в берлинском Спортпаласте «тотальной войной», увидел, что лишь один солдат из десяти может сражаться. Фронтовые солдаты, которых становилось все меньше, все чаще говорили о тыловиках, что они только носят форму. Геббельс жаловался:

«Нам не хватает основной линии, простоты и единообразия нашего законодательства и действий наших исполнительных органов. Вместо Конституции у нас есть бесчисленное количество предписаний, приказов и распоряжений фюрера, которые часто противоречат друг другу или даже отменяют друг друга и умение разбираться в которых — особая наука».⁹²

Министр вооружений Шпеер, которому удавалось на развалинах с помощью голодных, старых немецких рабочих и иностранных наемников выпускать все больше истребителей и танков, не решился осуществить свое намерение пустить ядовитый газ в бункер Гитлера.

И Генрих Гиммлер, выходец из консервативной семьи и руководитель всего полицейского аппарата, попытался заключить сепаратное соглашение с западными державами. Но он не поддавался уговорам генерала СС Шелленберга, начальника зарубежной разведки, который давно вел переговоры с евреями в Швейцарии и постоянно подталкивал Гиммлера к действиям. К чему могло привести отстранение от власти или убийство военного руководителя во время войны? К превращению войны в гражданскую. Такова была дилемма оппозиционеров: их было много, но они колебались и медлили.

Бывшие союзники, румыны, финны, болгары и венгры, капитулировали перед Красной армией, а новые правительства этих стран объявили войну Германии. Наиболее трагичная ситуация сложилась на Балканах, тогда как финские солдаты только провожали печальными взглядами немецких солдат, отбывающих на родину.

⁹² Wilfred von Oven, «Mit Goebbels bis zum Ende», Durer Verlag Buenos Aires 1950, Bd. II, S. 161.

«Kampfrause» by Rudolf Werner, 1942

Два неправильных решения западных союзников были причиной того, что война продолжалась, что немецкие солдаты, рабочие и женщины, которые давно устали от войны, снова начали верить в фюрера и в обещанную конечную победу с помощью чудесного оружия. Первым был тайный приказ английского генерала авиации Харриса, которому английская королева, когда война кончилась, не хотела подавать руки:

«Главная цель ваших атак — мораль вражеского гражданского населения».

Этот приказ и ковровые бомбежки рабочих кварталов достигли противоположного: гражданское население и солдаты вновь обрели волю к сопротивлению. Вторым было требование безоговорочной капитуляции, которое Рузвельт выдвинул на конференции в Касабланке в 1943 г. После этого требования каждый немец понял, что врагом объявлена Германия, а не национал-социализм.

Последнее контрнаступление было в декабре 1944 г., когда в Арденнах три немецкие армии прорвали американский фронт и 10000 американских солдат подняли руки вверх. Штабы в Брюсселе и Париже уже начали паковать чемоданы. Наступление остановилось из-за недостатка топлива. Немецкие танки встали и истребители не могли больше взлетать. Лиддел Гарт, воспевающий военные подвиги, пишет об этих декабрьских боях:

«Идея, решение и стратегический план являлись целиком духовной собственностью Гитлера. Это была блестящая концепция, и она могла бы привести к блестящему успеху, если бы еще было достаточно сил и резервов».

Черчилля тоже одолевали сомнения, и он в январе 1945 г. телеграфировал Сталину:

«На Западе идут тяжелые бои, и любой момент может потребовать от верховного командования принятия важных решений. Я был бы Вам благодарен, если бы Вы сообщили мне, можем ли мы рассчитывать в январе на большое русское наступление на Висле или где-либо еще. Я считаю это дело действительно необходимым».

Сталин ждал с наступлением не три года, как до того Черчилль, а всего одну неделю. 12 января 1945 г. Красная Армия начала свое последнее большое наступление на фронте от Балтийского моря до Венгрии, которое через четверть года закончилось в Берлине. Это не была война в прежнем смысле слова. Немецкая молодежь была выбита, полегла в лесах и степях России. Против Красной армии сражались плохо обученные солдаты, в том числе подростки 15-16 лет и старики из геббельсовского фольксштурма лет под шестьдесят и больше. Два миллиона стариков, женщин и детей бежали из Восточной Германии, гибли под гусеницами советских танков, под бомбами на дорогах, тонули, когда проламывался лед на Балтийском море. Ужасы в Восточной Пруссии вдохновили еврейского почитателя Сталина Илью Эренбурга на написание стихотворения, от авторства которого он после войны из осторожности отказывался и в котором он призывал красноармейцев убивать немецких детей в утробе матери. Автор данного исследования, который в феврале 1945 г. был ранен в Восточной Пруссии и попал в русский плен, спросил советского генерала, азиата тридцати с лишним лет, который пригласил его на ужин:

«Как это могло быть возможным?» — «Видите ли, — ответил тот, — в каждой армии есть определенный процент преступников. И лишь те, которым в каждой новой деревне обещано все, продолжают воевать. Остальные держатся сзади, они хотят насладиться миром живыми. Скоро мы будем в Берлине».

Маршал Соколовский извинял своих преступников:

«Наши солдаты испытывали определенное удовлетворение от того, что могут делать это с женщинами этого народа господ. Впрочем, в большинстве своем это не были девственницы».⁹³

Убийства и изнасилования остановил Г. Ф. Александров, главный идеолог ЦК, статьей в «Правде» под заголовком «Товарищ Эренбург слишком упрощает».

Американцы тоже показали себя и в феврале 1945 г. подвергли массированной бомбардировке «летающими крепостями» набитый беженцами и ранеными Дрезден. Первая волна превратила этот город искусств зажигательными бомбами в море пламени, вторая и третья фугасами и воздушными минами мешали тушению пожаров, а истребители сопровождения расстреливали из пулеметов женщин и детей, искавших спасения в водах Эльбы. Осторожные оценки говорят о четверти миллиона убитых.

⁹³ 93Protokolle des Internationalen Militar-Tribunals, Band IX, S. 584.

«Heimkehr» Hans Adolf Böhler, 1940

В марте 1945 г. западные союзники перешли Рейн, в апреле Красная армия овладела Веной, и вскоре в Австрии встретились русские и американские войска. В одних были желтокожие, в других — чернокожие солдаты. 25 апреля в Торгау в присутствии многих фотографов соединились западные и советские войска, а три дня спустя немецкие генералы в Италии заключили сепаратное перемирие. Вермахт безоговорочно капитулировал 7 мая 1945 г. в Реймсе перед Эйзенхауэром, а 8 мая 1945 г. — в Берлине перед Жуковым. Победители разделили побежденную Германию.

Dr. Goebbels.

За неделю до безоговорочной капитуляции на развалинах рейхсканцелярии превращенный ядами Морелля и войной в трясущегося старика 56-летний Адольф Гитлер наконец прибег к помощи пистолета, а за несколько часов до этого продиктовал свое политическое завещание:

«Прежде всего я обязываю руководителей нации и их помощников строго соблюдать расовые законы и оказывать непреклонное сопротивление отравителям всех народов мира, международному еврейству».

Глава 14

Использование Германского ордена еврейскими полукровками

Конференция по «окончательному решению еврейского вопроса» состоялась сразу же после месяца катастроф, декабря 1941 года, поворотного момента войны, 20 января 1942 г. на вилле на озере Ванзее под Берлином. Гордо выпячивая грудь, обергруппенфюрер СС и глава СД Рейнгард Гейдрих объявил в самом ее начале, что решать этот вопрос поручено ему единолично. Кроме Эйхмана в конференции принимали также участие представители Министерства оккупированных восточных территорий Розенберга, польского генерал-губернаторства Франка, министерств внутренних и иностранных дел. Гейдрих указал такие задачи:

- а) принять все меры для подготовки к более интенсивно му переселению евреев,
- б) направить поток переселенцев,
- в) ускорить переселение в индивидуальных случаях.

Он призвал «легальным способом очистить немецкое жизненное пространство от евреев». Об уничтожении Гейдрих в этот день не говорил.

Во время Нюрнбергского процесса разжиревший рейхс-маршал Герман Геринг, сидя в камере, значительно убавил в весе, но в такой же мере снова обрел боевой дух своей молодости. Особенно по вопросу о конференции

на Ванзее он пикировался с главным обвинителем на Нюрнбергском процессе Джексон, который на замечание Геринга, что перевод неверный, ответил: «Хорошо, я это допускаю».

«Generalfeldmarschall Hermann Goring» by Conrad Hommel, 1939

Далее:

«В дополнение к порученной Вам 24 января 1939 г. задаче, которая заключалась в решении еврейского вопроса путем массовой эмиграции в наиболее благоприятных условиях, настоящим поручаю Вам принять все необходимые подготовительные, организационные и финансовые меры с целью окончательного решения еврейского вопроса в зоне немецкого влияния в Европе».

Далее продолжается спор между Герингом и Джексон:

«Геринг: Это совершенно неправильный перевод.

Джексон: Пожалуйста, дайте Ваш перевод.

Геринг: Я прочту вслух точно так, как здесь написано:

«В дополнение к уже данному Вам приказом от 24 января 1939 г. поручению найти наиболее благоприятное в соответствии с современными условиями решение еврейского вопроса в форме переселения или эвакуации настоящим поручаю Вам принять все необходимые подготовительные меры в организационном и материальном плане...»

И далее следует решающее слово, которое неверно переведено, здесь сказано буквально «для общего решения», а не «для окончательного решения»!

«...для общего решения еврейского вопроса в зоне немецкого влияния в Европе».⁹⁴

После этой конференции на Ванзее еврей Эйхман, тогда оберштурмбанфюрер СС, который после своей поездки в Палестину в 1937 году радостно доложил, что скоро еврейское население в этой стране будет преобладать, остался у Гейдриха для вечерней «беседы у камина». Впоследствии Гейдрих называл Эйхмана в письмах в разные министерства «своим доверенным референтом».

Зондеркоманды Гейдриха уничтожали евреев в России уже на протяжении нескольких месяцев. И вовсе не обязательно верить показаниям Эйхмана на иерусалимском процессе, что в ходе бесед у камина на вилле на Ванзее об этом ничего не говорилось.

Гейдрих при создании своих зондеркоманд в 1941 году опирался на «приказ о комиссарах», отданный по инициативе Гитлера, и говорил полицейским перед отправкой на Восток своим звонким, резким голосом:

«Восточное еврейство — это резервуар большевизма и поэтому, по мнению фюрера, его необходимо уничтожить».

Как вспоминал генерал СС Олендорф, Гейдрих передал руководителям зондеркоманд приказ фюрера, в котором «коммунистические функционеры и активисты, евреи, цыгане, саботажники и агенты объявлялись в принципе элементами, одним своим существованием ставящими под угрозу безопасность, и поэтому их надо без проволочек уничтожить». Под это широкое определение мог попасть любой восточный еврей.

Сражающиеся немецкие войска, которые сами никогда не выполняли приказ о комиссарах, больше подозревали, чем знали о том, что происходит у них в тылу. Но в любом случае они не имели ничего против того, чтобы им обеспечили безопасный тыл, и стремились в 1941 г. как можно быстрее продвигаться вперед на всем фронте от Балтийского до Черного моря.

Что касается числа евреев, уничтоженных по приказу Гитлера, то данное исследование не ставит своей целью уточнение этой цифры. Тот аргумент, что один убитый — это уже много, с человеческой точки зрения верен, но им не могут воспользоваться историки, до сих пор блуждающие в потемках. Оценки расходятся в пределах от 350.000 — цифры, к которой пришел один еврейский статистик в 1952 году в одной американской газете, до известной цифры 6 миллионов. «Когда мы, евреи, утверждаем, будто их было шесть миллионов, — писал тогда этот статистик, — то это бесстыдная ложь».⁹⁵

Цифра «6 миллионов» всплыла в начале Нюрнбергского процесса и опиралась в основном на данные ответственного за использование газа «Циклон Б» офицера СС Курта Герштейна, который якобы уничтожил евреев в газовых камерах. Его фамилия свидетельствует о его еврейском происхождении, как и ранее упомянутые фамилии Финкельнштейн, Бронштейн, Мильденштейн, Бехштейн и Эйнштейн.

⁹⁴ 94Протоколы Международного военного трибунала, том IX, стр. 584.

⁹⁵ 95«Deutsche Hochschullehrer-Zeitung», Tübingen, Nr. 3/4, 1959, S. 12.

Цифровые данные в документах Герштейна, которые он передал после войны французской разведке, настолько невероятны и неправдоподобны, что эти документы были отвергнуты в Нюрнберге как доказательства. Тем не менее журнал «Шпигель» ничтоже сумняшея тоже позволил себе привести цифру «6 миллионов», опираясь на документы Герштейна. «С помощью линейки и секундомера» якобы установлено, что в газовые камеры площадью 25 квадратных и объемом 45 кубических метров одновременно запихивали для уничтожения газом по 700-800 евреев.

Руководитель известного молодежного лагеря в Дортмунде, услышав от своих воспитанников сомнения насчет данных «Шпигеля», обратился в этот журнал с запросом и получил 21 февраля 1967 г. такой примечательный ответ: «Вы, разумеется, совершенно правы, что Герштейн в своих расчетах сильно ошибался». Однако это не помешало «Шпигелю», который обычно очень осторожно обращается с цифрами, воспользоваться в следующем 1968 году в серии статей еврейского профессора Саула Фридендера теми же цифрами Герштейна: 700-800 евреев на 25 квадратных и 45 кубических метров.⁹⁶

Автор данной книги ехал в декабре 1968 г. с директором по экспорту природного газа одной голландской фирмы, евреем, в поезде из Амстердама во Францию, а потом в Швейцарию. Воспоминания о войне ожили в заснеженных Арденнах — мой спутник командовал здесь канадской батареей зимой 1944-45 гг., — и, когда он открыл новый «Шпигель» и дошел до этого места на странице 100, я спросил его: «Вы хорошо умеете считать; что думаете Вы о данных „Шпигеля“ о пространстве и числе жертв?» — «Такого рода ложь, — последовал обдуманый ответ, — рано или поздно отзовется нам, евреям».

На следующий день я беседовал в Женеве с профессором Фридендером, гражданином Израйля. Автор серии статей в «Шпигеле» был возмущен тем, что этот журнал опубликовал их, не указав в сноске, что цифры Герштейна неверны. И опять последовал примечательный ответ «Шпигеля» от 21 января 1969 г.: «Разве непонятно, что Герштейн при виде таких ужасов не мог заниматься вычислениями. Незачем объяснять это читателям в сноске».

Кроме статей Фридендера с цифрами Герштейна («в четырех камерах четырежды по 750 человек при объеме каждой камеры 45 мЗ») этот журнал поместил фото:

«Средство убийства — газ „Циклон Б“. Ежедневно ликвидировали 25000 евреев».

Но подобные исторические исследования нельзя проводить, сидя за письменным столом. Цифра, которую дал «Шпигель» в 1969 году, была, к удивлению читателей, несколько меньше — пять миллионов.

В серии статей Торвальда в том же «Шпигеле» в 1974 году эта цифра стала еще меньше:

«Несмотря на подлинное или имитируемое чувство вины или соучастия в убийстве более чем четырех миллионов евреев в гитлеровскую эру (еврейская сторона обычно называет цифру шесть миллионов...)».

Эмоции и фальсификации постоянно играют свою роль в этой печальной главе истории человечества. И господин Фест не постеснялся приложить к своим статьям фотографии, которые независимые эксперты уже несколько лет назад по теням и ретуши разоблачили как фальшивки.

⁹⁶ 96«Шпигель», № 51, 16 декабря 1968, с. 100.

Немцы не хотели участвовать в этих акциях уничтожения и добровольно уходили на фронт, все больше оставляя это грязное дело литовцам, полякам, украинцам и... евреям. Ученая еврейка, профессор Ханна Арендт, пишет в изданной в 1964 г. книге «Эйхман в Иерусалиме»:

«Роль еврейских лидеров в уничтожении своего собственного народа — это для евреев, несомненно, самая мрачная глава во всей этой мрачной истории. В Амстердаме и в Варшаве, в Берлине и в Бухаресте нацисты могли рассчитывать на то, что еврейские функционеры составят списки лиц и опись имущества, добудут деньги на депортацию и уничтожение у самих депортируемых, возьмут на учет освободившиеся квартиры и предоставят полицию, чтобы помогать хватать евреев и запихивать их в поезд... То, что в лагерях смерти прямую помощь при уничтожении жертв оказывали обычно еврейские команды, этот сам по себе известный факт полностью подтвержден свидетелями на процессах: как зондеркоманды работали в газовых камерах и крематориях, как они вырывали золотые зубы у трупов и отрезали волосы, как они рыли могилы, а позже снова разрывали те же могилы, чтобы скрыть следы массовых убийств, как еврейские техники строили газовые камеры в Терезиенштадте, которые, правда, не были использованы, как еврейская „автономия“ дошла до того, что сама стала палачом евреев».

Со времен своей жизни в Вене, особенно от своего учителя Ланца фон Либенфельса, Гитлер очень хорошо знал, что порвавшие со своими евреями отличаются особой ненавистью к собственному народу. Он использовал эту ненависть, набирая в 20-х годах кадры для газет «Фёлькишер беобахтер» и «Штюрмер», а во время войны — набирая кадры для уничтожения евреев.

Гестапо впервые занялось Герштейном 27 сентября 1936 г., когда его арестовали за антигосударственную деятельность. Этот молодой борец, по собственному признанию, разослал высшим государственным чиновникам 8500 брошюр, направленных против национал-социализма. 14 июля 1938 г. Герштейна арестовали вторично и на этот раз отправили в концлагерь Вельцхайм. После освобождения бывший борец сопротивления вступил в СС, быстро стал офицером, а во время войны — поставщиком ядовитого газа, который использовался для уничтожения евреев. Герштейн сразу же сообщил об этом в Швецию и Швейцарию, а оттуда эти сведения дошли до западных союзников. Голландский инженер Юббинк передал доклад Герштейна в Лондон. Шведы опубликовали после войны памятную записку барона фон Оттера, который воспроизвел разговор с Герштейном об убийствах в газовых камерах. Герштейн очень старался, чтобы о его тайной деятельности знали за рубежом. Он пришел в апостолическую нунциатуру в Берлине и попросил передать папе, чтобы тот поднял тревогу. Столь же открыто высказывался Герштейн в Берлине перед рабочими, угнанными из Голландии. Едва познакомившись с тюремным священником Бухгольцем, он в тот же вечер рассказал ему о своей деятельности. Бухголец позже признался в одном письме:

«Когда он потом начал открыто и откровенно перечислять детали, указывать названия и расположение лагерей смерти, рассказывать о „дневной производительности“ отдельных крематориев и газовых камер, о ежедневной добыче золотых зубов и пломб и т.д. и об общем числе жертв свыше 10 миллионов, то для нас, всех тех, кто плохо знал об этих вещах, эти точные описания выглядели столь ужасными, что мы не могли в них

поверить».⁹⁷

Священник Мохальский сообщил нечто подобное: «В конце богослужения ко мне в ризницу пришел человек в штатском, которого я не знал. Он передал мне документ с красной каемкой и надписью „Секретно“, адресованный оберштурмфюреру С С Герштейну. Он сказал мне, что он и есть Герштейн».

Короче говоря, Герштейн, как и его начальник Эйхман, стремился потрясти всех миллионными цифрами — «свыше 10 миллионов». Беспрепятственно, ни соблюдая ни малейшей осторожности, он обращался во время войны со своими описаниями и данными к совершенно незнакомым людям, говорил с десятками враждебных режиму иностранцев из нейтральных или оккупированных государств. Герштейн сам утверждал позже, что при одной такой предварительной беседе от него потребовали свидетельство о состоянии его здоровья. Но он рассказывал обо всем этом сотням людей.⁹⁸ Совершенно невозможно, чтобы в тогдашней обстановке всеобщей слежки человек рассказывал «сотням людей» секрет из секретов, не имея такого задания. Его могли бы арестовать десятки раз.

Целью было путем распространения ужасных слухов выгнать европейских евреев через Данию, Италию, Балканы и далее морем на Ближний Восток. «Вам надоела Европа?» — спрашивали тогдашние борцы против евреев. — Мы это прекрасно понимаем. И беженцам либо освобождали путь через границу, либо сопровождали их вооруженными конвоями, как на Черном море, либо СС вагонами отправляли человеческий груз через испанскую границу и в Швейцарию. Другой целью этих откровений Герштейна было предложить западному миру великолепный с точки зрения немецких военных расходов гешефт: обмен миллионов заложников на товары. То, что Герштейн при этом иногда оперировал и с цифрой «25 миллионов уничтоженных в газовых камерах», сегодня неохотно вспоминают, но это позволяет четко обрисовать цели его кукловодов.

Французы, похоже, сделали аналогичные выводы и по всем правилам посадили в тюрьму человека, который выдавал себя за борца сопротивления при газовых камерах. 25 июля 1945 г. Герштейна нашли мертвым в его камере в парижской тюрьме. Среди оставшихся после него документов было недописанное письмо. Вдова Герштейна исключает возможность самоубийства: ни она, ни его родные, ни друзья не видели ни трупа Герштейна, ни его могилы, и причина его смерти остается неизвестной.

В расчеты Гитлера входило, что после того, как эти ужасы станут известными, мир, потрясенный известиями о миллионах жертв, примет еврейский народ, и Англия широко откроет двери Палестины, но эти расчеты не сбылись. Старания Эйхмана выпихнуть всех находящихся под контролем Германии евреев в Переднюю Азию не увенчались успехом. Во время своих переговоров с еврейским посредником Иоилем Брэндом в Будапеште Эйхман уверял, что предлагаемые им миллионы — только начало. В случае изъявления готовности принять евреев он обещал отдать приказ сразу же взорвать все газовые камеры.

Американский посол Штейнгардт докладывал 25 мая 1944 г. из Турции своему правительству:

«Два дня назад некто Иоиль Бранд, который выдает себя за представителя еврейских общин Будапешта, прибыл в Стамбул и передал Барласу из еврейского палестинского бюро предложение, якобы исходящее от Эйхмана, комиссара по еврейским проблемам. Из этого предложения явствует, что в обмен на 2 миллиона штук мыла, 200 тонн какао, 800 тонн кофе, 200 тонн чая и 10000 грузовиков Эйхман готов прекратить

⁹⁷ Письмо члена соборного капитула П. Бухгольца от 10 июля 1946 г., архив дома Курта Герштейна.

⁹⁸ «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», I. Jahrgang 1953, S. 192 f.

депортацию и истребление евреев во всех оккупированных Германией странах, включая Румынию».⁹⁹

Западный, т.е. свободный мир не был заинтересован в этой сделке. «Представления о евреях, устремляющихся в Палестину, больше беспокоили Уайтхолл, чем представления о евреях, умирающих в газовых камерах», — жаловался после войны американец Артур Д. Морзе в своей книге «Воды не разделялись».

В Восточной Европе прекратили уничтожение евреев. До сих пор неясно, что в миллионных цифрах Эйхмана было правдой, а что — пропагандой ужасов. По поводу Освенцима гамбургский судья д-р Вильгельм Штеглих несколько лет назад заметил:

«Ни один из заключенных не вел себя так, будто он боялся жестокого обращения или даже смерти. В музее концлагеря Дахау имеется фотография с подписью „Печь для сжигания трупов в Освенциме“. Но в ней легко узнать пекарную печь, которую один из заключенных показывал нам в действии».

И епископ д-р Нойхойслер, который с 1941 по 1945 год был в концлагерях Заксенхаузен и Дахау, разрушил в своей брошюре «Так было в Дахау» миф прессы о 238000 убитых газом и сожженных в Дахау. В концлагере Дахау не было газовых камер, и после выхода в свет брошюры Нойхойслера с мемориала была снята табличка, которая на протяжении многих лет указывала ложные данные.

SS-Gruppenführer Ernst Kaltenbrunner (1903 — 1946)

У наследника Гейдриха, австрийца Кальтенбруннера, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер отнял сферу борьбы с евреями и взял руководство ею на себя. Разумеется, с тяжелым сердцем. «Выполнение этого очень трудного приказа фюрер возложил на мои плечи. Никто, кроме него, не может снять с меня эту ответственность. Поэтому я лишаю себя права голоса», — писал Гиммлер после смерти Гейдриха офицеру СС, отвечающему за связь с Министерством оккупированных территорий.¹⁰⁰ Перед гауляйтерами глава СС заявил, что окончательное решение — это для него самый трудный вопрос его жизни.

⁹⁹ Arthur D. Morze, «Die Wasser teilten sich nicht», Rutten und Loenig Verlag 1967, S. 313.

¹⁰⁰ Helmut Heiber, «Reichsführer! Briefe an und von Himmler». Deutscher Taschenbuch Verlag München 1970, S. 167.

Наконец, наследник Гейдриха, обергруппенфюрер СС Кальтенбруннер получил следующий приказ от Гиммлера:

«Я запрещаю — и этот приказ вступает в действие немедленно — уничтожение евреев и приказываю, наоборот, ухаживать за слабыми и больными людьми. Вы лично будете отвечать, если нижестоящие инстанции не будут строго выполнять этот приказ».¹⁰¹

Только после войны сионистам удалось с помощью преувеличенных описаний событий 1942-43 гг. оказать давление на весь мир и посредством этого давления заставить англичан воплотить в жизнь декларацию Бальфура. Проводимые Гитлером, Гейдрихом, Эйхманом и Герштейном в эти годы меры по уничтожению евреев стали поводом для долгосрочных компенсаций и тем самым важной основой для строительства государства Израиль в Палестине. Те, кто уничтожал евреев, не сомневались, что их действия, как в случае победы, так и поражения Германии, вернут евреям после двухтысячелетних скитаний Святую землю как родину. Выходящая в Германии газета «Юдише альгемайне» признала 15 января 1960 г.:

«Большинство волн переселений вызывались только давлением, заставлявшим покинуть свою страну».

При всех акциях уничтожения соблюдалось учитываемое Гитлером с венских времен различие восточных евреев — по Ратенау, «азиатских орд», а по Гейдриху — просто «сброда» — и ничтожного меньшинства западных евреев, которые своими миллионами долларов помогли Гитлеру прийти к власти. Институт немецкой послевоенной истории в Тюбингене опубликовал в 1967 г. рассказ немецкого уполномоченного по четырехлетнему плану, который во Львове должен был руководить использованием на работе четверти миллиона живших там евреев: «Переговоры между „партнерами“ состоялись в транспортной комендантуре вермахта во Львове на Академической улице. Там были определены отобранные для „окончательного решения“ контингенты. Евреев-сефардов, т.е. западных евреев, среди них не должно было быть, и они до „окончательного решения“ сотнями и целыми семьями вылетали на самолетах вермахта и наших тогдашних союзников из Галиции. Так, в октябре 1943 г. из люблинского лагеря на месте бывшего аэродрома гражданской авиации 16 отобранных евреев были переправлены через Испанию в США, в том числе один родственник советника Рузвельта Моргентхау».

Масса захваченных в Западной Европе евреев переселилась на протяжении последних столетий с Востока, так что для Гиммлера это тоже были восточные евреи. Если их рассматривали как западных евреев, подручные Эйхмана переправляли их в Терезиенштадт, который был не столько концлагерем, сколько голодающим еврейским городом с самоуправлением, школами и культурными учреждениями. Часто руководители империи СС, которые постоянно нуждались в деньгах, заключали с ними лучшие сделки в своей жизни. Кальтенбруннера это возмущало, и он давал в Нюрнберге такие показания:

«Гиммлер проделывал через Бехера самые гнусные вещи, какие только были возможны. Суть их заключалась в том, что он через Бехера и через комитеты Джойнта в Венгрии и Швейцарии выпускал евреев сначала за вооружение, а потом за сырье и валюту. У меня были

¹⁰¹ 101«Deutsche Hochschullehrer-Zeitung», Tubingen Nr. 3/4, 1959, S. 27.

разведанные об этих акциях, и я сразу же выступил против них, но обратился не к Гиммлеру — это было бы бесполезно, — а к Гитлеру».

Известно, что из Швейцарии на протяжении всей войны в Германию поступали вооружение и валюта.

После приказа Гиммлера о прекращении уничтожения евреев картина полностью изменилась. Еврей Гинзбург, который пишет под именем Бург, сообщал из Венгрии после того, как сорвались переговоры с англичанами о выезде евреев в Палестину:

«Министр внутренних дел Коварч настаивал на ликвидации всех евреев в гетто. Генерал полиции Винкельман, который был в Будапеште высшим руководителем СС и полиции, обратился лично к Гиммлеру, а потом вызвал венгерского министра внутренних дел Коварча к себе. Он сказал Коварчу, что 84000 евреев будапештского гетто находятся под немецкой защитой, и категорически запретил уничтожение гетто „в интересах рейха“.

В речи перед двумястами собравшимися в орденом замке Зонтхофен немецкими генералами Гиммлер предоставил им весной 1944 г. возможность в любой момент и без предварительного оповещения убедиться собственными глазами в любом концлагере в том, что слухи об уничтожении ложны.

В это время военные судьи СС, прежде всего оберштурмфюреры д-р Морген и д-р Рейнике, устроили большую чистку. Унтерфюреры СС, которые совершили надругательства над еврейками, были понижены в чине и отправлены в концлагеря, откуда они вышли после войны как «преследовавшиеся при нацистском режиме». Встревоженный докладом начальника полиции безопасности Люблина, д-р Морген узнал, что охранники СС играли в футбол с еврейскими лагерными полицейскими, устраивали совместные праздники и что среди 111 гостей на еврейской свадьбе сидели лагерные охранники в форме СС и пили коньяк «Мартель». «Участились кутежи, увеличилось потребление спиртного», — свидетельствовали судьи СС в Нюрнберге перед удивленным трибуналом.

Один унтерштурмфюрер СС, т.е. лейтенант, был приговорен судом СС к смертной казни с таким обоснованием:

«Он совершил жестокости, недостойные немца и офицера СС».

Следователю д-ру Моргену удалось обвинить коменданта концлагеря Бухенвальд, Карла Коха, который был повешен на лагерном плацу на глазах у заключенных. Такая же справедливая кара постигла коменданта лагеря в Майданеке Германа Флорштедта. За короткое время были вынесены 200 приговоров, которые сразу же были приведены в исполнение. Когда война подошла к концу, рассматривались еще 600 дел, в том числе дела Эйхмана и коменданта концлагеря Освенцим Рудольфа Гесса.

«Bildnis Reichsminister HeЯ» by Carl Horn, 1937

Гесс, который в 1924 году был приговорен к десяти годам каторги за убийство — вместе с Мартином Борманом, — отомстил на свой манер ордену под знаком мертвой головы, СС, который, как он считал, его предал.¹⁰²

¹⁰² 102Heinrich Hannover, «Politische Justiz 1918-1933». Fischer Bucherei Frankfurt am Main 1966, S. 159.

Martin Borman (1900 — 19??)

Американцам, у которых он сидел до того, как был передан Польше и там казнен, он давал любые признания, какие от него требовали, в частности, что в концлагерях использовались рабы, хотя термин «рабский труд» никогда не употреблялся немецкими официальными учреждениями.

В политическом руководстве Гитлера был силен элемент с еврейской примесью среди тех, кто занимался борьбой с евреями и их уничтожением, — очень силен. И генерал СС Эрих фонд дем Бах-Зелевский, возглавлявший борьбу против партизан, и генерал СС и бывший гауляйтер Вены Одило Глобочник, «истребитель евреев», были людьми с примесью еврейской крови.¹⁰³

И если появлялся деятель без примеси еврейской крови, такой как генерал СС Фридрих-Вильгельм Крюгер, который, несмотря на протесты вермахта, отправил из гетто в лагеря сотни тысяч рабочих военных заводов, то он был женат на полуеврейке, и рейхсфюрер Гиммлер утешал его:

«То, что Ваше положение в СС ни в коей мере не колеблется из-за моего отношения и из-за такого несчастья, как родословная Вашей жены, Вы знаете, и я снова заверяю Вас в этом данными строками как рейхсфюрер СС».¹⁰⁴

И вторая мировая война обернулась для Германии несчастьем. Вернувшиеся домой фронтовики, в том числе и солдаты войск СС, если бы они вернулись с победой, посчитались бы со всеми этими тыловиками иначе, не так, как «перевоспитатели», действовавшие под руководством иностранцев. При денацификации вешали мелкоту и не тронули того, кто совершал преступления, сидя за письменным столом, — д-ра Ганса Иозефа Марию Глобке, главного автора, а не только комментатора Нюрнбергских расовых законов — основы всех акций по уничтожению, — который занял в ФРГ один из высших государственных постов.

¹⁰³ 103Dietrich Bronder, «Bevor Hitler kam». Hans Pfeiffer Verlag Hannover 1964, S. 204.

¹⁰⁴ 104Helmut Heiber, «Reichsführer Briefe an und von Himmler». Deutscher Taschenbuch Verlag Munchen 1970, S. 290.

Глава 15**Окончательное решение еврейского вопроса — Израиль**

Война была кончена. В Северной Италии высадились специальные еврейские подразделения из США, которые годами готовились в американских университетах к своей послевоенной работе, перевоспитанию немцев. В немецкой семье главным лицом был отец. Дисциплина и порядок были принципами немецкого воспитания, Гитлер просто перенес немецкий семейный порядок на государство во вред другим народам.

Прибывшие были высокообразованными, благовоспитанными юношами. Их не следует путать с теми командами мстителей, которые тогда приезжали из Италии через Альпы на закамуфлированных военных грузовиках с развевающимися плакатами:

«Ни народа, ни рейха, ни фюрера. Евреи идут!»

На автотрассах, когда на обочине дороги появлялся одинокий велосипедист, правую дверцу тяжелого грузовика открывали и убивали таким образом велосипедиста. В большой лагерь для военнопленных под Нюрнбергом, где находились 36000 эсэсовцев, 15 апреля 1946 г. доставили отравленный мышьяком хлеб, от которого около 700 пленных умерли сразу же и еще несколько сот — после долгих мучений.¹⁰⁵

¹⁰⁵ 10599) Michel Bar-Zohar, «Les vengeurs» («Die Racher»), Fayard 1968, S. 63.

«Appell am 23. Februar 1933» by Elk Eber, 1937

С этими другими господами из спецотделов, с университетским образованием, можно было говорить, и вскоре начались продолжительные беседы с немецкими военными корреспондентами, которых было много в Италии и которые ждали новых указаний и не хуже своих американских коллег умели манипулировать общественным мнением. Темноволосые красотки разносили ротвейн, и в этой мирной обстановке пошли разговоры о Боге и мире, о темном происхождении Гитлера и о его связанном с этим маниакальном мессианстве, а также о том странном факте, что мощные американские ВВС со своими тысячами «летающих крепостей» никогда не предприняли попытки разбомбить один из лагерей, где находились хорошо известные, расположенные отдельно постройки с газовыми камерами. И тут один молодой рыжеволосый ученый из США вскочил и крикнул сидевшему напротив него за столом немецкому пропагандисту, которого друзья звали «дикой уткой»: «Но вы сделали за нас нашу работу».

Приехавшим из-за Атлантического океана специалистам по формированию общественного мнения вскоре удалось занять ключевые посты в прессе и на радио оккупированных и освобожденных стран либо самим, либо через своих доверенных людей. И вскоре послевоенной темой номер один в тысячах статей, брошюр, книг и радиокomentarиев, от которых у людей во всем мире захватывало дух, стало уничтожение евреев в Восточной Европе.¹⁰⁶

Теперь наконец заокеанские страны открыли свои двери людям, уставшим от Европы, и эти люди устремились туда через временные лагеря многочисленных организаций помощи беженцам. И только Англия, которая хотела сохранить свои стратегические позиции на Суэцком канале, свою империю и свое влияние на нефтедобывающие страны, продолжала отчаянно сопротивляться сотням тысяч людей с концлагерными номерами, вытатуированными на предплечье¹⁰⁷ которые устремлялись к берегам Палестины. Началось то, что мир назвал «исходом»: так назывался старый речной пароход с Миссисипи, который использовался в восточной части Средиземного моря для перевозки евреев.

Еврейские террористические организации, которые получали деньги главным образом из США, а оружие — со складов, на которые его собирали с полей европейских битв, сеяли панику. В январе 1947 г. тайная организация «Иргун цвай леуми» объявила войну Англии. Британских солдат и офицеров похищали и вешали или убивали среди бела дня. Британский штаб в Палестине, британское посольство в Риме, квартиры британцев в венском «Парк-отеле» сотрясались от взрывов бомб. После взрыва британского штаба в отеле «Царь Давид» в Иерусалиме английский премьер-министр Клемент Эттли заявил 23 июля 1947 г. в палате общин:

«Достопочтенные депутаты с ужасом узнали о преступлении озверевших убийц в Иерусалиме. Из всех мерзостей, какие сионисты творят в Палестине, — а их было уже много, и ужасных, — последнее — самое отвратительное. В результате этого безумного террористического акта погибли 93 ни в чем не повинных британских офицера».

¹⁰⁶ ¹⁰⁶Автор вышедшей недавно в США книги «Индустрия холокоста» еврей Норман Финкельштейн обращает внимание на то обстоятельство, что это произошло отнюдь не «вскоре». Истерия вокруг холокоста началась после шестидневной войны 1967 года. Прим. переводчика.)

¹⁰⁷ ¹⁰⁷Интервью премьер-министра Израйля Леви Эшкола, данное Конраду Алерсу, «Шпигель», № 31, 1965 год: «Я постоянно помню о том, что здесь еще живут сотни тысяч людей, у которых на руке вытатуирован номер концлагеря».

Палестинцы, которых в то же время изгоняли с их земель, смотрели и учились, какими методами основывают государство.

Д-р Наум Гольдман, будущий лидер сионистов, заявил весной 1947 г. на седьмом заседании конгресса канадских евреев в отеле «Мон-Ройяль» в Монреале, что евреи могли бы согласиться и на Мадагаскар, но «мы настаиваем на Палестине не по религиозным, историческим или эмоциональным причинам, а потому что Палестина — ось трех континентов и в военном, политическом и в стратегическом отношении — центр мира». К тому же, добавил Гольдман, согласно «Бюллетеню конгресса» запасы нефти в этом регионе в несколько раз больше, чем на всем американском континенте.¹⁰⁸ Государство Израиль нужно было основать максимум через год — потом интерес мира мог ослабеть.

Как и многие другие пророки, Адольф Гитлер относится с немецкой точки зрения — к великим неудачникам мировой истории. Разница лишь в том, что миллионы смертей в результате его религиозных войн произошли в течение нескольких лет, а не растянулись на столетия. «Еврейско-большевистская чума» проникла в сердце Германии, американцы передали Красной армии Тюрингию и Саксонию, и с тех пор советские войска стоят на берегах Эльбы. В Берлине, столице рейха, через тридцать лет после окончания войны правят военные, что было бы немыслимым при реальном осуществлении права народов на самоопределение.

Но, если попытаться взглянуть на это с другой стороны, мечта жизни Гитлера времен его венской юности блестяще осуществилась.

Ненависть к родной крови, характерная для него и его еврейских помощников, Гейдриха и Эйхмана, переросшая в безумие и плановое уничтожение, завершила наконец «дело Господне» путем создания государства для евреев, подвергавшихся преследованиям на протяжении двух тысяч лет. Через три года после смерти Гитлера и через год после речи Гольдмана в Канаде 14 мая 1948 года британские солдаты спустили английский флаг с

¹⁰⁸ 108Adrien Arcand, «A bas la haine». Editions La Verite, Monreal 1965, S. 48 — «L'Unite Nationale», Monreal, Nr. 4 vom Dezember 1953, S.S.

мачты здания правительства в Иерусалиме. В полночь британский верховный комиссар сложил мандат на Палестину. А в два часа ночи президент США Гарри Трумэн первым признал новое государство Израиль.

Давид Грюн из Польши, назвавшийся Бен-Гурионом, первый глава правительства этого возродившегося через две тысячи лет еврейского государства, воскликнул:

«Еврей, который не живет в Израиле, живет во грехе!»

Годы уличных боев закончились. Начались десятилетия войн за жизненное пространство и безопасные границы.

Об авторе

Хеннеке Кардель во время второй мировой войны воевал на Восточном фронте, попал в плен, на территории Литвы бежал из плена. Вернувшись в Германию, задумался о причинах мировой войны. Беседы с людьми

различных национальностей, в том числе евреями, изучение тщательно скрывавшихся архивных документов позволили ему сделать вывод о том, что верхушка гитлеровского рейха состояла из людей, в крови которых была значительная доля еврейской крови. Это вызывало и вызывает у неосведомленных людей по крайней мере недоумение, ибо Гитлеру и его подручным приписывается стремление уничтожить евреев в мировом масштабе. Результаты исследований и легли в основу книги, впервые изданной в Женеве в 1974 году.

Послесловие

Автор этой книги не случайно спрятался под псевдонимом — он имел все основания опасаться мести со стороны неонацистов, поклонение которым Гитлеру порой доходит до обожествления. В книге Карделя их кумир показан в весьма неприглядном виде, что, естественно, могло навлечь на автора их гнев.

Для Карделя Гитлер отнюдь не кумир, а отрицательный персонаж истории, он рисует его портрет самыми черными красками, но подвергает критике не только Гитлера как личность, а также резко осуждает расистскую и антисемитскую идеологию Гитлера.

Название книги звучит парадоксально. Безусловно, те жестокие репрессии, которые обрушил на евреев нацистский режим, вызвали волну еврейской эмиграции сначала из Германии, а потом из оккупированных ею стран и способствовали возникновению после войны еврейского государства Израиль. Объективная причинная зависимость здесь и в самом деле существует, но автор ее несколько спрямляет, и у него получается так, будто создание Израиля было чуть ли не главной целью Гитлера, что, конечно, неверно. Нацисты, действительно, ничего не имели против создания еврейского государства в Палестине, но главные их цели были совсем другие.

Уделяя особое внимание анализу личности Гитлера, Кардель связывает его патологический антисемитизм с комплексом неполноценности, которым, по его мнению, страдал Гитлер. Дело в том, что в родословной нацистского фюрера много темных пятен, и давно высказывались подозрения, что в числе его ближайших предков были евреи. Действительно ли мысль об этом так мучила Гитлера, как полагает Кардель, невозможно утверждать с полной уверенностью, но Гитлер, безусловно, понимал, что эти подозрения могут быть использованы его политическими противниками.

Это оружие и в самом деле пыталась использовать против Гитлера оппозиция в рядах его собственной партии, та оппозиция, с которой Гитлер беспощадно расправился в «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г. Известно, что демагогия Гитлера, его псевдосоциалистические лозунги увлекли за собой широкие массы, которые после прихода нацистов к власти ждали, что теперь начнется воплощение в жизнь социалистических идей и борьба против крупного капитала, однако их ждало жестокое разочарование. Кардель подробно описывает в своей книге, как Гитлер вступил в сговор с финансовыми воротилами; в глазах автора, идейная связь которого с антигитлеровской оппозицией 30-х годов прослеживается довольно явно, это было предательством «национал-социалистической революции». В идейном плане это предательство выражалось в гитлеровском расизме и антисемитизме, несовместимыми, по мнению автора, с «настоящим» национальным социализмом, образцом которого он считает послевоенный режим генерала Перона в Аргентине. США организовали свержение этого режима, и американские марионетки довели некогда процветающую Аргентину до того плачевного состояния, в каком она находится сегодня.

С целым рядом положений книги Карделя можно и должно спорить, но одно несомненно: издание этой книги вносит ценный вклад в борьбу против экстремизма, способствует развенчанию культа Гитлера, который выглядит особенно дико, когда его исповедуют отдельные молодежные группы в России, стране, больше всех

пострадавшей от гитлеровской агрессии, целью которой было превращение русских и других «недочеловеков» в рабов.

А. М. Иванов

историк,

председатель Московского отделения Международной организации Европейская Синергия,

член Общества бывших политзаключенных.

Информация к размышлению

Для книги Хеннеке Карделя «Адольф Гитлер — основатель Израиля», большую часть информации собрал профессор Дитрих Брондер. Кто же он? Еврей, живущий в Западной Германии, профессор истории, генеральный секретарь безрелигиозных еврейских общин Германии. Это своего рода еврейский безбожник, в том смысле, что он не согласен с Иеговой.

Но с другой стороны, он — генеральный секретарь целого объединения евреев в Западной Германии, которые являются своего рода еврейскими протестантами. В своей книге «До прихода Гитлера» он описывал роль евреев в приходе Гитлера к власти. Но как только эта книга была издана в Германии, ее моментально запретили. Кто? Немецкие власти.

После капитуляции в Западной Германии были проведены законы, где малейшая критика евреев была запрещена в уголовном порядке. И статья в уголовном кодексе. И когда нашелся честный, очень авторитетный еврей, который хотел осветить некоторые белые или темные пятна прихода Гитлера к власти, то его книга оказалась запрещенной. В Германии запретили книгу еврейского профессора и генерального секретаря еврейских протестантов. Вот вам и демократия. Но нашелся другой человек, который выпустил его книгу вторым изданием, но уже в Швейцарии. Это и есть тот самый Хеннеке Кардель — автор книги «Адольф Гитлер — основатель Израиля». Кто же он? Он 1922 г. рождения. Кавалер рыцарского железного креста, подполковник немецкой армии в отставке. За 4 года войны он стал подполковником и кавалером высшей награды Рейха. После капитуляции Германии в чине подполковника он вышел в отставку и начал писать книги, в том числе и вышеупомянутую. Каковы же результаты? Моментально заработал немецкий суд и приговор — все это утопить. В буквальном смысле слова. 10 тыс. экземпляров этой книги были утоплены в гамбургской гавани по решению немецкого суда. И все это в 1974 г.

Но Хеннеке Кардель не сдался, показав себя истинным кавалером рыцарского железного креста. Он переехал в Швейцарию, открыл там собственное издательство и начал сам издавать книги, потому что это была единственная возможность издавать книги на немецком языке — в Швейцарии. И во всей Германии не нашлось никого, кто осмелился бы написать на эту запретную тему, кроме кавалера немецкого железного креста.

Рыцарским железным крестом офицеры награждались за проявленное личное мужество.

Вот такая информация к размышлению: почему немецкое правительство запрещает к изданию книги немца — героя войны, где он пытается изучить причины этой проклятой Второй мировой войны, стоившей человечеству 50 млн. жизней?

Почему нынешние российские власти истерически пытаются бороться с антисемитизмом, толком не понимая, что это такое?

Или они все понимают, но выполняют чей-то приказ?

Чей?

Хеннеке Кардель

Адольф Гитлер — Основатель Израиля

Hennecke Kardel

Adolf Hitler — Begründer Israels

Лицензия ЛР 030411 от 01 сентября 1997 г.

Формат 60х90/16 Заказ № 4122 Усл. печ. л. 14

Тираж 3000 экз. Подписано в печать 22.07.2002.

Издательство «Русский Вестник»

Тел.: (095) 953-42-25 E-mail: rusvest@rv.ru

Отпечатано в ОАО Типография «Новости»

Россия, 107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

Тел.: 265-61-08. Факс: 265-54-18